

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ
БОРЬБЫ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1984

Актуальные вопросы борьбы с преступностью / Под ред. В. Д. Филимонова, М. К. Свиридова.— Томск.: Изд-во Томск. ун-та, 1984.— 14 л.— 2 р. 20 к. 500 экз. 1203100000.

Сборник включает в себя статьи научно-педагогических работников юридических факультетов университетов Западной Сибири. В статьях рассматривается широкий круг уголовно-правовых, криминологических, исправительно-трудовых, уголовно-процессуальных и криминалистических вопросов борьбы с преступностью на современном этапе.

Авторы широко используют судебную практику, практику органов МВД и прокуратуры. В статьях рассматривается ряд предложений, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью.

Для преподавателей, аспирантов, студентов вузов, для работников, ведущих борьбу с преступностью.

Рецензент — канд. юрид. наук А. К. Музеник

Редакторы — докт. юрид. наук В. Д. Филимонов, докт. юрид. наук М. К. Свиридов

А 1203100000
177(012)—84 51—84

О МЕСТЕ ПРИНЦИПА СООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ ХАРАКТЕРУ И ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. Ф. МИЦКЕВИЧ

Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий¹. Человек способен к самостоятельному выбору определенного варианта поведения. Эта способность, как указывал А. А. Пионтковский, является необходимым условием для установления возможности уголовной ответственности и реализации такой возможности². В соответствии с этим в рамках существующей системы общественных отношений, определяемой в конечном счете существующим способом производства, возможно регулирование поведения личности путем создания контрмотивов определенным формам ее поведения. Средством, могущим служить контрмотивом совершения общественно опасных деяний со стороны отдельных членов общества, является наказание, содержание которого представляет собой ограничение или лишение человека его правовых благ. Однако сами по себе эти ограничения не могут еще сыграть роль контрмотива совершения общественно опасных деяний или стать средством исправления и перевоспитания осужденных. Для того, чтобы они могли стать таковыми (то есть уголовным наказанием в собственном смысле), они, во-первых, должны быть определенным образом упорядочены в зависимости от тех или иных обстоятельств и свойств некоторых явлений реальной действительности, в которой функционирует уголовное наказание. Такими явлениями будут являться в первую очередь личность и преступление. Во-вторых, такая зависимость между наказанием и преступлением, наказанием и личностью обяза-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

² Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М.: Госюриздат, 1961, с. 267.

тельно должна найти отражение в сознании лиц, склонных к совершению преступлений, а также лиц, осужденных за совершение преступления. Таким образом, в центре уголовного права в соответствии с мыслью о возможности предотвращения общественно опасных форм поведения с помощью уголовного наказания находятся следующие основные элементы (или понятия): преступление, личность и наказание.

Преступление представляет собой сложный психомоторный акт поведения человека, имеющий внешнюю, объективную сторону, заключающуюся в совершении какого-либо телодвижения (нескольких телодвижений), произнесении слов или воздержания от таковых, и внутреннюю, субъективную сторону, представляющую собой контролируемость действий человека его сознанием и волей. Этот акт поведения человека посягает на какой-либо определенный объект или группу объектов, имеющих важное значение для общества. Оно, преступление, выступает в двух значениях: факт его совершения свидетельствует о том, что появилась возможность привлечения лица к уголовной ответственности, то есть преступление в этом отношении выступает в качестве основания уголовной ответственности. В то же время, являясь основанием уголовной ответственности, преступление, наряду с другими обстоятельствами, выступает как фактор, определяющий меру карательного воздействия на преступника.

Личность является объектом уголовно-правового воздействия (именно личность, а не субъект преступления, ибо последний есть лишь совокупность характеристик личности, составляющих необходимый минимум для установления возможности применения уголовно-правового воздействия или определяющих какие-либо особенности личности, важные для применения уголовно-правового воздействия). Понятие «личность» как объект уголовно-правового воздействия (под последним имеется в виду как воздействие факта угрозы, содержащейся в уголовном законе, так и конкретная мера наказания, применяемая судом и исполняемая соответствующими органами) включает в себя лиц, совершивших преступление и привлеченных к уголовной ответственности, а также лиц, склонных к совершению преступлений, но не совершающих их из страха подвергнуться уголовному наказанию (так называемые «неустойчивые» элементы). При этом, несмотря на то, что непосредственным объектом уголовно-правового воздействия советское уголовное право имеет личность осужденного преступника и «неустойчивую» личность, оно опреде-

ленным образом воздействует и на всех других психически нормальных лиц. Непосредственно предупредительный эффект с помощью угрозы наказания и приведения этой угрозы в исполнение уголовное право осуществляет лишь в отношении «неустойчивых» элементов и личности осужденного преступника, что прямо закреплено в законе в качестве целей общего и специального предупреждения преступлений. В отношении же всех других граждан уголовное право, определяя условия и правила применения уголовного наказания, может оказывать такое воздействие, следствием которого будут являться определенные изменения в сфере существующих в обществе оценок различных форм поведения людей, то есть в сфере морали и правосознания.

Уголовное наказание не имеет специфической, свойственной только ему цели укрепления и развития морали и правосознания лиц, не относящихся к числу преступников или неустойчивых граждан, склонных к совершению преступлений. Однако это воздействие объективно присуще уголовному наказанию и использование уголовного наказания в качестве угрозы или реальное его исполнение означают и оказание указанного воздействия. Поэтому отмеченная сторона уголовно-правового воздействия обязательно должна учитываться при использовании уголовного наказания, хотя перед наказанием влияние на мораль и правосознание общества и не ставится в качестве непосредственной цели. В соответствии с этим не являются объектами уголовно-правового воздействия те граждане, в отношении которых наказание не выполняет функций общего и специального предупреждения, исправления и перевоспитания, реализация которых есть непосредственная цель уголовного наказания, а осуществляет лишь воспитательную или информативную функцию.

Наказание является средством уголовно-правового воздействия на личность (как на личность осужденного, так и на «неустойчивую» личность). Это средство, призванное играть роль контрмотива в момент выбора личностью преступного варианта поведения и во время осуществления этого поведения, а также способное осуществлять исправление и перевоспитание осужденного лица. Содержание наказания заключается в лишении или ограничении правовых благ лица, совершившего преступление. Эти лишения или ограничения правовых благ установлены в уголовном законе, находятся в зависимости от тяжести преступления и свойств личности преступника и применяются только судом от имени государства.

Все указанные явления (преступление, личность осужденного преступника, «неустойчивая» личность, наказание) в объективной социальной действительности находятся в единстве и взаимосвязи и представляют собой целостную систему, которая находит свое выражение в уголовном праве.

Свойства системы, а для рассматриваемой системы это прежде всего способность предотвращать преступления как со стороны «неустойчивых» лиц, так и со стороны осужденных, а также способность исправления и перевоспитания осужденных определяются отношениями, взаимосвязью между ее элементами, то есть структурой системы³. Под структурой понимается «внутренняя организация целостной системы, представляющая собой специфический способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее компонентов»⁴.

Отношения между элементами системы определяются их свойствами⁵, но не всякими, а наиболее существенными с точки зрения обеспечения функции (свойства) всей системы. Применительно к элементам системы «преступление — личность осужденного преступника — «неустойчивое» лицо — наказание» этими свойствами будут являться: способность личности (как преступника, так и «неустойчивого» лица) к осознанному поведению, а также к реагированию на мотивационное воздействие; свойство личности преступника и «неустойчивого» лица служить в качестве обстоятельства, влияющего на характер и размер наказания; способность наказания выступать в качестве контрмотива в ситуации, когда бездействие субъекта является общественно опасным и от него требуется совершение определенных действий, а также когда лицо намеревается совершить или совершает общественно опасное действие; свойство преступления (конкретного акта поведения личности) выступать в качестве характеристики этой личности, в качестве основания применения уголовной ответственности и в качестве мерила для определения характера и размера наказания.

Отношения между элементами системы в теории систем определяются как принцип устройства системы или просто принцип⁶. Поэтому, если рассматривать отрасль права как

³ См.: Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск, 1976, с. 10.

⁴ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Изд-во полит. лит., 1980, с. 107.

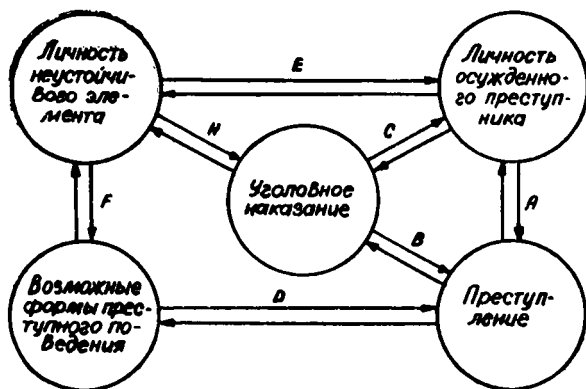
⁵ Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 113.

⁶ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 332; Уткин В. А. Понятие «принцип отрасли права» и

систему правовых институтов, то наиболее важные отношения между центральными институтами этой отрасли, отражающие явления социальной жизни в их взаимодействии и взаимозависимости, будут являться принципами этой отрасли права⁷. Применительно к отрасли уголовного права наиболее существенными отношениями будут отношения между основными, центральными его институтами, которые правовыми средствами выражают и регулируют отношения между такими объективными социальными явлениями, как преступление, личность осужденного преступника, «неустойчивая» личность и наказание.

Принципы системы или наиболее существенные отношения между элементами системы образуют структуру системы и решающим образом влияют на интегративные (системные) качества системы, определяя возможность достижения данной системой тех или иных целей. Отсюда становится яснее роль принципов уголовного права в достижении поставленных перед ним целей.

Учитывая вышензложенное, система, имеющая цели общего и специального предупреждения преступлений, исправления и перевоспитания осужденных с помощью такого средства, как уголовное наказание, будет иметь следующий вид.

его значение для дискуссии о самостоятельности исправительно-трудового права.— В кн.: Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью Томск, 1979, с. 22.

⁷ Мы согласны с предложенным С. С. Алексеевым делением принципов права на общеправовые, межотраслевые и принципы правовых институтов. (См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1968, т. I, с. 105).

Цель исправления и перевоспитания осужденного, а также цель специального предупреждения достигается не всей системой, а лишь взаимодействием элементов «преступление», «уголовное наказание» и «личность осужденного преступника». Эти элементы находятся в определенных отношениях между собой и образуют подсистему в рассматриваемой нами системе. Тот факт, что подсистема «преступление — личность осужденного преступника — наказание» хотя и имеет самостоятельные цели (исправление и перевоспитание осужденного, специальное предупреждение), но включена в другую систему, имеющую другую цель — общую превенцию, означает, что структура этой подсистемы создается не только для достижения ее непосредственных целей, но и с учетом необходимости осуществления цели общего предупреждения, то есть цели всей системы⁸.

На первый взгляд, казалось бы, уголовное право описывает, и очень подробно, только подсистему «преступление — личность осужденного преступника — наказание», однако все это описание построено на учете существования в реальной действительности личности «неустойчивого» элемента, количества таких лиц и возможных форм преступного поведения с их стороны. Таким образом, цель исправления и перевоспитания осужденного и цель специального предупреждения реализуются с помощью подсистемы «преступление — личность осужденного преступника — наказание», а цель общего предупреждения осуществляется всей рассматриваемой системой. Общепредупредительный эффект достигается тогда и тем, что нормами уголовного права и практикой применения уголовного наказания перед «неустойчивым» лицом разворачивается возможная модель его будущего в случае совершения им преступления. Эта модель и представляет собой указанную нами систему. При этом имеется в виду, что если возникнет отношение соответствия (совпадение) между признаками элементов «неустойчивое лицо» и «личность осужденного преступника» (*E*), а также между элементами «возможные формы преступного поведения» и «преступление» (*D*), при совпадении характера взаимосвязи между элементами

⁸ Сказанное не означает, что существует иерархия целей уголовного наказания. Достижение целей специального предупреждения и исправления и перевоспитания осужденных не является средством или условием для достижения цели общего предупреждения преступлений. Указанные цели равны по своей значимости, но их реализация достигается и всей системой, и отдельной ее частью (подсистемой).

«неустойчивое лицо» — «возможные формы его преступного поведения» и элементами «личность осужденного преступника» — «преступление» (между F и A), то возникнет отношение и между элементами «неустойчивое лицо» — «наказание» (H).

Когда речь идет о применении наказания, то есть о реальном его исполнении, то объектом его воздействия является личность преступника, осужденного к определенной мере наказания. Когда же речь идет об угрозе применения наказания, то в качестве объекта уголовно-правового воздействия выступает как личность «неустойчивого» элемента, так и личность осужденного преступника.

Поскольку наказание угрозой своего применения обращено к двум объектам (личности, склонной к совершению преступлений и личности осужденного преступника), которые имеют между собой много общих черт, а характер управляющего воздействия определяется наряду с другими обстоятельствами также и особенностями объекта воздействия, возникает необходимость уточнить содержание понятий «личность «неустойчивого» элемента» и «личность осужденного преступника», а также их соотношение.

Исходя из общепринятого взгляда, в число «неустойчивых» лиц следует включить всех лиц, не совершивших и не совершающих преступления, но склонных к таковым. Из формулировок ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 20 УК РСФСР, которые говорят о предупреждении «совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», можно сделать вывод, что специальное предупреждение уголовное наказание осуществляет только в отношении осужденных лиц. Поэтому можно сказать, что лицо, совершившее преступление и почему-либо избежавшее уголовной ответственности, будет подвергаться лишь общепредупредительному действию наказания. Другой вопрос, что это общепредупредительное действие наказания в этом случае будет иметь какие-то особенности по сравнению с предупредительным действием наказания в отношении неустойчивых элементов, не совершавших преступления.

К числу лиц, в отношении которых осуществляется общее предупреждение, можно отнести и лиц, которые уже отбыли наказание и не совершают преступлений из страха вновь подвергнуться уголовному наказанию. При этом не имеет значения, считается ли такое лицо судимым или судимость погашена или снята с него в установленном законом поряд-

ке. Судимость представляет собой правовое последствие применения уголовного наказания, но не само уголовное наказание, в то же время личность осужденного существует лишь до момента окончания отбывания лицом наказания. В течение же срока судимости можно говорить только о личности судимого лица, а специально предупредительное действие наказания осуществляет лишь в отношении личности осужденного преступника. Поэтому в отношении лиц, имеющих судимость, не погашенную и не снятую судом в установленном законом порядке, уголовное наказание осуществляет общее предупреждение. Очевидно, что и в этом случае общепредупредительное действие наказания также будет иметь специфические черты по сравнению с «обычным» общим предупреждением⁹.

Характер управляющего воздействия (а использование уголовного наказания и есть разновидность такого воздействия) определяется наряду с другими обстоятельствами также и особенностями объекта воздействия. Поэтому угроза применения наказания, адресованная всем неустойчивым элементам (лицам), будет различаться в силу того, что сами лица, склонные к совершению преступлений, не представляют собой однородную массу. Для лиц, склонных к совершению преступлений, но не совершивших преступления, действует угроза впервые подвергнуться воздействию уголовного наказания; для неустойчивых лиц, совершивших преступление и почему-либо избежавших уголовной ответственности, действует угроза подвергнуться во многих случаях более тяжкому наказанию; для неустойчивых лиц, отбывавших ранее наказание и имеющих судимость, действует угроза вновь подвергнуться воздействию уголовного наказания, при прочих равных условиях более тяжкому; для неустойчивых лиц, отбывавших наказание, судимость которых погашена или снята, действует угроза вновь подвергнуться уголовному наказанию и, возможно, более тяжкому.

⁹ Нерешенным остается вопрос о том, в отношении всех ли осужденных уголовное наказание осуществляет специальное предупреждение, или же таковое осуществляется лишь в отношении лиц, реально отбывающих уголовное наказание. Какого рода предупредительное воздействие оказывается уголовным наказанием, например, в случае применения статей об условном осуждении — ст. 44 УК РСФСР, об отсрочке исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время — ст. 46 УК РСФСР, об отсрочке исполнения приговора — ст. 46¹ УК РСФСР. Но обстоятельное рассмотрение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

В отношении же личности осужденного, в случае возникновения у нее желания совершить новое преступление или в обстановке, требующей от нее повышенной внимательности для недопущения наступления общественно опасных последствий, действует угроза подвергнуться более тяжкому наказанию.

Как мы уже говорили, структура системы, то есть наиболее существенные отношения между ее элементами, представляет собой основу, «скелет» этой системы и может рассматриваться как принцип этой системы. Поэтому мы перейдем к рассмотрению этих основных отношений указанной системы с тем, чтобы в конечном итоге определить те отраслевые принципы уголовного права, которые обусловлены системой «преступление — личность осужденного преступника — личность неустойчивого элемента — возможные формы преступного поведения неустойчивого элемента — наказание».

Но прежде чем приступить к рассмотрению отношений в указанной системе, необходимо отметить, что поскольку мы отобрали наиболее важные элементы, необходимые для достижения известных целей уголовного наказания, то и отношения, в которых эти элементы находятся, будут не менее важны для функционирования системы и достижения ею поставленных перед ней целей. Поэтому разрушение любого из существенных отношений между основными элементами системы (другими словами, игнорирование принципов уголовного права) влечет за собой разрушение структуры системы, а значит, как правило, разрушение всей системы или значительное изменение ее функций и невозможность достижения поставленных перед ней целей. Итак, рассмотрим эти отношения.

Отношение между личностью преступника и преступлением закреплено в ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в ст. 3 УК РСФСР как принцип наступления уголовной ответственности лица лишь в случае виновного совершения им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. При этом имеются в виду два момента: во-первых, то, что преступление должно быть совершено именно этим лицом, во-вторых, то, что здесь обязательно должны присутствовать контроль общественно опасного поведения (деяния) сознанием преступника и обусловленность его волей последнего¹⁰. Отсутствие

¹⁰ См.: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. — Казань, 1965, с. 21; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М.:

любого из указанных моментов ведет к разрушению отношения между личностью преступника и преступлением, а отсутствие осознанности деяния или обусловленности его волевой сферой личности преступника означает еще и отсутствие такого элемента системы, как «преступление», что вообще исключает возможность говорить об отношении «личность преступника — преступление». Все это означает разрушение системы и невозможность достижения поставленных перед нею целей, т. е. неприменение уголовной ответственности в случае невинного причинения вреда или в случае невинного создания ситуации, содержащей реальную угрозу причинения вреда правоохраняемым объектам.

Отношения между преступлением и наказанием выражаются в их неразрывной связи, а также в соответствии между ними. Первое отношение известно в уголовном праве как принцип неотвратимости уголовной ответственности, под которым необходимо понимать не то, что каждое преступление механически должно влечь за собой уголовное наказание, а то, что за каждое преступление предусмотрена возможность применения уголовного наказания. Однако реализация этой возможности в каждом конкретном случае зависит от предусмотренных законом обстоятельств. Второе отношение между преступлением и наказанием определяется в уголовном праве как принцип соответствия между наказанием и преступлением, в соответствии с которым каждое преступление должно влечь за собой определенное, отображающее его общественную опасность наказание, с тем, чтобы более тяжкому преступлению соответствовало более тяжкое наказание. Нарушение любого из этих двух принципов также ведет к

Госюриздат, 1961, с. 374; Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Изд-во юрид. лит., 1974, с. 64. По вопросу обусловленности преступления волей преступника в юридической литературе существуют и другие точки зрения. Так, не признают волевым актом преступление в форме бездействия при преступной небрежности Е. Н. Кудрявцев и Т. В. Церетели. (См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 13; Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, с. 20). М. Г. Угрехелидзе считает, что не являются волевыми неосторожные действия. (Угрехелидзе М. Г. К вопросу о психологической природе неосторожности.— Вестн. отделения общественных наук АН Грузинской ССР. Сер. философии, психологии, экономики и права, 1972, № 4, с. 187). Ф. Г. Шавгулидзе же считает, что неволевыми уголовно наказуемыми действиями могут быть и неосторожные, и умышленные действия. (Шавгулидзе Ф. Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973, с. 20).

распаду системы и невозможности достижения поставленных перед нею целей.

Отношение между элементами «личность преступника» и «наказание» также характеризуется двумя моментами. Во-первых, наказание должно применяться именно к лицу, совершившему преступление и ни к какому другому. Во-вторых, мера наказания должна избираться в соответствии с личностью, к которой применяется наказание. Нарушение любого из этих условий также ведет к существенному изменению структуры системы, а значит, к невозможности достижения целей, поставленных перед этой системой. Оба эти отношения в уголовном праве могут быть выражены (сформулированы) как принцип соответствия наказания личности преступника.

Отношение между элементами «неустойчивая личность» и «наказание» с необходимостью вытекает из поставленной перед рассматриваемой системой цели общего предупреждения. В науке советского уголовного права не назывался принцип, который выражал бы взаимосвязь личности неустойчивого элемента и уголовного наказания. Тем не менее такая взаимосвязь существует и законодатель учитывает ее при конструировании конкретных составов и построении их санкций. Это отношение объективно необходимо для реализации цели общей превенции и складывается также из двух моментов: во-первых, наказание угрозой своего применения адресовано только к личности неустойчивого элемента, во-вторых, оно должно учитывать специфические свойства (особенности) этих лиц. Тот факт, что в настоящее время ни закон, ни наука уголовного права эти признаки неустойчивых лиц прямо не называют и нет методик их определения и учета, еще не говорит о том, что отношения между наказанием и личностью неустойчивого элемента не существуют и что его изучением, разработкой и использованием заниматься невозможно и не нужно. Если наказание имеет своим объектом воздействия таких лиц, то есть «неустойчивых», то для эффективности общепредупредительного воздействия необходимо учитывать специфические особенности объекта этого воздействия.

В то же время если игнорировать это отношение взаимосвязи, то существенно изменится функция всей системы, что повлечет за собой невозможность достижения поставленных перед ней целей. Поэтому отношение между элементами «личность неустойчивого человека» и «наказание» можно определить как принцип уголовного права и сформулировать

его в качестве принципа учета личности неустойчивых элементов общества.

Таким образом, на основании системного подхода в определении принципов уголовного права к отраслевым принципам его можно отнести такие принципы, как принцип привлечения лица к уголовной ответственности лишь в случае виновного совершения преступления, принцип неотвратимости уголовной ответственности, принцип соответствия между наказанием и преступлением, принцип соответствия наказания личности преступника и принцип соответствия уголовного наказания личности неустойчивых элементов общества¹¹.

Исходя из этого, можно заключить, что, во-первых, принцип соответствия между преступлением и наказанием существует в уголовном праве, а, во-вторых, этот принцип находится в системе отраслевых принципов уголовного права. При этом среди отраслевых принципов уголовного права нельзя отдать предпочтение какому-либо отдельному принципу. Все они, в том числе и принцип соответствия наказания характеру и тяжести преступления, важны и необходимы для достижения целей, поставленных перед уголовным наказанием.

¹¹ Мы далеки от мысли о том, что здесь перечислены все отраслевые принципы уголовного права. Дело в том, что рассмотренная система строилась лишь до уровня отыскания самых существенных элементов, взаимодействие которых и могло бы с необходимостью определить функционирование системы в направлении достижения целей общего и специального предупреждения, а также исправления и перевоспитания преступников. Очевидно, что отыскание элементов, работающих в системе с уже указанными элементами в направлении достижения известных целей уголовного наказания, можно было бы продолжить (например, уголовное наказание для достижения поставленных перед ним целей должно учитывать не только качественные особенности лиц, склонных к совершению преступлений, но и их количество). Отыскание таких элементов, возможно, привело бы к выявлению и каких-либо других принципов права. Однако это выходит за рамки целей настоящей статьи.

К ПОНЯТИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ (о смысловом содержании понятия «эффективность»)

В. В. ТИРСКИЙ

Вывод дефиниции¹ сам по себе не есть решение научной проблемы, но, как отмечал Ф. Энгельс, «...краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезным и даже необходимым»². Теоретическое определение категории «эффективность» позволит глубже осмыслить ее социально-политическое содержание, ибо «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею»³.

Эффект есть «результат, следствие чего-либо, какого-либо действия». Эффективный — «приводящий к нужным результатам, действенный»⁴. Синонимами слова «эффективность» являются слова «действенный» (оказывающий нужное действие, дающий необходимый, обычно положительный результат), «результативный»⁵. Видимо, этимологический⁶ подход при-

¹ Дефиниция — «краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления». (Словарь иностранных слов. М., 1979, с. 162).

² Энгельс Ф. Материалы к Анти-Дюрингу. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 634—635.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. М.—Л.: Наука, 1965, т. 17, с. 1959, 1961.

⁵ Этимология — «...происхождение слова и его родственные отношения к другим словам того же языка или других языков» (Словарь иностранных слов. М., 1979, с. 608); «словопроизводство, корнесловие, учение об образовании из одного слова другого» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 4, с. 665). Уяснение этимологии слова, его первоначального смысла лимитирует произвольное толкование, что и обусловило сопоставление слова «эффективность» с родственными этимологически или близкими по смыслу.

⁶ См.: Словарь синонимов: Справочное пособие. АН СССР. Л.: Наука, 1975, с. 645, 117; Словарь синонимов русского языка. Л., 1971, т. 2, с. 853.

вел к определению эффективности как действенности, результативности. Однако даже этимологически эффективность не есть результативность или действенность, а есть «свойство эффективности»⁷, т. е. нечто иное, чем результат или результативный, на что сторонники определения эффективности как действенности, результативности почему-то не обратили внимания. Как песня или поющий не есть пение, так и эффективность не есть действие или результат. Но как пение немислимо без песни и поющего, так, видимо, и эффективность не может быть без действия и результата. Однако действенный (оказывающий нужное действие) не означает само «действие»⁸. Слово «действие» созвучно и родственному слову «действительность» (то, что существует на самом деле), синонимами которого являются слова «реальность», «явь»; синонимами глагола «действовать» являются слова «работать», «функционировать», «влиять»⁹.

Таким образом, этимологический анализ слова «эффективность» позволяет сделать вывод, что эффективность: 1) есть ни действие, ни результат; 2) существует реально; 3) отражает — выражает, характеризует действие.

Мы принимаем выражение «эффективность действия, деятельности, процесса, производства, труда, работы, функционирования, влияния» именно потому, что эффективность — не действие, а лишь его свойство¹⁰, но в то же время можно говорить только об эффективности таких явлений действительности, которые обязательно предполагают реальное действие (взаимодействие, воздействие, влияние) на что-кого-либо. Так, мы не говорим об эффективности вещи, но можем говорить об эффективности ее использования, применения. Мы не говорим об эффективности завода или фабрики, но говорим об эффективности производства. Мы не говорим об эффективности того или иного художественного произведения, но можем говорить об эффективности его влияния на формирование кого-, чего-либо. Таким образом, реальное действие является центральным признаком, без которого определение эффективности, на наш взгляд, невозможно. Ре-

⁷ Словарь современного русского литературного языка, с. 1961.

⁸ Действие — «отдельное единичное проявление деятельности человека, поступок, акт, деяние». (Словарь синонимов, с. 117).

⁹ Словарь синонимов, с. 117.

¹⁰ Свойство — «отличительная особенность, черта, характерный признак кого-, чего-либо». (Словарь современного русского литературного языка, т. 13, с. 443).

зультат есть следствие действия, производное от действия (эффективный — дающий результат) и может использоваться в определении эффективности как признак второго порядка, характеризующий действие.

Не являясь однокорневыми, близки по смыслу слова «эффективность», «выгода», «выгодность»¹¹, но разница между ними, на наш взгляд, очевидна: выгодность отражает процесс извлечения пользы из чего-либо, эффективность — полезную отдачу; выгодность есть получение материальной пользы, эффективность — полезная отдача действия. Эффективность отражает прежде всего процесс создания благ, выгода — их использование, т. е. эти понятия выражают разнонаправленные процессы. На одном уровне эти понятия не сопоставимы, хотя эффективность чего-либо может быть выгодна в ином соотношении. Например, эффективное производство выгодно обществу. Выгода следует за чем-то, получается в результате чего-либо. Эффективность — неэффективность при-
суща действию в момент его совершения. Поэтому, видимо, обратное словосочетание — «эффективность выгоды» не применяется, поскольку лишено смысла.

Очень близкими по смыслу являются понятия «эффективность», «роль»¹², «значение»¹³. Как и эффективность, значение отражает внутреннее содержание, суть каких-либо действий, событий, явлений и т. д.¹⁴ «Роль» употребляется и как «значение» в каком-либо деле, то есть определяется иногда через «значение». Однако роль в большей степени характеризует субъекта действия («проявление себя в чем-либо»), а не само действие. Значение, значимость, значимый характеризуются соотношением чего-то с чем-то. «Роль» и «значение» скорее всего отражают место объекта, субъекта, предмета, явления, события, действия среди других, а не их им-

¹¹ Выгода — «экономия, прибыль, материальная польза, извлекаемая из чего-либо (о деньгах, имуществе и т. п.)». Выгодность — «прибыльность, доходность... преимущество, полезность» (Словарь современного русского литературного языка, т. 2, с. 992, 994).

¹² Роль в смысле «какая-либо работа, род деятельности, проявление себя в чем-либо... степень участия; влияние, значение в каком-либо деле, предприятии, событии». (Словарь современного русского литературного языка, т. 12, с. 1440—1441).

¹³ Значение — «смысл, содержание... важность, значительность, цена, ценность... влияние»; значимость — «важность, значительность... смысл, содержание, значение»; значимый — «имеющий значение, вес, ценность, важный». (Словарь современного русского литературного языка, т. 4, с. 1300—1311).

¹⁴ Словарь синонимов, с. 174.

манентные свойства, причем может определяться роль и значение не только действия, сознательно-волевой деятельности людей, но и других моментов действительности. Мы можем говорить о роли и значении эффективности производства в соревновании двух систем, но не говорим об эффективности значения чего-либо. Мы можем говорить об эффективности роли, когда она отражает воздействие на что-то, выполнение чего-то, то есть когда под ролью понимается социальная функция, исполнение которой рассчитано на получение социально значимого результата (эффективность исполнения роли организатора, например), но мы не можем говорить об эффективности роли, когда под нею подразумевается значение чего-либо (роль — значение — нормы права вполне приемлемо, но эффективность роли — значения — нормы права язык не принимает). Одно и то же понятие вместе со словами роль (значение) и эффективность приобретает иное смысловое значение. Так, «роль (значение) уголовного наказания как детерминанты поведения» и «эффективность уголовного наказания как детерминанты поведения» будут отражать: 1) место уголовного наказания среди иных средств детерминации поведения, его относительную значимость среди прочих средств; 2) что дает уголовное наказание, как действует на адресатов. В то же время можно говорить о эффективности уголовно-правовых норм в борьбе с преступностью.

Все сказанное позволяет утверждать, что при всей близости по смыслу словам «роль», «значение» эффективность есть нечто иное. Роль отражает скорее всего положение рассматриваемого действия, явления, процесса предмета, субъекта в пространстве среди других действий, явлений, предметов, субъектов, процессов. Эффективность имманентно присуща только действию, есть свойство¹⁵ действия.

¹⁵ Свойство — «категория, соотносительная категориям вещи и отношения и обычно определяемая через них... В более широком смысле слова понимается как нечто соответствующее особому рода функции — одному месту предикату... Можно определить свойство как то, что, будучи отнесено к предмету, в отличие от отношения не образует нового предмета. Свойство можно определить также как то, что является общим множеству предметов, или как то, что различает предметы. Эти определения тоже не будут исчерпывающими, раскрывают категорию свойства с других сторон... Свойство не существует и вне отношения и, следовательно, относительно». (Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 569). Вещь понимается как предмет, а предмет-вообще есть «любые (индивидуальные, единичные, постоянные, фиксированные и т. п.) объекты, введенные в рассмотрение путем различных способов». (Философская энциклопедия, т. 4, с. 357).

И если мы не отождествляем действие с результатом, то не могут быть тождественны результату и его свойства, что дает нам возможность еще раз заострить внимание на неприемлемости сведения эффективности к результату, к результативности.

Истинность¹⁶, на наш взгляд, должна быть свойственна правовым нормам, они должны содержать в себе истину¹⁷, но определять эффективность через истинность вряд ли можно, поскольку истинность (в смысле — истина) выступает как предпосылка (условие) эффективности, а не признак.

Представляется неточным даваемое в литературе, если оно дается, разграничение, соотношение понятий «эффективность», «полезность», «экономичность», «ценность»¹⁸. Именно эти понятия, на наш взгляд, взаимосвязаны наиболее тесно, в уяснении их смысла лежит ключ к определению эффективности. Польза, полезный, полезность¹⁹ и эффективность, как показывает анализ, понятия однопорядковые, но полезность шире по смыслу, охватывает материальные блага, выгоду, тогда как эффективность выражает пользу только действия, причем, как мы уже отмечали, отдачу, а не получение чего-либо, как при выгоде. Эффективность выражает, характеризует ту часть целого (действия), которая используется по определенному назначению — в интересах трудящихся.

¹⁶ Истинность употребляется в сочетании со словом логическая (в формальной логике) и понимается как «истинность предложения (суждения, высказывания), обусловленная его формально-логической структурой и принятыми при его рассмотрении законами логики (в отличие от так называемой фактической истинности, для установления которой необходим также анализ содержания предложений)». (Философская энциклопедия, т. 3, с. 230).

¹⁷ Истина — «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспроизводящее познавательный предмет так, как он существует вне и независимо от сознания; объективное содержание человеческих ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий, проверенных общественной практикой. (Философская энциклопедия, т. 2, с. 345).

¹⁸ Кроме ранее упомянутых работ, где назывались приведенные нами термины при определении эффективности, см. также: Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980, с. 56—75.

¹⁹ Польза — «положительный результат, положительные последствия для кого-, чего-либо...; интересы, нужды кого-, чего-либо... материальные блага, выгода для кого-, чего-либо». Полезный — «приносящий пользу (противопол.: вредный)... пригодный для данной цели; составляющий часть целого, которая используется по определенному назначению». Полезность — «качество и свойство полезного». (Словарь современного русского литературного языка, с. 964—965, 1138).

Другими словами, эффективность не что иное, как свойство общественно полезного действия. Единственным объективным критерием общественной пользы при социализме являются интересы трудящихся. Эффективность есть свойство действия, действие должно быть социально полезным. Полезность есть качество и свойство полезного. Таким образом, эффективность есть разновидность полезности как часть целого.

Ценность — философское и социологическое понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта (предметные ценности); во-вторых, нормативную предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъективные ценности или ценности сознания). К предметным ценностям относят: благо и зло, заключенные в природных богатствах; потребительную стоимость продуктов труда (полезность вообще); социальные благо и зло; культурное наследие прошлого; полезный эффект или теоретическое значение научной истины; моральные добро и зло, заключенные в действиях; эстетические характеристики природных и общественных объектов и произведений искусства; предметы религиозного поклонения. К ценностям сознания относятся общественные установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений (о добре и зле, справедливости, прекрасном и безобразном, о смысле истории и назначении человека; идеалы, нормы и принципы действия). Предметные и субъективные ценности являются двумя полюсами отношения человека к миру. Предметные ценности являются объектами оценки и предписания, а субъективные — способом и критерием этих оценок и предписаний. Марксизм подчеркивает общественную природу всяких ценностей. Предметные ценности внешне выражают деятельную потребность человека, символизируют способности и возможности человека в виде «значения» предметов (их «полезность», «достоинство», «ценность»), получившего социальную санкцию. Субъективные ценности служат нормативной формой ориентации человека в социальной и природной реальности. В более широком историческом плане ценностная ориентация выступает в виде суждений о «смысле» исторического процесса, его «должном» направлении²⁰. Как видим, ценность определяется в определенном отношении через пользу, полезность, достоинство, социальную значимость. Таким образом,

²⁰ См.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 462—463.

эффективность действия есть разновидность ценности, есть социальная ценность действия, есть ценность той части действия (деятельности), которая социально значима, социально полезна. Эффективность есть «практическое мерило социальной ценности»²¹ действия, что и предполагает ее количественное измерение²², в отличие от пользы, ценности, достоинства, значимости, которые могут просто быть или не быть без обязательного количественного замера. Эффективность предполагает установление меры действия, пределов социальной ценности, значимости действия. Как разновидность социальной ценности, полезности эффективность более конкретизирована, специфична. Суть эффективности — мера социальной пользы (ценности, значимости) действия, где польза есть качество, предполагающее определенное количество, а действие — отправная первооснова, свойством которой является эффективность. Другими словами, эффективность есть коли-

²¹ Нарский С. И. Диалектические противоречия и логика познания. М., 1969, с. 220.

²² Мера — «соединение качественной и количественной характеристик предмета, посредством которого этот предмет может быть измерен... 1) в статич. измерит. смысле... означает просто единицу суждения... не содержит указания на качество... 2) ...количество, которое соответствует тому или иному качеству... «соразмерность»... 3) эта соразмерность может содержать в себе те или иные нормативные черты. Так, когда говорится о М. в области морали, то понимают под этим то, что можно назвать «умеренностью» или «мерностью»... физич., физиологич., психологич., этич. и социальные значения термина с нормативным оттенком... 4) как эстетическ. принцип... 5) ряд других терминов... по смыслу близких к термину «М» или даже прямо совпадающих с ним... «пропорция»..., «грация»..., «ритм» и «метр», указывающие тоже на определенного рода синтез качества и количества... 6) ...часто лог. значение, которое снимает все предыдущие как некоторого рода общая категория, возникающая в результате диалектического синтеза качества вообще... качественно-количественная определенность...» (Философская энциклопедия, т. 3, с. 389—390; См. также: Словарь современного русского литературного языка, т. 6, с. 884—886). Качество — «фиксируемая содержанием определенность того или иного предмета, неотделимая от самого факта его существования как данного предмета; наиболее простая и абстрактная (т. е. бедная определениями) ступень логического воспроизведения чувственно данной конкретности. К., проанализированное со стороны его пространственно-временных границ и структуры (т. е. количественно), есть уже не К. как таковое, а качественно-определенное количество, т. е. Мера... К. вообще... при ближайшем рассмотрении оказывается тем же самым, что и количество вообще... К. есть не только субъект анал., но и объективная реальность, данная в ощущении именно как субъективной непосредственно данной определенности внешнего мира». (Философская энциклопедия, т. 72, с. 483—484). Под качеством понимается и степень достоинства, ценности, пригодности чего-либо. (Словарь современного русского литературного языка, т. 5, с. 890).

чество пользы действия (качественно-количественная определенность) или количество пользы (качество) социально значимого действия, или еще точнее — количество социально значимой части действия, поскольку действие может заключать в себе и социально нейтральные элементы, стороны.

Цель, средства и результат, на наш взгляд, не входят в понятие эффективности, лежат в другой плоскости характеристики действия. Цель и средства предопределяют характер, интенсивность, результат действия, его эффективность, а результат выступает показателем эффективности. На основе результатов действия, лежащих за его пределами, мы оцениваем эффективность действия. Поскольку цель и средства предопределяют результаты действия, они также входят как предпосылки в предмет оценки при определении эффективности действия. По форме эффективность есть оценочная категория.

Поскольку экономичность отражает соотношение затрат и полученных результатов, не является свойством действия, постольку она не является и признаком эффективности в самом общем ее понимании. По этой же причине не могут отражать сущность эффективности время и место действия. Являясь необходимыми условиями существования материи, они тем не менее не включаются в число признаков, определяющих сущность материи. Вполне понятно, что всякое действие должно быть целесообразным, требует средств, немалозначимо вне места и времени, но многообразие свойств предмета (явления) не охватывается названными атрибутами. Эффективность по сути есть самостоятельное специфическое свойство действия, которое оценивается с учетом различных условий протекания действия, т. е. по форме эффективность есть оценка. По содержанию эффективность есть полезность отдачи действия, которая выражается количественно (коэффициент социально полезного действия). Таким образом, содержательная (качественная) сторона эффективности раскрывается с помощью более общей категории — социальной полезности. Содержание эффективности также богато, как содержание полезности. Полезность, в свою очередь, раскрывается через понятие потребностей, интересов, а в социалистическом обществе во главу угла всей социальной системы ставятся интересы трудящихся. Таким образом, интересы трудящихся являются единственным и общим объективным критерием эффективности.

Конкретизация эффективности идет по линии конкретиза-

ции предмета (характера объектно-субъектного состава) действия, его содержания. Если, например, действие направлено на экономию чего-либо, то экономичность будет входить в суть эффективности.

Поскольку эффективность всегда предполагает действие, есть свойство самого действия, постольку словосочетание «эффективность действия» в определенном смысле есть тавтология. Поэтому более правильно говорить об эффективности чего-либо действующего без применения слова «действие» (эффективность процесса, эффективность норм, эффективность учреждений), если в этих случаях не требуется отграничение эффективности от социальной значимости, ценности, роли чего-либо.

Таким образом, суть эффективности как свойства действия, деятельности есть польза, ценность его (ее); содержание — конкретное благо, совокупность благ; форма — оценка; количество — объем социально полезной отдачи, который может измериться числом и не числом (больше — меньше, есть — нет); критерий — интересы трудящихся.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Ю. В. ГОЛИК

За последние годы проведена большая работа по обновлению советского законодательства и «работа по совершенствованию законодательства будет продолжаться»¹. Это заставляет советских ученых глубже изучать и сам закон, и те общественные отношения, которые он призван урегулировать. В этой связи возникает возможность и необходимость подвергнуть изучению те стороны общественных отношений, которые ранее по различным причинам не привлекали к себе столь пристального внимания. К числу таких проблем, нуждающихся в серьезном теоретическом изучении, относятся поощрение и поощрительные нормы в советском уголовном праве.

Поощрительные нормы в советском праве стали изучаться сравнительно недавно, поэтому единства мнений среди ученых по некоторым аспектам данной проблемы пока нет. Так, В. М. Баранов считает поощрительные нормы особой разновидностью норм советского права, при этом он весьма подробно и аргументированно рассматривает социальную и юридическую характеристику этих норм². С. С. Алексеев, признавая существование поощрительных норм, полагает, что, с точки зрения специально юридической стороны, они «не образуют единой группы»³. Подобные разногласия вполне объяснимы и свидетельствуют о необходимости дальнейшего углубленного изучения этого вопроса.

Простое грамматическое толкование понятия «поощрительная норма» свидетельствует о том, что эта норма закреп-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 64.

² Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1978.

³ Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982, т. 2, с. 80.

ляет определенное поощрение. Это самое общее определение поощрительной нормы, которое может быть использовано в любой отрасли советского права. Однако различные отрасли права регулируют определенный круг общественных отношений, поэтому поощряемые действия и меры поощрения в различных отраслях права могут очень сильно отличаться друг от друга. Выяснение сущности поощрительной нормы невозможно «без четкого представления о понятии «поощрение»⁴. Иными словами, для того, чтобы уяснить сущность поощрительной нормы, мы должны определить, что она поощряет, каков круг тех отношений, развитие и существование которых призвано стимулировать обеспечиваемое нормой права поощрение. Лишь после этого может встать вопрос о том, как норма поощряет или должна поощрять выявленные нами общественные отношения. В этой связи обращает на себя внимание определение поощрительной нормы (наиболее полное и развернутое из имеющихся в современной литературе), предложенное В. М. Барановым. Автор считает, что поощрительная норма содержит меру поощрения «за полезный для социалистического государства вариант поведения, состоящий в добросовестном выполнении юридических или общественных обязанностей либо в достижении установленных результатов, превосходящих обычные требования»⁵. Такая обобщенная характеристика поощрения является в целом правильной, но, к сожалению, она не всегда и не для всех отраслей права является пригодной. В частности, при уяснении сущности поощрительной нормы в уголовном праве данное определение малоэффективно.

Если в общей теории права поощрительные нормы стали изучаться сравнительно недавно, то в уголовном праве они практически не изучались⁶. Правда, вплотную подошли к необходимости изучения поощрительных норм ученые, занимающиеся вопросами исправительно-трудового права. Так, поощрение как одно из средств воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы изучал А. Ф. Сизый⁷. Очень много своих работ посвятил вопросам материальной

⁴ Баранов В. М. Указ. раб., с. 34.

⁵ Там же, с. 40.

⁶ Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве.— Сов. государство и право, 1977, № 2, с. 91.

⁷ Сизый А. Ф. Меры поощрения как средство воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1975.

заинтересованности и роли премий в обеспечении материальной заинтересованности осужденных в труде Н. И. Ланкин. Принцип опоры на положительное в личности и стимулирование, развитие положительных качеств личности применительно к осужденным изучает Л. М. Прокументов⁸. Есть и другие работы, посвященные тем или иным аспектам исправления и перевоспитания осужденных, в которых хотя бы косвенно ставится вопрос о необходимости изучения поощрения и его нормативных основ (например, в работах В. Г. Швыдкого о материально-бытовом обеспечении осужденных, Г. А. Аванесова и Ю. К. Якимовича о прогрессивной системе и др.). Таким образом, уголовно-правовая наука уже столкнулась с необходимостью теоретического осмысления накопленного материала. Дальнейшее изучение поощрительных норм целесообразно и обосновано не только юридически, но крайне важно в социально-политическом отношении⁹. ЦК КПСС неоднократно указывал на необходимость дальнейшего совершенствования механизма морального и материального стимулирования труда, при этом Центральный Комитет основывался на глубоком и всестороннем изучении социальных явлений и процессов, происходящих в нашем обществе и имеющих объективный характер. Ясно, что выполнение этого указания возможно лишь на добротной правовой основе, поэтому роль поощрения в советском праве возрастает год от года. Не является и не будет являться исключением уголовное право. Поэтому задача уголовно-правовой науки состоит в том, чтобы выявить, изучить и наметить пути дальнейшего совершенствования поощрительных норм советского уголовного законодательства.

В небольшой по объему работе невозможно остановиться на всех вопросах, связанных с поощрительными нормами в уголовном праве. Они есть, их достаточно много, они содержатся как в Общей, так и в Особенной части.

Так, например (мы умышленно не даем пока перечень всех поощрительных норм), признавая некоторые обстоятель-

⁸ Прокументов Л. М. Последовательная реализация принципа опоры на положительное в личности — важное условие повышения трудовой и общественной активности осужденных. — В кн.: Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981, с. 196—197.

⁹ Галкин В. М. Классификация уголовно-правовых норм. — Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: ВНИИ СЗ, 1976, т. 5, с. 153.

ства смягчающими ответственность, законодатель тем самым поощряет предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, добровольное возмещение нанесенного ущерба, устранение причиненного вреда, чистосердечное раскаяние и явку с повинной (п. 1, 8 ч. 1 ст. 33 Основ уголовного законодательства). В то же время закон поощряет путем освобождения от уголовной ответственности добровольное заявление лица, давшего взятку, о случившемся. Причем мотивы подобного заявления уголовно-правового значения не имеют (примечание к ст. 174 УК РСФСР).

В этих разнопорядковых нормах есть то общее, что их объединяет: они поощряют выгодное обществу поведение путем смягчения уголовной ответственности или путем освобождения от уголовной ответственности. В этом заключается особенность поощрения в уголовном праве.

Как мы уже отмечали, поощрительные нормы в советском праве поощряют выполнение юридических или общественных обязанностей либо достижение результатов, превосходящих или, как правило, превосходящих обычные требования. Подобное понимание поощрения отчасти пригодно и для уголовного права. Уголовное право через свои поощрительные нормы действительно стимулирует полезные для государства действия, но эти действия далеко не всегда являются добросовестным выполнением юридических или общественных обязанностей в обычном понимании этого слова. В самом деле, ст. 59 Конституции СССР обязывает граждан СССР соблюдать Конституцию и советские законы, уважать правила социалистического общежития. Ст. 65 обязывает уважать права и законные интересы других лиц. Это юридические обязанности, но при совершении любого преступления они оказываются нарушенными, поэтому ни о каком выполнении и тем более добросовестном выполнении не может быть и речи. Однако после совершения преступления в процессе отбывания наказания (в виде лишения свободы, например) на осужденного возложена обязанность примерно себя вести и честно трудиться. Добросовестное выполнение этих юридических обязанностей поощряется, в частности, условно-досрочным освобождением.

Уголовное право не может также поощрять и действия, которые превосходят обычные требования. Какие, скажем, обычные требования должен превзойти субъект при добровольном отказе от совершения преступления, поощряемого уголовным правом (ст. 16 Основ)? Ясно, что таких требова-

ний просто не существует. Но основное отличие даже не в этом.

При совершении положительно значимых для государства действий, регулируемых другими отраслями права, субъекта, совершившего эти действия, ждет поощрение в виде премий, наград, особых отличий, предоставления дополнительных благ и т. п. В уголовном праве субъекту не приходится рассчитывать на подобное поощрение. Как справедливо пишет В. М. Галкин: «Меры уголовно-правового поощрения всегда означают устранение обременений»¹⁰. Это характерная, присущая только уголовно-правовым поощрительным нормам особенность. Приведем только один пример. Действия граждан по задержанию преступника по своим правовым последствиям приравниваются к действиям, совершенным в состоянии необходимой обороны¹¹. Законодатель признает подобные действия общественно полезными и исключающими уголовную ответственность. Судам же рекомендуется «в целях повышения активности населения в охране общественного порядка сообщать по месту работы или жительства граждан о проявленном ими отличии в борьбе с правонарушениями»¹².

Следует заметить, что «устранение обременений» само по себе неоднородно. Оно может выступать в виде обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности; в виде обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность; в виде обстоятельства, смягчающего условия отбывания наказания; в виде обстоятельства, досрочно освобождающего от отбывания наказания; в виде обстоятельства, досрочно освобождающего от правовых последствий ранее совершенного преступления (снятие судимости). Таким образом, правовые последствия названных поощрительных норм неравнозначны. Неодинаков и механизм действия перечисленных норм и их эффективность. Однако рассмотрение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

Поскольку «поощрительные нормы — часть и вид стимулирующих норм советского права»¹³, постольку они нацелены на стимулирование особого поведения, выгодного в данной ситуации обществу и государству. Особенность уголовно-пра-

¹⁰ Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве, с. 95.

¹¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1977). М.: Известия, 1978, ч. 2, с. 74.

¹² Там же, с. 26.

¹³ Баранов В. М. Указ. раб., с. 32.

вовых поощрительных норм заключается в том, что они в данном случае выполняют своеобразную роль. Поощрительные нормы в иных отраслях права, с точки зрения аксиологического аспекта, выполняют прогрессивную функцию: чем больших успехов в той или иной области добился субъект, чем больше его заслуга в достижении результатов, одобряемых обществом, тем большего поощрения он заслуживает. И поощрительная норма в целом стимулирует будущее поступательное развитие деятельности субъекта.

Иное дело в уголовном праве. Здесь поощрительные нормы, во-первых, стимулируют полное прекращение преступной деятельности (поощрение добровольного отказа) и, следовательно, выполняют «стоп»-функцию. Во-вторых, они стимулируют максимальное уменьшение вреда от уже совершенных действий (поощрение активного способствования раскрытию преступления). Поскольку они стимулируют действия, направленные на устранение негативных последствий ранее совершенного деяния и по сути дела способствуют «приведению сторон в первоначальное положение», то есть их действие направлено на достижение результата, как бы расположенного в прошлом, то налицо реституционная функция. «Стоп»-функция и реституционная функция характерны именно для поощрительных норм уголовного права.

Обе эти функции имеют определенное профилактическое значение. «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»¹⁴. Обычно эти слова К. Маркса приводят тогда, когда хотят подчеркнуть профилактическое значение наказания. Но эти слова великого теоретика имеют самое непосредственное отношение и к поощрительным нормам. Поощрение добровольного отказа от совершения преступления имеет не меньшее профилактическое значение (а иногда, возможно, и большее), чем угроза наказания.

В свое время французский ученый Рауль Грассери писал: «Когда общество, помышляющее теперь только о наказаниях, позаботится о наградах и заслугах, и, может быть, не поддающийся влиянию наказания поддается влиянию награды, особенно если она присуждена вовремя, в момент колебания человеческой воли сделать выбор между путем законным и преступным»¹⁵. Обращает на себя внимание то, как Р. Грассе-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 131.

¹⁵ Цит. по: Гернет М. Н. Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974, с. 191.

ри точно подметил, что поощрение за добропорядочное поведение в «момент колебания человеческой воли» может оказаться решающим и склонить человека к законопослушному поведению и воздержанию от совершения преступления. Особенно ярко это проявляется в поведении лиц с неустойчивым, отклоняющимся поведением и случайных преступников. Поощрение (в виде устранения обременений, разумеется) таких лиц может способствовать предотвращению некоторой части вновь совершаемых преступлений.

Перед уголовным правом стоит одна глобальная задача — борьба с преступными посягательствами (ст. 1 Основ). Решить эту задачу можно лишь при широком использовании всего арсенала средств, накопленных теорией и практикой борьбы с преступностью. В условиях развитого социализма все большее значение приобретает метод убеждения. Это находит отражение и в действующем законодательстве: появилось условное осуждение с обязательным привлечением осужденного к труду, введена отсрочка исполнения приговора, существенным изменениям подвергся классический вид уголовного осуждения. Эти изменения свидетельствуют о том, что метод убеждения все шире начинает применяться в уголовном праве в совокупности с методом принуждения. Отсрочка исполнения приговора, например, содержит в себе элементы и принуждения, и убеждения. Можно с уверенностью сказать, что наметилась твердая тенденция на дальнейшую гуманизацию советского уголовного законодательства, на стимулирование законопослушного поведения граждан специфическими, присущими уголовному праву приемами и методами, на все большее возрастание убеждения в уголовно-правовой сфере. Один из путей успешного решения задачи борьбы с преступностью мы видим в дальнейшем совершенствовании самих поощрительных норм и практики их применения. В. Н. Кудрявцев, изучая тенденции и перспективы изменения форм и методов государственного принуждения, приходит к выводу, что может быть увеличено количество норм, «предусматривающих поощрение (стимулирование) общественно полезных поступков»¹⁶.

Комплекс поощрительных норм в уголовном праве¹⁷ представляет собой определенную систему мер, призванную сти-

¹⁶ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978, с. 155.

¹⁷ В самом общем виде они перечислены в работе В. М. Галкина (Система поощрений в советском уголовном праве, с. 94—95).

мулировать доприступное поведение, поведение во время уже начавшегося преступления и послепреступное поведение.

В жизни встречаются случаи, когда лицо, намереваясь совершить преступление, по каким-либо причинам отказывается от воплощения своего намерения в жизнь. Иногда законодатель придает таким действиям особое значение. Так, п. «б» ст. 64 УК РСФСР гласит: «Освобождается от уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». Как видно из текста статьи, одного несвершения преступных действий недостаточно для того, чтобы эта норма вступила в действие. Ее «включение» оговаривается дополнительным условием: лицо должно добровольно заявить органам власти о своей связи с иностранной разведкой. Конечно, строго говоря, речь в данном случае идет уже не о доприступной деятельности лица, а о стадии приготовления к совершению преступления. Дача согласия на сотрудничество с иностранной разведкой образует приготовление к измене Родине¹⁸. Тем не менее лицо во исполнение преступного задания еще никаких действий не совершило. Более того, совершенное лицом действие — добровольное заявление органам власти о своей связи с иностранной разведкой — способствует успешной борьбе с таким опасным преступлением, как измена Родине.

Уголовный закон поощряет и прекращение уже начатой преступной деятельности в собственном смысле слова на стадии приготовления и покушения. Сколь бы ни были общественно опасны замыслы и действия лица, покушавшегося на совершение какого-либо преступления, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности, если добровольно отказалось от доведения преступления до конца.

Больше всего в уголовном законе поощрительных норм, стимулирующих выгодное государству послепреступное поведение виновного. Это порождает иногда неверные представления, выражающиеся в том, что к поощрительным нормам в уголовном праве относят только те, которые «регламентируют пределы освобождения от уголовно-правовых последствий преступления в силу «посткриминального» поведения

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юрид. лит., 1980, с. 141.

виновного»¹⁹. Однако большинство норм все же относится к стимулированию послепреступного поведения. Так сложилось исторически и в этом косвенно проявляется охранительная функция уголовного права. К числу названных норм относятся, например, нормы, предусматривающие условно-досрочное освобождение от наказания и замену наказания более мягким; условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и др.

Поощрительные нормы в уголовном праве различаются по характеру содержащихся в них предписаний: нормы, подлежащие безусловному исполнению соответствующими субъектами уголовного правоотношения, и нормы, исполнение которых в определенной степени зависит от волеизъявления субъекта, действующего от имени государства и в его интересах.

К первым относится, например, норма, содержащаяся в примечании к ст. 174 УК РСФСР: «Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся». Эта норма начинает действовать независимо ни от каких обстоятельств дела, если будет установлен факт вымогательства взятки или если лицо добровольно заявит о факте дачи взятки. Решение компетентного органа предопределено этой нормой и не может быть иным. Подобные нормы, по мнению В. М. Галкина, «заключают в себе более высокий «заряд» воздействия, как устанавливающие обязательность поощрения»²⁰. С этим следует согласиться.

К поощрительным нормам второго вида относятся, например, нормы, регулирующие условно-досрочное освобождение. Для уголовного права поощрительные нормы данного вида, хотя они чаще встречаются, а сегодня без них обойтись пока невозможно, менее желательны, поскольку они дают право поощрять, но не накладывают обязанности поощрить и не предоставляют права требовать поощрения. Одно дело, если при достижении определенных условий у уполномоченного субъекта возникает право наградить лицо, добившееся значительных трудовых успехов, но уполномоченный субъект по каким-то причинам этого не делает. Здесь речь идет о по-

¹⁹ Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве, с. 95.

²⁰ Галкин В. М. Классификация уголовно-правовых норм, с. 152.

ощрении «в чистом виде» — о получении награды. Но специфика уголовно-правовых норм, как мы уже отмечали, заключается в том, что они устраняют обременения, а не предоставляют дополнительные блага. Правовые последствия награды и устранения обременений различные, механизм действия этих норм различный. Даже воспитательное значение применения или неприменения этих норм различно. Эти различия нуждаются в подробнейшем изучении и учете в нормотворческой деятельности.

Уголовно-правовые поощрительные нормы различаются также и по субъектам, которым они адресованы (речь идет о степени уточнения или о степени конкретизации адресата). Могут быть выделены: нормы, обращенные ко всем гражданам, стимулирующие активную жизненную позицию в сфере борьбы с преступностью (поощрение задержания преступника и поощрение необходимой обороны); нормы, обращенные к лицам, уже начавшим совершение преступления, но еще не окончившим его (добровольный отказ); нормы, обращенные к лицам, уже совершившим какое-либо преступление (поощрение чистосердечного раскаяния, явки с повинной и активного способствования раскрытию преступления); нормы, обращенные к лицам, совершившим строго определенные преступные деяния (поощрение добровольного заявления о даче взятки); нормы, обращенные к лицам, отбывающим наказание (поощрение примерного поведения и честного отношения к труду в процессе отбывания наказания); нормы, обращенные к лицам, отбывшим наказание (поощрение примерного поведения и честного отношения к труду после отбытия наказания). Различие в адресатах порождает само по себе множество особенностей.

Поощрение как вид социальной деятельности нуждается в нормативном урегулировании. В уголовном праве в том числе. В противном случае возможны ошибки, субъективный подход и даже произвол (например, отказ от поощрения в виде представления документов на условно-досрочное освобождение по личным мотивам). Поэтому дальнейшее изучение специфики уголовно-правовых поощрительных норм весьма желательно.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В. Д. ФИЛИМОНОВ

Согласно ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, смягчающие и отягчающие обстоятельства наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, а также личностью виновного являются критерием определения вида и размера наказания.

Их правовое выражение детерминировано прежде всего задачами, стоящими перед наказанием, а также определенными явлениями криминологической действительности.

Уголовное наказание преследует цели исправления виновного, общего и специального предупреждения преступлений. Правовые нормы, регулирующие индивидуализацию наказания, направлены на то, чтобы наилучшим образом обеспечить выполнение этих задач. Указанное их назначение является одним из важнейших детерминантов правового выражения смягчающих и отягчающих обстоятельств. Это обусловливается тем, что «цель и средства — категории соотносительные. Определенная цель требует и определенных соответствующих средств, средства — инструмент осуществления цели, и в этом плане средство выступает как подчиненное, цель как бы господствует над ним»¹.

Наряду с целями наказания правовые нормы, регулирующие его назначение, детерминируются криминологическими явлениями. Анализ действующего уголовного законодательства приводит к выводу, что криминологическими основаниями правового выражения смягчающих и отягчающих обстоятельств являются, во-первых, криминологические особенности общественно опасного поведения, во-вторых, личность преступника, в-третьих, причины преступлений и условия, способствующие их совершению.

¹ Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969, с. 48.

Рассмотрим содержание каждого из указанных криминологических оснований, его значение для правового определения смягчающих и отягчающих обстоятельств.

1. Каждое деяние, причиняющее вред социалистическим общественным отношениям, как криминологическая реальность, обладает множеством признаков. Для уголовного права имеют значение только те из них, которые характеризуют его общественную опасность. Одни из них оказывают на общественную опасность деяния значительное влияние и по этой причине являются криминологическим основанием правового определения соответствующих признаков состава преступления, другие — менее значительное. Они конкретизируют признаки деяния, относящиеся к первой группе, или дополняют их, поэтому служат криминологическим основанием правового выражения смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Общественная опасность деяния имеет качественную и количественную определенность. Выраженная в признаках состава, она позволяет говорить о характере общественной опасности преступления (качественное содержание) и о степени его общественной опасности (количественное содержание).

Характер общественной опасности деяния — это его качественная определенность, свойство, по которому одно преступление отличается от другого. Как писал К. Маркс, «различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами»².

Характер общественной опасности деяния определяется содержанием общественного отношения, на которое оно посягает. Это содержание выявляется с помощью тех признаков общественно опасного деяния, которые характеризуют причиняемый им ущерб, а также его объективную направленность. Поскольку указанные признаки обуславливают качественную определенность общественной опасности деяния, они приобретают значение криминологического основания признаков состава преступления.

Некоторые общественно опасные деяния причиняют ущерб еще и другим общественным отношениям. Поскольку этот

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., с. 23, с. 58, 59.

ущерб в количественном выражении уступает ущербу, причиняемому тем общественным отношениям, которые являются основными при данном посягательстве, он не меняет его качественной определенности. Однако он дополняет качественную характеристику преступления. Если это дополнение оказывает значительное влияние на общественную опасность деяния, в состав преступления включаются так называемые квалифицирующие признаки.

Например, хулиганские побуждения убийства являются показателем ущерба, нанесенного общественному порядку. Общественные отношения, обусловившие качественную определенность этого преступления,— отношения, обеспечивающие безопасность жизни людей. Общественный порядок лишь дополняет систему общественных отношений, которым причиняется ущерб в результате убийства человека. Поскольку это дополнение оказывает значительное влияние на степень общественной опасности убийства, хулиганским побуждениям придается значение элемента состава преступления.

Если влияние такого рода признаков на общественную опасность деяния оказывается менее значительным, они могут приобрести значение криминологического основания правового выражения отягчающего обстоятельства, учитываемого судом при назначении наказания в пределах санкции уголовного закона. Так, например, по действующему законодательству РСФСР рассматриваются хулиганские побуждения при причинении тяжких телесных повреждений.

Степень общественной опасности деяния — его количественная определенность. Характеризующие ее признаки можно подразделить на три группы.

К первой группе относятся те из них, которые в силу диалектического закона перехода количественных изменений в качественные определяют качественное содержание общественной опасности деяния. Так, размер ущерба, причиняемого государственным и общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам граждан, в соответствии со ст. 170 УК РСФСР разграничивает должностное преступление от дисциплинарного проступка. Такие признаки деяния служат криминологическим основанием качественной определенности деяния, т. е. характера общественной опасности преступления.

Ко второй группе относятся те признаки деяния, которые, не меняя качественной определенности его общественной опасности, в значительной мере повышают ее степень. Такого рода признаки лежат в основе правовых критериев разграни-

чения многих составов преступлений, например, разграничения видов хищения социалистического имущества в зависимости от его размера. Как и признаки, относящиеся к первой группе, они являются криминологическими основаниями элементов состава преступления.

Третью группу составляют признаки, которые дополняют количественную характеристику общественной опасности деяния. Одни из них конкретизируют признаки, являющиеся по закону элементами состава преступления (например, размер ущерба в пределах мелкого, значительного, крупного и особо крупного хищения социалистического имущества), другие дополняют их новыми обстоятельствами, свидетельствующими о повышенной или, напротив, пониженной степени общественной опасности деяния в границах его качественной определенности.

Эта группа признаков и служит криминологическим основанием смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеризующих степень общественной опасности преступления.

Для наиболее полного представления об особенностях общественно опасного деяния как криминологического основания смягчающих и отягчающих обстоятельств необходимо рассмотреть преступление в динамическом аспекте, то есть как процесс его совершения. Для выявления признаков, выражающих степень его общественной опасности, такое рассмотрение имеет большое значение.

В связи с тем, что преступлением является общественно опасное деяние, а не преступное намерение, мы вправе говорить о динамике преступления только после начала преступной деятельности. Поэтому взаимодействие личности с обстоятельствами внешней среды как источник формирования умысла на совершение преступления находится за ее пределами. Следовательно, мы должны прийти к выводу, что такие обстоятельства, как совершение преступления в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств и другие, которые согласно действующему законодательству считаются смягчающими уголовную ответственность, относятся к характеристике виновного, а не преступления.

Рассмотрение преступного деяния в динамике позволяет выявить ту или иную степень вероятности причинения вред-

ных последствий. Она имеет важное значение для характеристики степени общественной опасности преступления.

Вероятность наступления вредных последствий повышается главным образом в тех случаях, когда в преступном поведении проявляется изобретательность виновного или когда его усилия по достижению преступного результата объединяются с аналогичными усилиями других лиц.

В перечне отягчающих обстоятельств, предусмотренном действующим законодательством, нет указания на такие особенности преступления, в которых проявлялись бы изобретательность виновного в достижении преступного результата. Однако если учесть, что уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. предусматривали в качестве отягчающих обстоятельств проявленную при совершении преступления хитрость, что УК РСФСР в настоящее время признает кражу социалистического и личного имущества, соединенную с проникновением в помещение, хранилище и жилище, в качестве квалифицирующего обстоятельства, а при уклонении от очередного призыва на действительную военную службу действующий закон придает такое же значение совершению преступления с помощью обмана, то следует признать возможность закрепления в уголовном законодательстве признаков, выражающих изобретательность виновного в достижении преступного результата и в качестве отягчающих обстоятельств.

Изобретательность при совершении преступления представляет собой проявление интеллектуальных свойств личности преступника. Сами по себе они не могут рассматриваться как антиобщественные. Однако использование их в преступном поведении повышает его эффективность, а следовательно, и степень общественной опасности преступного деяния. Поэтому указание в законе на признаки, в которых проявляется изобретательность виновного в достижении преступных последствий, может оказать содействие в наиболее полном юридическом выражении общественной опасности преступления и личности виновного.

Групповое совершение преступного деяния также повышает степень его общественной опасности. Объединение усилий двух или более лиц, направленных на достижение преступного результата, делает его наступление более вероятным, а преступную деятельность — более эффективной. Однако о таком свойстве группового преступления можно говорить только тогда, когда деятельность виновных направлена на оказание помощи друг другу в осуществлении преступной

деятельности. Если таким свойством групповое преступление не обладает (так бывает, в частности, в тех случаях, когда участники хищения, обнаружив неохраняемое имущество, не оказывая помощи друг другу, уносят похищенные ценности каждый в доступных ему размерах), то оснований считать такое преступление представляющим повышенную опасность не существует. Поэтому групповое совершение преступления может быть признано отягчающим обстоятельством только в том случае, когда оно обладает указанным свойством.

2. Личность преступника в системе криминологических оснований смягчающих и отягчающих обстоятельств также играет определенную роль. Такое ее положение вызывается следующими обстоятельствами.

Во-первых, тем, что она является объектом уголовного наказания. Наказание способно выполнить стоящие перед ним задачи только при условии, что оно будет соразмерным с характером и степенью общественной опасности личности виновного.

Во-вторых, тем, что причины преступлений и условий, способствующие их совершению, непосредственного детерминирующего воздействия на правовое выражение смягчающих и отягчающих обстоятельств не оказывают. Они учитываются законодателем постольку, поскольку влияют на сознание человека и проявляются в процессе совершения им преступления.

В-третьих, тем, что криминологические особенности общественной опасности деяния являются производными от свойств личности преступника. Преступление является критерием общественной опасности личности.

Личность преступника противоречива. В ее структуру наряду с антиобщественными входят и социально полезные свойства. И те, и другие могут явиться криминологическими основаниями правового выражения обстоятельств, индивидуализирующих уголовную ответственность, и наказания.

Среди антиобщественных свойств личности определяющее положение занимает антиобщественное личностное отношение к социальным ценностям — социалистической и личной собственности, личности, общественному порядку и др., которое выступает в роли непосредственной причины совершения преступления. Это отношение характеризуется определенным содержанием, активностью и устойчивостью в системе нравственных свойств человека. Степени их выражения у разных людей различны.

Одни из указанных свойств антиобщественного личностного отношения находят достаточно полное отражение в признаках общественно опасного деяния. Эти признаки и выступают в роли непосредственного криминологического основания соответствующих элементов состава преступления, а также правового выражения смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Так, содержание антиобщественного отношения находит выражение, в частности, в мотивах преступного поведения. Некоторые из них послужили криминологическим основанием для закрепления в законе такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений (п. 3 ст. 39 УК РСФСР). Степень выражения антиобщественного отношения аналогичным путем получила отражение в таком, например, отягчающем обстоятельстве, как причинение преступлением тяжких последствий (п. 4 ст. 39 УК РСФСР).

Среди отягчающих обстоятельств, предусмотренных в настоящее время Основами уголовного законодательства и уголовными кодексами союзных республик, нет таких, которые характеризовали бы активность антиобщественного отношения. Это свойство личности виновного обычно выражается в признаках составов преступлений, закрепленных в правовых нормах, регулирующих ответственность за активное участие и совершении преступных действий (ст.ст. 77¹, 190³ УК РСФСР и др.). В связи с тем, что проявление этого свойства в преступном поведении существенно повышает степень общественной опасности и ряда других преступлений, например, особо опасных государственных преступлений, бандитизма, группового хищения государственного и общественного имущества и некоторых других, есть основания для внесения в перечень отягчающих обстоятельств указания на активное участие виновного в совершении преступления.

Устойчивость антиобщественного отношения в отличие от других его свойств в признаках отдельного общественно опасного деяния достаточно полного выражения не получает. Поэтому ее большая или меньшая степень является криминологическим основанием признаков состава преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеризующих непосредственно личность виновного. Такими признаками и индивидуализирующими ответственность обстоятельствами являются повторность и рецидив преступлений, а также в определенной мере несовершеннолетний возраст виновного.

3. Причины преступлений и условия, способствующие их совершению, становятся криминологическими основаниями правового выражения смягчающих и отягчающих обстоятельств обычно лишь в тех случаях, когда возникает необходимость возможно более полно выявить роль личности виновного в совершении преступления. Как правильно пишет Б. С. Волков, «...в одних случаях причина антиобщественного поведения заключена в совершившем преступление, в условиях его неблагоприятного воспитания и формирования, в других — она коренится в обстоятельствах непосредственной ситуации, в которой совершено преступление. Но любое преступление всегда выступает как результат целого комплекса как внешних (объективных), так и внутренних (субъективных) обстоятельств»³.

Как показала судебная практика, среди условий, способствующих совершению преступлений, наибольшую роль в процессе индивидуализации уголовной ответственности и наказания играют те, которые участвуют в формировании непосредственной ситуации совершения преступления.

По их влиянию на меру уголовной ответственности и наказания они могут быть подразделены на три группы.

Первую группу составляют условия, органичивающие выбор лицом правомерного варианта поведения. Они нашли отражение в правовом определении таких смягчающих обстоятельств, как совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего (п. 5 ст. 38 УК РСФСР), совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны (п. 6 ст. 38 УК РСФСР) и др.

Вторую группу составляют условия, влияние которых на человека способствует проявлению таких его антиобщественных свойств, которые дополняют свойства личности, послужившие основной непосредственной причиной совершения преступления. Условия этой группы привели к закреплению в законодательстве следующих отягчающих обстоятельств: совершению преступления с использованием условий общественного бедствия (п. 8 ст. 39 УК РСФСР), совершению преступления в отношении лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от потерпевшего (п. 5 ст. 39).

³ Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1975, с. 58.

Ситуация, побуждающая человека совершить в указанных случаях, например, кражу личного имущества, не только актуализирует его корыстные устремления, являющиеся основной непосредственной причиной данного преступления, но выявляет еще и другие антиобщественные свойства личности виновного — готовность совершить преступление, невзирая на то, что оно ставит потерпевшего в особенно тяжелое положение.

Наконец, третью группу составляют условия, способствующие совершению преступления, которые не обладают свойствами тех, которые относятся к первым двум группам. Мы сталкиваемся с ними в случаях, когда, например, лицо, совершая преступление, использует то обстоятельство, что потерпевший оставил свое имущество без охраны, продавец — товар на прилавке без присмотра и т. п. Условия такого рода порождают соблазн совершения преступления. Ввиду того, что эти условия не ограничивают выбор лицом правомерного варианта поведения и не способствуют проявлению дополнительных антиобщественных свойств личности, они не способны служить криминологическим основанием правового определения ни смягчающих, ни отягчающих обстоятельств. В этом смысле они не имеют уголовно-правового значения.

Среди обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность, предусмотренных действующим законодательством, нет таких, которые ставили бы процесс индивидуализации наказания в зависимость от условий нравственного формирования личности.

Насколько обоснованна такая позиция?

Н. Г. Угрехилидзе пришел к выводу, что условия нравственного формирования человека не должны учитываться при назначении наказания. Свою позицию он аргументировал тем, что при изучении таких условий трудно установить, какие из них сыграли отрицательную роль в процессе формирования личности и какова была реакция человека на их влияние⁴.

К. Н. Флоря не согласился с ним, ссылаясь на то, что условия нравственного формирования не всегда и не во всех случаях растянуты во времени и не поддаются наблюдению. По его мнению, критерием уголовно-правовой оценки этих условий может служить возможность субъекта противостоять

⁴ Угрехилидзе Н. Г. Криминологические проблемы соучастия в преступлении. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969, с. 14.

их отрицательному влиянию. Он пишет: «Если субъект по собственной воле прерывает общественно полезные связи с обществом, уклоняется от учебы, от воспитания, не занимается общественно полезной деятельностью и в конечном счете становится на путь совершения преступлений, то не вызывает сомнения, что исправление и перевоспитание такого субъекта гораздо труднее, а следовательно, и мера наказания должна быть строже. И другой пример: если субъект не имел объективных возможностей получить правильное воспитание (например, сирота), рос в тяжелых материальных условиях, ему необоснованно отказали в устройстве на работу и т. п., то при совершении преступления этот субъект может быть наказан мягче»⁵.

Согласиться с этими соображениями полностью нельзя. Прежде всего неудачен первый пример. Когда человек по собственной воле уклоняется от учебы и воспитания, не занимается общественно полезным трудом, следует говорить не о неблагоприятных условиях формирования личности, а об его антиобщественном поведении до совершения преступления. Эти признаки, как характеризующие стойкость антиобщественных свойств лица, могут явиться основанием для закрепления в законе специальногоотягчающего обстоятельства — ведения антиобщественного паразитического образа жизни, целесообразность которого уже выявлена судебной практикой.

Тяжелые материальные условия, отсутствие родителей и другие жизненные трудности следует противопоставлять неблагоприятным условиям воспитания, вытекающим из материальных излишеств, освобождения детей от трудовой деятельности, избалованности, формирующим эгоизм, тунеядство и другие подобные пороки. Но в этом случае, как и в предыдущем, также трудно говорить о возможности человека противостоять отрицательному влиянию неблагоприятных условий. Поэтому классификация условий нравственного формирования личности по предложенному К. Н. Флорей критерию для решения рассматриваемого нами вопроса значения не имеет. Неблагоприятные условия воспитания приводят к возникновению общественной опасности личности не потому, что избираются по собственной воле, а потому, что эти условия формируют в его сознании антиобщественные свойства.

Наряду с вышеизложенным необходимо иметь в виду, что неблагоприятные условия нравственного формирования лич-

⁵ Флоря К. Н. Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления. Кишинев: «Штиинца», 1980, с. 16, 17.

ности, в которых человек оказался не по своей вине, также способны привести к возникновению у него стойких антиобщественных свойств, порождающих тяжкие и даже особо опасные преступления. Однако для того, чтобы наказание могло выполнить задачу исправления виновного, оно должно соответствовать характеру и степени общественной опасности его личности и в том случае, когда она возникла под влиянием тяжелых условий его жизни. Неблагоприятные условия нравственного формирования личности могут учитываться судом в качестве смягчающего обстоятельства лишь в виде отказа от повышения размера наказания, которое может быть осуществлено в целях общего предупреждения преступлений. Но для этого нет необходимости предусматривать в уголовном законодательстве специальное смягчающее обстоятельство.

МЕДИАНА САНКЦИИ: ЕЕ ПОНЯТИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

А. П. КОЗЛОВ

Санкции являются важнейшим элементом нормы уголовного права. Основы наших знаний о санкциях были заложены еще дореволюционным русским правом¹. Проблемы, связанные с санкциями, постоянно находятся в поле зрения и теории советского уголовного права. Однако необходимо отметить недостаточно полное еще представление теории уголовного права о существующих санкциях, о их классификации и соответствии характеру и степени общественной опасности вида преступления, о соотношении санкций с системой видов наказания, о соотносимости отдельных видов наказания в санкциях и т. п.

Для детального исследования санкций необходимо обобщать их, сопоставлять различные санкции между собой. Например, в главах второй и пятой Особенной части УК РСФСР отражены преступления против социалистической и личной собственности. Санкции, определенные главой второй, как правило, более суровые, что свидетельствует о более высокой оценке законодателем социалистической собственности как объекта посягательства. Насколько же опаснее, с точки зрения законодателя, посягательства на социалистическую собственность по сравнению с посягательствами на личную собственность? На данном уровне развития учения о санкциях ответить однозначно на этот вопрос невозможно. Трудности сопоставления проявляются уже на самом низшем уровне — по санкциям одинаковых видов преступления (краж социалистического и краж личного имущества и т. п.). Эти трудности связаны с конструированием относительно определенных и альтернативных санкций, поскольку при этом для оп-

¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912, с. 89.

ределения законодательной оценки опасности посягательства на тот или иной объект необходимо брать какую-то совокупную оценку санкции «от... до» или по всем видам наказания, содержащимся в санкции. Подобное совокупное значение санкции найти пока не представляется возможным. Еще большие трудности возникают при сопоставлении санкций по нескольким однородным (положим, по всем видам хищений социального и личного имущества) или даже разнородным видам преступления, посягающим на те или иные объекты. Чтобы сравнить друг с другом относительно определенные или альтернативные санкции, или группы таких санкций, необходимо найти какой-то измеритель, обобщающий их. Что представляет собой этот обобщающий показатель?

В каждом преступлении определенного вида признаки в первом приближении могут быть дифференцированы на двух уровнях. Прежде всего это такие признаки, которые характерны для всех преступлений того или иного вида. Если взять, например, кражи, предусмотренные ч.1 ст. 144 УК РСФСР, то все они — тайное безвозмездное незаконное изъятие личного имущества граждан. Указанные признаки являются общими для всех краж личного имущества и при прочих равных условиях никакими особенностями не обладают. Вместе с тем в каждом преступлении имеется масса признаков, характеризующих индивидуальные особенности преступления и личности виновного.

Именно поэтому всякая санкция, определяющая наказуемость за тот или иной вид преступления, представляет собой «сплав» двух социальных оценок: оценки типичных для всех преступлений определенного вида признаков и оценки предполагаемой законодателем значимости индивидуальных особенностей. Первая из них всегда является единой для всех преступлений одного вида, поскольку в ней заключено значение общих для всех преступлений данного вида признаков. В этой оценке отражается характер общественной опасности вида преступления. Если бы не было индивидуальных особенностей преступления и личности виновного, санкции по каждому виду преступления могли бы быть абсолютно определенными.

В связи со сказанным представляется не совсем обоснованным мнение о том, что «общественная опасность — постоянно изменяющаяся величина»². Нельзя смешивать характер

² Комплексное изучение системы воздействия на преступность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978, с. 101.

и степень общественной опасности. И если степень общественной опасности действительно в определенной части изменяющаяся величина, поскольку зависит от индивидуальных особенностей преступления и личности виновного, то характер общественной опасности вида преступления в условиях стабильно развивающегося общества не должен меняться — убийства человека, совершенные 30, 20, 10 лет, 1 год тому назад при прочих равных условиях, оставались одинаковыми по своей общественной значимости.

Имеющие же место в законодательной практике изменения оценки того или иного общественно опасного явления, постоянно колеблющаяся криминализация и декриминализация правонарушений возникают лишь потому, что законодатель не представляет четко рамок преступного и не преступного, и никак не свидетельствуют об изменении характера общественной опасности того или иного правонарушения. В доказательство можно привести введение в УК РСФСР после его вступления в силу и последующее исключение из него норм, регламентирующих такие правонарушения, как скупка, продажа и обмен в небольших размерах валюты и ценных бумаг, мелкое хулиганство.

Однако нет одинаковых преступлений даже одного вида. И поэтому для соответствующей оценки имеющихся всегда индивидуальных особенностей законодатель строит относительно определенные и альтернативные санкции, т. е. расширяет санкцию за рамки оценки типичных для вида преступления признаков.

Для теории и практики явно небезразлична дифференциация каждой из частей указанного «сплава», так как при этом становится более предметным исследование значимости типичных и индивидуальных признаков преступления.

На данном этапе нас интересует оценка типичных признаков, которая дает возможность, в частности, сравнить законодательные характеристики различных объектов, вычленив влияние факультативного объекта, определить влияние квалифицирующих признаков, их законодательную оценку и т. д. При определении указанной оценки, думается, необходимо исходить из следующего: а) она должна находиться в санкции, поскольку последняя является выражением общего правосознания по тому или иному виду преступления и фундаментом наказания; б) ею не могут быть ни минимум, ни максимум санкции, которые возникают не в связи с типичными признаками, а на основе возможных индивидуальных особенностей

преступления и личности виновного. Представляется, подобной оценкой может служить нечто среднее между минимумом и максимумом санкции — медиана санкции как величина, равноудаленная от минимума и максимума санкции, так как невозможно даже предположить, что законодатель для оценки каких-либо одних (отягчающих или смягчающих) обстоятельств выделяет большую или меньшую часть санкции.

Каково же практическое значение медианы санкции?

1. Прежде всего медиана санкции позволяет выйти на новый уровень исследования санкций, обоснованности их построения, оптимальности соотношения видов наказания в них.

2. Медиана санкции выступает как измеритель характера и типовой степени³ общественной опасности вида преступления, которые специфичны для каждого отдельного вида преступления. При этом может возникнуть следующее сомнение: по некоторым санкциям медианы могут быть равными, а санкции тем не менее разными (например, в санкциях в виде лишения свободы на срок от 2 до 10 лет и от 5 до 7 лет медиана одна и та же — 6 лет лишения свободы). Однако необходимо помнить: во-первых, относительно определенные санкции создаются лишь для индивидуализации наказания; во-вторых, индивидуальные признаки, их совокупность в преступлениях каждого вида различны (в принципе невозможен учет несовершеннолетия преступника как смягчающего обстоятельства при назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР, невозможен учет специальной повторности как отягчающего обстоятельства при назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 89 УК РСФСР и т. д.); в-третьих, рамки между минимумом и максимумом зависят от круга тех индивидуальных особенностей, которые могут быть учтены при назначении наказания за преступление определенного вида.

3. В этом плане медиана санкции является показателем тяжести вида преступления. Наличие точной меры тяжести вида преступления имеет огромное значение в уголовном праве, особенно тогда, когда решается вопрос о наказуемости лица, совершившего преступление. Например, уголовный закон обладает обратной силой, в частности, если вновь принятый закон более мягкий, чем ранее действующий. Как же оп-

³ Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания. — В сб.: Применение наказания по советскому уголовному праву. М.: МГУ, 1958, с. 93.

ределить сравнительную тяжесть закона в том случае, когда минимум санкции вновь принятого закона выше минимума ранее действующего закона, а максимум вновь принятого ниже максимума ранее действующего закона (предположим, новый и старый законы соответственно определяют наказание от 3 до 5 лет и от 1 года до 8 лет лишения свободы)? Единства в решении данного вопроса в теории уголовного права нет. Одни авторы предлагают решать проблему обратной силы закона, исходя из максимума⁴, другие — из минимума санкции⁵.

В то же время довольно точным инструментом сопоставления тяжести санкций является ее медиана. И в приведенном примере сравнение медиан показывает, что вновь принятый закон ($M = 4$ годам) более мягкий, чем ранее действующий ($M = 4,5$ годам).

При этом не следует смешивать два фактора: определение относительной тяжести санкций и специфику применения более мягкого закона. Так, в приведенном примере минимум менее тяжкой санкции (3 года) выше минимума более тяжкой санкции (1 год). Из этого вовсе не следует, что неверно определена тяжесть санкции. В данном случае менее тяжкая санкция несколько специфичнее по своему построению, чем более тяжкая. Поэтому существуют и особенности в ее применении: чтобы не ставить виновного, совершившего преступление в период действия более тяжкого закона с более мягким минимумом санкции, в неоправданно худшее положение, необходимо всегда в подобных случаях применять ст. 43 УК РСФСР⁶, так как для такого виновного изменение закона с утяжелением минимума его — явление исключительное. Для этого необходимо несколько шире понимать термин «исключительные обстоятельства дела».

4. Значение медианы санкции еще более увеличивается в связи с возможностью определения уровня правосознания судей. Чтобы установить сравнительный уровень правосознания судьи, необходимо среднее наказание, назначаемое каждым судьей, сопоставить с каким-то объективным критерием, в котором отражалось бы общее правосознание. На наш

⁴ Советское уголовное право. Часть общая. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960, с. 174.

⁵ Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона. М.: Юрид. лит., 1969, с. 118.

⁶ Сахаров А. Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР. — Социалистическая законность, 1961, № 6.

взгляд, общее правосознание по каждому виду преступления находит отражение в санкции нормы, а точнее — в медиане ее. Отклонение назначенного судом конкретного наказания от медианы санкции несет на себе отпечаток, во-первых, отличия правосознания судьи от общего правосознания и, во-вторых, влияния индивидуальных особенностей конкретного преступления и личности конкретного преступника. В наказании, назначаемом судом за преступления определенного вида, нивелируется влияние индивидуальных особенностей. И поэтому в отклонении среднего наказания от медианы санкции заключается, как правило, только отличие правосознания конкретного судьи от общего правосознания. Рассчитанное таким образом среднее отклонение по преступлениям всех категорий, рассмотренным конкретным судьей, явится показателем уровня отклонения правосознания судьи от общего правосознания, т. е. уровня «ущербности» правосознания судьи.

Подобное определение правосознания судьи, по-видимому, небезразлично для правоведов. И хотя в полном объеме оценить все пути возможного применения данного количественного измерения пока трудно, представляется очевидным, что чрезмерно жесткая позиция одного судьи (среднее отклонение далеко отстоит от медианы, приближается к максимуму санкции или вида наказания) или чрезмерно мягкая позиция другого судьи (среднее отклонение далеко отстоит от медианы и приближается к минимуму санкции или вида наказания) по одной (одинаковой) категории дел при социально обоснованных санкциях в равной мере нежелательны в обществе.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ЗАГЛАДИТЬ МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД КАК ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕРА ПРИ ОСУЖДЕНИИ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В. А. УТКИН

В числе целесообразных мер воспитательно-профилактического воздействия на осужденных без лишения свободы серьезного внимания заслуживает, на наш взгляд, возложение на виновного судом обязанности устранить (загладить) вред, причиненный его преступлением. Выступая так называемым «естественным» последствием совершенного преступления¹, такая мера при прочих равных условиях в большей степени способствует торможению и устранению преступных мотивов. Исправительно-воспитательное значение подобных мер отмечается в педагогике², однако должного внимания юристов они пока не привлекли.

При определении потерпевшего ст. 136 УПК РСФСР учитывает имущественный, физический или моральный вред. Не претендуя на подробное освещение всех вопросов, связанных с возложением на преступника обязанности устранить причиненный преступлением вред, рассмотрим некоторые резервы более широкого применения такой обязанности применительно к одному из видов вреда — моральному.

В сущности, всякое преступление причиняет тот или иной моральный вред. С точки зрения выбора наиболее рациональных способов исправительно-воспитательного воздействия на преступника целесообразно принимать во внимание, видимо, лишь такой моральный вред, который, во-первых, является непосредственным последствием совершенного преступления; во-вторых, его единственным либо существенным последствием.

Действующее уголовное законодательство предусматривает некоторые возможности для возложения на виновного обязанности загладить вредные последствия морального ха-

¹ Под «естественными» последствиями поступка в педагогике обычно понимаются такие, которые тесно связаны с его мотивом и способом совершения.

² См., например: Щуркова Н. Е. Наказание как позитивный метод воздействия. — Советская педагогика, 1969, № 6, с. 49—55.

рактера. Ст. 63 УК РСФСР в числе принудительных мер воспитания, применяемых к несовершеннолетним, предусматривает, в частности, возложение на него обязанности публично или в иной форме, определенной судом, принести извинение потерпевшему (п. 1). В содержание такого уголовного наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред (ст. 32 УК РСФСР), входит и публичное извинение виновного перед потерпевшим или членами коллектива в форме, установленной судом.

Ст. 46¹ УК РСФСР (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г.)³ закрепила в числе обязанностей, которые могли быть возложены судом на несовершеннолетнего, осужденного с отсрочкой исполнения приговора, обязанность устранить причиненный вред. Действующий закон (ст. 39¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ред. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г.)⁴ предусматривает возможность возложения такой обязанности и на взрослого преступника, осужденного с отсрочкой исполнения приговора. Распространяется ли это на моральный вред? Опыт применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему свидетельствует о весьма противоречивой трактовке этой части ст. 39¹ Основ (ст. 46¹ УК). Известно, что в 1977 г. наряду с обязанностями поступить на работу, учебу, устранить причиненный вред Основы указали на возможность возложения на несовершеннолетнего и иных, предусмотренных законодательством союзных республик, обязанностей, выполнение которых может способствовать его перевоспитанию. Поскольку уголовные кодексы Украинской ССР и Туркменской ССР в качестве иных (помимо указанных в общесоюзном законе) обязанностей предусмотрели принесение публично или в иной форме извинения потерпевшему, признав тем самым, что обязанность извиниться лежит за пределами устранения причиненного вреда в смысле ст. 39¹ Основ, очевидно, что обязанность устранить причиненный преступлением вред (в том содержании ее, которое было отражено в УК названных республик) фактически не распространялась на вредные последствия морального характера⁵. Аналогично она понимается

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 255.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1982, № 30, ст. 572.

⁵ Вряд ли это правильно. Такая трактовка не согласуется с закрепленными в ст. 136 УПК РСФСР видами вреда и с тем пониманием вреда, которое отражено в ст. 32 УК РСФСР.

и в изученной нами судебной практике применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. Подавляющее большинство опрошенных нами народных судей ряда городов Западной Сибири⁶ не считало возможным в порядке ст. 46¹ УК возлагать на осужденного обязанность загладить моральный вред (в частности, обязанность извиниться перед потерпевшим).

Между тем, возложение на виновного обязанности загладить причиненный преступлением моральный вред на практике имеет резервы для более широкого применения, причем не только при отсрочке. Выборочное исследование уголовных дел в отношении осужденных к некоторым так называемым «разовым» наказаниям (штрафу, общественному порицанию) показало, что среди таких осужденных около четверти причинили почти исключительно моральный вред (оскорбление, клевета, нецензурная брань и т. п.)⁷. Менее половины таких лиц приносят свои извинения в зале суда. Может ли такую обязанность возложить суд по своей инициативе? Учитывая, что возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред (в том числе и обязанности извиниться), согласно ст. 32 УК РСФСР, является дополнительным наказанием, в принципе такая возможность существует. Между тем на практике это наказание применяется чрезвычайно редко⁸.

По мнению А. Л. Цветиновича, это объясняется низкой психолого-педагогической ценностью данной меры, ее компенсационным характером, не свойственным наказанию⁹. Думается, однако, что причины такого положения кроются прежде всего в возникшем с введением ст. 32 УК противоречии между социальным содержанием этой меры и ее правовым закреплением в качестве наказания. Само по себе извинение за

⁶ В результате опроса было проинтервьюировано свыше 50 народных судей ряда городов Томской, Кемеровской областей, Красноярского края.

⁷ Исследовано около 400 уголовных дел в отношении 400 лиц, осужденных в 1976—1980 гг. к этим наказаниям народными судами городов Томской, Кемеровской областей, Хакасской автономной области Красноярского края.

⁸ В изученной нами практике среди почти 400 приговоров к так называемым «разовым» наказаниям только один содержал упоминание о наказании возложением обязанности загладить причиненный вред (применительно к материальному ущербу). См. также: Виттенберг Г. Б. Совершенствование законодательства о наказании. — Советское государство и право, 1980, № 6, с. 72—75.

⁹ См.: Цветинович А. Л. Дополнительные наказания в советском уголовном праве. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1980, с. 58.

проступок (в том числе и за преступление) по сути представляет собой социально полезную обязанность, вытекающую из принципов коллективизма, товарищеской взаимопомощи в обществе развитого социализма. Оно объективно не может позорить виновного и не рассчитано на причинение ему психических переживаний, свойственных наказанию, не предназначено для того, чтобы уstrasить преступника и других неустойчивых лиц и этим удержать их от преступления. Иными словами, оно объективно не может быть наказанием, карой. Это обстоятельство и предопределяет, на наш взгляд, чрезвычайно редкое возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред (в том числе и обязанности извиниться) как дополнительного наказания.

Вместе с тем суд лишен возможности возложить такую обязанность в порядке ст. 29 УПК РСФСР, поскольку она распространяется лишь на материальный ущерб, причиненный преступлением (ч. IV ст. 29 УПК).

Представляется, что возможность возложения на виновного судом обязанности в той или иной форме загладить вредные последствия морального характера должна быть предусмотрена законом в общем виде применительно ко всем осужденным без лишения свободы. В этом случае вряд ли может быть препятствием то, что гражданское законодательство в настоящее время не предусматривает какой-либо адекватной формы компенсации морального вреда, хотя такие предложения обсуждаются¹⁰. Многие цивилисты склоняются к тому, что определенное возмещение морального вреда не противоречит социалистическим принципам гражданского права¹¹. В то же время сложности гражданско-правовых способов «сглаживания» морального вреда и острота связанных с этим вопросов во многом проистекают от того, что речь идет о возмещении такого вреда, то есть об определенной имущественной компенсации за его причинение.

Возложение обязанности загладить причиненный преступлением моральный вред не преследует цели компенсации, поэтому возможности применения такой меры как воспитательно-профилактической, в сущности, слабо связаны с исходом отмеченной дискуссии среди цивилистов.

¹⁰ См., например: Нор В. Т. Имущественная ответственность за неправомерные действия должностных лиц. Львов, 1974, с. 162—166; Малейн Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965, с. 5—22.

¹¹ См.: Нор В. Т. Указ. раб., с. 163—164; Малейн Н. С. Указ. раб., с. 19.

В сфере профилактики преступлений заглаживание вредных последствий морального характера имеет прежде всего исправительно-воспитательную направленность. Вряд ли можно согласиться с тем, что принесение публичных извинений потерпевшему или коллективу имеет смысл лишь тогда, когда оно совершается добровольно и является признаком исправления осужденного, что иные извинения «почти всегда бывают формальными и не способствуют благотворным изменениям в сознании лица, совершившего преступление; наоборот, переживаемое при принесении таких извинений унижение достоинства способно озлобить осужденного»¹².

Разумеется, воспитательное значение возложения обязанности загладить причиненный моральный вред (прежде всего — извиниться) нельзя преувеличивать и считать важнейшим инструментом перестройки сознания преступника, главным средством его исправления. Но такая цель не ставится и вообще вряд ли может быть поставлена перед всяким «уединенным» (А. С. Макаренко) средством. Сущность этой меры в том правильно подмечено Н. А. Стручковым обстоятельстве, что она дает возможность «прочувствовать» характер совершенного преступления¹³. Здесь «даже несовершенная защита содержит напоминание о необходимости бережного отношения к нематериальным интересам людей, даже такая защита будет иметь поэтому огромное воспитательное и предупредительное значение»¹⁴. Вряд ли основательны и опасения в том, что «принудительная» форма извинения по решению суда сведет на нет воспитательную ценность данной меры. Так, обязанности поступить на работу, учебу, устранить причиненный вред в порядке ст. 46¹ УК могут быть возложены судом и при отсутствии желания к этому виновного, однако их исправительная направленность очевидна. С психолого-педагогической точки зрения также было бы, по меньшей мере, странным применять воспитательно-профилактические меры только по желанию осужденного. Наоборот, зачастую «человека надо ставить в такие ситуации, чтобы сами обстоятельства заставляли его совершать нежелательные для него действия. Это помогает ему преодолеть в себе

¹² Цветинович А. Л. Указ. раб., с. 57—58.

¹³ См.: Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1978, с. 244.

¹⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг, 1917, с. 124.

ненужные чувства. Научившись владеть собой, он уже их в значительной мере преодолеет»¹⁵.

О возмещении морального вреда в порядке «мер социальной защиты» (ст. 44 УК РСФСР в ред. 1926 г.) еще в 1927 г. писал Б. С. Утевский¹⁶. Впоследствии его взгляды были подвергнуты критике¹⁷. Между тем с учетом особой сложности возмещения морального вреда и возможности его «заглаживания» сама постановка вопроса Б. С. Утевским представляется обоснованной. В современный период заглаживание вредных последствий преступления морального характера будет иметь не только перспективное воспитательно-профилактическое значение, но и отвечает принципиальному курсу на все более широкую охрану прав и свобод советских граждан.

В свете воспитательно-профилактического значения возложения этой обязанности не исключена некоторая ее модификация по сравнению с традиционными гражданско-правовыми способами возмещения вреда. По изложенным выше причинам термин «заглаживание» здесь представляется наиболее емким.

Один из главных его способов — возложение судом на виновного обязанности извиниться перед потерпевшим или членами коллектива в установленной форме (например, при оскорблении, хулиганстве и иных преступлениях, когда они совершены против членов одного с осужденным коллектива).

Среди изученных преступлений, причинивших преимущественно моральный вред, за которые были назначены так называемые «разовые» наказания, заметную долю составляет клевета (примерно каждое десятое преступление неимущественного характера). Заглаживание морального вреда, причиненного клеветой, на наш взгляд, в соответствующих случаях могло бы происходить не только в форме извинения, но и с учетом положений ст. 7 ГК РСФСР. Согласно этой статье, суд по иску гражданина может возложить на виновного обязанность в установленной форме опровергнуть ранее распространенные сведения, порочащие честь и достоинство потерпевшего. Но в случаях уголовно наказуемой клеветы потерпевший ставится перед альтернативой: просить суд привлечь

¹⁵ Якобсон П. Психология чувств. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958, с. 362.

¹⁶ См.: Утевский Б. С. Возмещение нематериального вреда как мера социальной защиты. — Еженедельник советской юстиции, 1927, № 5, с. 1083—1084.

¹⁷ См.: Зейц А. Возмещение морального вреда по советскому праву. — Еженедельник советской юстиции, 1927, № 47, с. 1465—1466.

виновного к уголовной ответственности (ст. 27 УПК), либо предъявить иск о защите чести и достоинства в порядке ст. 7 ГК¹⁸. В уголовном деле он не может предъявить этот иск, поскольку ч. 1 ст. 29 УПК предоставляет такое право лишь потерпевшим материальный ущерб от преступления.

Вместе с тем суд лишен возможности возложить рассматриваемую обязанность на виновного и по своей инициативе: ст. 303 (п. 7) УПК предусматривает это лишь применительно к возмещению материального ущерба, а ст. 32 УК не включает публичное опровержение клеветнических измышлений в содержание обязанности загладить причиненный вред¹⁹.

Между тем такое решение необоснованно сужает возможности защиты чести и достоинства гражданина и не вполне соответствует принципу единства охраны интересов государства и личности. Порой чрезвычайно трудно решить, какому виду защиты отдать предпочтение. При наиболее опасных случаях клеветы (в различные учреждения, в печати и т. д.), заслуживающих уголовного наказания, особенно настоятельна и необходимость заглаживания причиненного этой клеветой вреда. Поскольку заглаживание этого вреда не является уголовно-правовой санкцией, с юридической точки зрения применение наказания за клевету не должно исключать возможность возложения на виновного обязанности загладить причиненный клеветой вред.

В этой связи наряду с осуждением за клевету целесообразно предоставить суду право возлагать на осужденного и обязанность загладить вред, причиненный клеветой: в установленной форме опровергнуть ранее распространенные сведения, порочащие честь и достоинство потерпевшего, по ходатайству потерпевшего или по своей инициативе с учетом его интересов.

¹⁸ См.: «О применении в судебной практике ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций». Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г.— В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М.: Известия, 1980, ч. 1, с. 120.

¹⁹ В этой связи вряд ли можно согласиться с Б. М. Леонтьевым в том, что при осуждении за клевету наряду с обязанностью извиниться перед потерпевшим суд может возложить на виновного и обязанность публично опровергнуть клеветнические измышления (См.: Советское уголовное право. Общая часть. М.: МГУ, 1981, с. 345). Как форма заглаживания морального вреда эта обязанность ст. 32 УК не предусмотрена, а к устранению причиненного вреда она не относится, ибо в законе, как отмечает сам автор, речь идет об устранении своими силами материального ущерба (См.: Советское уголовное право, с. 344).

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА НЕОСТОРОЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИКИ

А. Г. КОРЧАГИН

Законодатель устанавливает два возрастных предела уголовной ответственности. В соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства по общему правилу уголовная ответственность может наступить по достижении 16 лет, а в случаях, точно указанных в ч. 2 ст. 10 Основ, ответственность может наступить по достижении 14 лет. При определении минимального возраста уголовной ответственности за основу берется интеллектуальный уровень человека, его способность понимать характер совершенных им действий, их общественную опасность, то есть уровень социально-психологического развития несовершеннолетнего и способность руководить своими поступками (волевой уровень), сдерживать импульсивные, произвольные действия и противостоять воздействию ситуации. Несовершеннолетие учитывается в качестве смягчающего ответственность обстоятельства (п. 6 ст. 33 Основ).

Следуя буквальному смыслу ст. 10 Основ уголовного законодательства, можно предположить, что к числу субъектов преступлений, предусмотренных ст.ст. 85, 140, 172, 211, 211², 214, 215, 223¹ УК РСФСР и др., относятся лица, достигшие 16 лет.

Между тем в юридической литературе вопрос о возрасте субъектов неосторожных технических преступлений решается неоднозначно. Так, по мнению В. И. Борисова, анализировавшего ст. 215 УК РСФСР и ст. 219 УК УССР, необходимо исходить из общего возраста ответственности, т. е. 16 лет. Однако и В. И. Борисов признает, что случаи привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних содержат ряд особенностей. «Одна из них заключается в том, что наряду с привлечением лица, не достигшего 18-летнего возраста, к уголовной ответственности по статье, соответствующей содеянному, должны привлекаться и те работники строительства, ко-

которые незаконно поручили несовершеннолетнему выполнение не соответствующих его возрасту работ. Вторая особенность касается самого лица, не достигшего 18-летнего возраста, и требует учета субъективной стороны совершенного»¹. «Если же суд или следственные органы установят, что лицо не признавало характер своих действий и не могло их признавать, ответственность исключается из-за отсутствия вины, т. е. субъективной стороны состава преступления»². Действительно, возможны случаи (например, несовпадения «психологического» и «паспортного» возраста), свидетельствующие об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, не связанной с душевным заболеванием.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную или иную антиобщественную деятельность» указал, что суд в соответствии со ст. 10 Основ может ограничиться в подобных случаях в отношении несовершеннолетнего применением принудительных мер воспитательного характера. Данную рекомендацию Пленума, на наш взгляд, следует уточнить. В зависимости от уровня отсталости несовершеннолетнего решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, либо о смягчении наказания или применении принудительных мер воспитательного характера. Психологические особенности несовершеннолетних (переоценка своих возможностей и способностей, недостаток опыта, повышенная несобранность, рассеянность, увлечение чем-то или кем-то) нельзя игнорировать не только при установлении в их деяниях соответствующей формы неосторожной вины, но и при определении конкретной степени вины, так как от этого зависит назначение им возможного вида и размера наказания³.

Д. Г. Бабилашвили полагает, что в практике встречаются случаи совершения автоаварий со смертельным исходом лицом, не достигшим 16-летнего возраста. По действующему законодательству они несут ответственность не по ст. 241 УК ГССР, а по ст. 108 УК ГССР (за неосторожное убийство). Поэтому следует пересмотреть возраст, после которого

¹ Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. Харьков: Вища школа, 1977, с. 94.

² Там же, с. 95.

³ См.: Орлов В. С. Ответственность несовершеннолетних по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1969, с. 17.

может наступить ответственность за автотранспортные преступления, в частности, определить ответственность за преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 241 УК ГССР с 14-летнего возраста⁴.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях установили, что административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения правонарушения 16-летнего возраста. Таким образом, субъектом административного дорожно-транспортного нарушения может быть лицо, достигшее к моменту совершения проступка 16-летнего возраста, неосторожные преступления, связанные с использованием техники, по сравнению с административными правонарушениями более общественно опасны, а поэтому мы полагаем, что нельзя понижать возраст, с которого могла бы наступать уголовная ответственность за неосторожные технические преступления, до 14 лет.

М. С. Гринберг, И. И. Карпец и др. предлагают включить в ч. 3 ст. 10 Основ уголовного законодательства перечень преступлений (в частности, неосторожные преступления, связанные с использованием техники), ответственность за совершение которых наступает с 18 лет⁵.

На наш взгляд, уголовную ответственность при совершении неосторожных преступлений, связанных с использованием техники, могут нести лица, достигшие 18 лет, лишь в случаях, когда с этого возраста разрешается выполнять соответствующие профессиональные обязанности.

Ст. 75 Основ законодательства о труде, ст. 175 КЗоТ запрещают применение труда лиц, моложе 18 лет, на тяжелых работах и на работах с вредными или опасными условиями труда, а также на подземных работах.

К управлению и эксплуатации строительных механизмов (экскаваторов, бульдозеров, скреперов, грейдеров и т. п.) допускаются лишь лица, достигшие 18-летнего возраста, не-

⁴ Бабилашвили Д. Г. Ответственность за автотранспортные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1975, с. 12.

⁵ См.: Гринберг М. С. Психозические возможности человека и уголовная ответственность.— Сов. государство и право, 1974, № 12, с. 70—71; Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юрид. лит., 1976, с. 178. Уголовное законодательство некоторых стран гласит: «Уголовно ответственным является совершеннолетнее лицо, достигшее 18-летнего возраста, которое совершает преступление во вменяемом состоянии» (См.: Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. М.: Юрид. лит., 1970, с. 22).

совершеннолетних нельзя включать в экипажи морских и речных судов, принимать на работу в качестве механика, моториста и т. д., что вытекает из прямого указания постановления Государственного комитета Совета Министров СССР «О списке производств, профессий, специальностей и работ, на которых запрещается применение труда лиц, не достигших 18-летнего возраста»⁶. Правила технической эксплуатации железных дорог содержат перечень подобных должностей. Это машинисты и их помощники, кочегары, диспетчеры, дежурные по станциям, другие работники, непосредственно связанные с движением поездов.

Положение о порядке присвоения квалификации водителя, выдачи водительских удостоверений и допуска водителей к управлению транспортными средствами, утвержденное приказом МВД СССР от 13 февраля 1976 г. № 40, все транспортные средства в зависимости от их типов подразделяет на ряд категорий. «А» — мотоциклы, мотороллеры и мопеды всех типов и марок; «В» — автомобили, максимальный вес которых не превышает 3500 кг и число сидячих мест которых, помимо сиденья водителя, не превышает восьми; «С» — автомобили, предназначенные для перевозки грузов, разрешенный максимальный вес которых превышает 3500 кг; «Д» — автомобили, предназначенные для перевозки пассажиров и имеющие более восьми сидячих мест, помимо сиденья водителя. К управлению транспортными средствами, относящимися к категории «А», допускаются лица, достигшие 16 лет, а к категории «В» и «С» — не моложе 18 лет. На автомобилях категории «Д» и легковых такси разрешается работать при достижении 20-летнего возраста⁷.

Анализ изученных нами уголовных дел показал, что только в 1% случаев привлекались к уголовной ответственности лица, достигшие 16—17-летнего возраста. Удельный вес этой категории лиц значительно меньше тех, кто достиг 18 лет, а 18—30-летние лица за нарушение правил безопасности привлекались к уголовной ответственности в 50% случаев.

Специфика субъекта преступных нарушений правил безопасности труда накладывает свой отпечаток на возраст лиц,

⁶ Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 1959, № 6, с. 3.

⁷ См.: Положение о порядке присвоения квалификации водителя, выдачи водительских удостоверений и допуска водителей к управлению транспортными средствами. Утверждено приказом МВД СССР № 40 от 13 февраля 1976 г. — Водитель. Автомобиль. Дорога. М.: Юрид. лит., 1978, с. 65—66.

совершивших такие преступления. В частности, результаты изучения уголовных дел, социологических исследований и данные технической литературы показывают, что большая часть подобных правонарушений допускается работниками среднего возраста и старше⁸.

Таким образом, уголовную ответственность при совершении неосторожных преступлений, связанных с использованием техники, могут нести лица, достигшие 16 лет, если им разрешается выполнять соответствующие профессиональные обязанности и управлять соответствующими техническими средствами, а достигшие 18 лет, лишь в случаях, когда с этого возраста разрешается выполнять соответствующие профессиональные обязанности и управлять техническими средствами.

В свете изложенного заслуживают поддержки предложения о целесообразности включения в ст. 10 Основ уголовного законодательства ч. 3, предусматривающую преступления (в частности, неосторожные преступления, связанные с использованием техники), ответственность за совершение которых наступает с 18 лет. Реализация данного предложения позволяет ограничить и уточнить круг специальных субъектов неосторожных преступлений, связанных с использованием техники.

⁸ См.: Яблоков Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М.: МГУ, 1980, с. 30; Шевалдин И. А., Гребняк В. П., Черкасов Ф. М. Социально-психологические факторы безопасности труда горнорабочих. М., 1973, с. 10; Вексельман В. М., Кульбида П. Б. Профессия, возраст, стаж горнорабочих и травматизм.— Безопасность труда в промышленности, 1969, № 10, с. 18.

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ст. 44 УК РСФСР

А. К. МУЗЕНИК

Накопленная практика применения условного осуждения убедительно доказала, что это один из полезных и эффективных институтов советского уголовного права, который оказывает большое воспитательное воздействие на лиц, совершивших преступления, не представляющие повышенной опасности, достаточно полно отвечает политике нашего государства в борьбе с преступностью на современном этапе.

1. Проблема условного осуждения, являясь проблемой многоплановой и многосложной, всегда привлекала внимание ученых и практических работников. Не затухает интерес к ней и в настоящее время. На страницах юридической печати систематически появляются материалы, посвященные самым разнообразным вопросам теории и практики применения данного института в рамках ныне действующего законодательства, в которых содержится немало полезных рекомендаций по совершенствованию работы народных судов в процессе применения ст. 44 УК, организации учета и контроля за поведением условно осужденных, проведения с ними воспитательной работы и т. д.¹.

Однако, не умаляя всей важности и полезности этих рекомендаций, нельзя не отметить, что реализация данных предложений вряд ли может оказать существенное влияние на повышение эффективности условного осуждения, расширение рамок его применения, поскольку предлагаемые авторами ме-

¹ Ломако В. А. Применение условного осуждения. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1976; Слободчиков Ю. Организация работы народных судов по контролю за поведением условно осужденных.— Советская юстиция, 1976, № 22; Сенчин А. Эффективность условного осуждения и исправительных работ в исправлении несовершеннолетних правонарушителей.— Социалистическая законность, 1977, № 1; Минская В. Мотивировка условного осуждения.— Социалистическая законность, 1980, № 4.

ры все же не дают сколько-нибудь надежных гарантий от рецидива преступлений со стороны условно осужденных. Создание же таких гарантий, как мы думаем, вряд ли возможно без проведения серьезной реформы данного института в целом. С этой точки зрения весьма полезной оказалась работа сотрудников ВНИИ советского законодательства, которые в 1976 г. с участием многих советских ученых разработали и предложили проект законодательного урегулирования названного вида условного осуждения (равно как и исполнения других мер уголовно-правового воздействия), в котором нашли отражение основные, принципиальные положения, способные существенно повысить степень результативности применения рассматриваемого института советского уголовного права. В настоящее время многие важные моменты этого проекта нашли свое закрепление в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик².

2. Считаем, однако, что с повестки дня этот вопрос не может быть снят, и полагаем вполне оправданным продолжить обсуждение данной проблемы. В этом плане прежде всего остается актуальным предложение о целесообразности включения в число обязательных условий применения условного осуждения обязанность осужденного «вести образ жизни добропорядочного советского гражданина, а также выполнять специальные предписания суда, направленные на перевоспитание осужденного и предупреждение новых преступлений с его стороны»³.

Частично это предложение нашло свое отражение в ныне действующем законодательстве об условном осуждении. Новая редакция ст. 38 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик содержит правило, в соответствии с которым суд может отменить условное осуждение и направить осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором, в случае систематического нарушения условно осужденным в течение испытательного срока общественного порядка, повлекшего применение мер административного взыскания или общественного воздействия (ч. 3 ст. 38 Ос-

² См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства». Ведомости Верховного Совета СССР, 1982, № 30, ст. 372.

³ Ременсон А. Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы. — В кн.: Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск.: Изд-во Томск. ун-та, 1976, с. 188.

нов). Если же условно осужденный был передан на исправление и перевоспитание, либо под наблюдение общественной организации или трудовому коллективу, то отмена условного осуждения возможна в случае, если осужденный не оправдал их доверия, нарушил обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление либо оставил трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия (ч. 4 ст. 38 Основ).

Полагаем, что данная законодательная новелла, повысив требования к поведению условно осужденных в период испытательного срока, оказала серьезное влияние на активизацию процесса их исправления и перевоспитания, предупреждения новых преступлений. Однако считать окончательно решенной данную проблему вряд ли возможно. Невозможно хотя бы потому, что законодатель, существенно усовершенствовав конструкцию института условного осуждения, все же оставил открытым вопрос о возможности и целесообразности возложения на осужденных дополнительных (специальных) обязанностей, которые бы могли сыграть значительную роль в деле перевоспитания виновных лиц.

3. Известно, что эта идея сама по себе не является новой в науке советского уголовного права. С подобными предложениями выступали многие советские ученые⁴. В то же время нельзя не заметить, что предлагаемый ими перечень обязанностей (предписаний) отличается известной пестротой и незавершенностью. Объяснить это положение можно скорее всего тем, что не все авторы стремились к тому, чтобы в завершенном виде такой перечень дать, поскольку прежде всего их интересовало решение вопроса более общего и принципиального характера — обосновать самую необходимость и возможность возложения специальных обязанностей на условно осужденных, с чем они, по нашему мнению, успешно справились.

Думается, что на сегодняшний день неотложная задача науки уголовного права состоит в том, чтобы определить этот перечень обязанностей и запретов. При этом решение данного вопроса должно основываться на научно обоснованных дан-

⁴ См., например: Дагель П. С. Принцип неотвратимости наказания. — Учен. зап. / Дальневосточный государственный университет, 1962, вып. 6, с. 193; Яковлев А. М. Предупреждение повторного совершения преступления условно осужденными и условно-досрочно освобожденными. — Советское государство и право, 1961, № 12, с. 105; Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970, с. 72 и др.

ных об особенностях личности условно осужденного, совершенном им преступлении, возможностях влияния микросреды и т. п. с тем, чтобы эти обязанности и запреты, как справедливо заметил А. Л. Ременсон, были дифференцированы в аспекте влияния их на правовой статус осужденных и одновременно чтобы была создана правовая основа для индивидуализации данных обязанностей и запретов⁵.

С этой точки зрения представляется оправданным выделение внутри перечня обязанностей, возлагаемых на условно осужденных, двух их разновидностей. Первую группу должны составить обязанности и запреты, обязательность выполнения которых должна лежать на всех условно осужденных без исключения. Вторую группу — обязанности и запреты, возложение которых должно быть правом суда.

В число обязанностей, входящих в первую группу, целесообразно прежде всего включить предписание осужденному не менять места работы и жительства без разрешения суда. Необходимость этого правила обуславливается целым рядом обстоятельств и в первую очередь тем, что существующее ныне положение дает возможность определенной части условно осужденных под различными предлогами уклониться от воспитательного воздействия коллектива трудящихся, где они жили и работали, и в конечном счете выйти из-под контроля органа внутренних дел. С этой точки зрения представляет интерес анализ ч. 3 и 4 ст. 38 Основ уголовного законодательства. Из текста изложенных в них норм нетрудно заметить, что требования к поведению условно осужденных, которые переданы судом на исправление и перевоспитание трудовому коллективу, несколько выше по сравнению с лицами, переданными на исправление коллективу трудящихся (или под наблюдение общественной организации). Во всяком случае, как явствует из текста закона в отношении первой категории осужденных (переданных на исправление), приговор об условном осуждении может быть отменен не только тогда, когда условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушает общественный порядок, но и тогда, когда он не оправдал доверие коллектива, «нарушил обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление либо оставил трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия». Такое положение вряд ли оправ-

⁵ Ременсон А. Л. Конституция СССР и некоторые вопросы исправительно-трудового права. — В кн.: Конституционные проблемы государства и права на современном этапе. Кемерово, 1979, с. 135.

дано. Полагаем, что и те лица, которые не были переданы на перевоспитание, но уклоняются от воспитательного воздействия коллектива, не могут считаться успешно выдержавшими испытательный срок и в отношении их также необходимо допустить возможность отмены условного осуждения и направления для отбывания наказания, назначенного приговором. С этой точки зрения возложение на условно осужденного обязанности не менять без разрешения суда места работы и жительства было бы вполне оправданным.

4. Считаем также, что судебная практика, материалы исследований последних лет дают основания для постановки вопроса о целесообразности дополнения института условного осуждения новой его разновидностью, которой были бы присущи и другие ограничительные элементы, рассчитанные на применение к лицам, более опасным с точки зрения совершения ими новых преступлений и иных правонарушений в течение испытательного срока. Думается, что к этой категории осужденных можно отнести, например, лиц, которые совершили преступления, относящиеся к числу тяжких, а также лиц, которые, хотя и совершили менее опасные преступления, но характеризуются не лучшим образом. В число таких ограничительных элементов полезно включить обязанность условно осужденного периодически являться на регистрацию в органы внутренних дел. При этом суду необходимо предоставить право при определенных условиях (нарушение общественного порядка, несоблюдение возложенных обязанностей и т. п.) выносить осужденному дополнительные ограничения в виде запрещения покидать жилище в установленное время, появляться в определенных местах. Как показал опыт применения институтов условного осуждения и освобождения с обязательным привлечением к труду, административного надзора, названные ограничительные элементы способны решать специально предупредительные задачи и оправдали себя на практике.

Думается, что совершенствование института условного осуждения в указанном направлении позволит суду не только более дифференцированно подходить к решению вопроса о его назначении, добиться большего эффекта в превентивном отношении, но и в известной мере расширить объем применения данного института в целом.

5. В отличие от первой группы вторая группа предписаний (не обязательных для всех условно осужденных) по своему диапазону может быть значительно шире, а по содержа-

нию возлагаемые обязанности должны быть рассчитаны на создание условий для проведения активной воспитательной работы с условно осужденными и обеспечения проведения в жизнь эффективных специально предупредительных мероприятий. С этой точки зрения в перечне таких обязанностей необходимо, например, предусмотреть предписания, направленные на нейтрализацию обстоятельств, в определенной мере обусловивших совершение преступления, заглаживание причиненного вреда и т. д. Как уже отмечалось в литературе, к их числу можно отнести следующие обязанности: поступить на работу, если лицо к моменту осуждения не работало; изменить место работы и в установленный срок поступить на другое предприятие, рекомендованное судом; пройти курс соответствующего лечения; возместить в установленный срок причиненный ущерб; принести извинения потерпевшему. Применительно к несовершеннолетним — приступить к работе или учебе, продолжить учебу. Перечень этих предписаний, как мы думаем, должен быть исчерпывающим и распространительно-му толкованию не подлежать.

Полагаем, что вполне оправданным является предложение А. Л. Ременсона о наделении суда правом при необходимости изменять эти предписания, равно как и подвергать условно осужденного специальным мерам судебно-административного наказания за нарушение возложенных обязанностей. Отмена условного осуждения должна следовать не только в случае нарушения лицом общественного порядка, но и в случае злостного невыполнения установленных правоограничений и специальных предписаний суда⁶.

Кроме того, было бы полезно в Основах исправительно-трудового законодательства закрепить порядок исполнения данного вида условного осуждения.

В заключение заметим, что мы не считаем предлагаемые варианты дальнейшего совершенствования классического вида условного осуждения абсолютно бесспорными. Однако решение наиболее общих и принципиальных вопросов этой проблемы в указанном направлении сомнений не вызывает, поскольку только оно может дать наибольшие гарантии в деле предупреждения совершения новых преступлений со стороны условно осужденных, улучшения всего процесса исправления и перевоспитания осужденных.

⁶ Ременсон А. Л. Пути дальнейшего сокращения применения лишения свободы. — В кн.: Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. Томск, 1976, с. 189.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И УСЛОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К ТРУДУ

Ю. А. БЕЛОБОРОДОВ

Развитие социалистических общественных отношений ведет к совершенствованию существующих и появлению новых правовых норм, регулирующих наиболее важные сферы этих отношений. К характерным проявлениям данной закономерности в области уголовного права можно отнести принятые недавно и закрепленные в ст.ст. 23² и 44² Основ уголовного законодательства Союза ССР и соответствующих статьях УК союзных республик условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Названные меры уголовно-правового воздействия играют важную роль в решении проблемы индивидуализации уголовной ответственности, дифференцированного подхода при назначении и исполнении наказания. Они способствуют выбору наиболее оптимального варианта применения мер уголовно-правового воздействия в деле достижения целей, стоящих перед наказанием.

Однако несовершенство законодательной техники, имеющее еще, к сожалению, место, в данном случае привело к тому, что в рамках действующего уголовно-правового законодательства решение вопроса о юридической природе условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду остается весьма проблематичным. Ученые-юристы дают совершенно неоднозначные ответы на поставленный вопрос. Отсутствие определенности в таком, безусловно, важном моменте в конечном счете ведет к снижению эффективности применения указанных норм права. Решение теоретических вопросов, связанных с условным осуждением и условным освобождением с обязательным привлечением осужденного к труду, также зависит от правильного определения правовой природы этих мер уголовно-правового воздействия.

Анализ содержания правовых норм, регулирующих условное осуждение к лишению свободы и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, приводит к выводу о наличии значительного сходства между ними. Остановимся лишь на наиболее характерных чертах этого сходства, имеющих принципиальное значение для решения поставленного вопроса.

В обоих рассматриваемых случаях лицам, привлеченным к уголовной ответственности за совершенное преступление, назначается наказание в виде лишения свободы. Таким образом, реальное осуждение виновного всегда соединено, во-первых, с назначением определенного вида наказания. Во-вторых, суд, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, степень общественной опасности личности преступника и ряд других обстоятельств, приходит к выводу о возможности условного освобождения лица от назначенного ему наказания в виде лишения свободы.

На наш взгляд, в рассматриваемых нормах права можно выделить два взаимосвязанных между собой аспекта условности. Один из них заключается в том, что осужденный освобождается от назначенного наказания условно, т. е. в любой момент в период обязательного привлечения к труду он может быть направлен в места лишения свободы. Основаниями вынесения судом такого решения являются как совершение нового преступления в процессе обязательного привлечения к труду, так и нарушение установленных законом правил поведения (систематическое или злостное нарушение правил трудовой дисциплины, общественного порядка или установленных правил проживания). Само освобождение от назначенного наказания является не окончательным и безусловным, а условным.

Второй аспект связан с пребыванием условно осужденных и условно освобожденных на стройках народного хозяйства. Заключается он в том, что названные категории лиц в процессе обязательного привлечения к труду обязаны добросовестным отношением к труду и примерным поведением оправдать оказанное им доверие. Другими словами, процесс исправления и перевоспитания должен быть продолжен и завершен на стройках и предприятиях народного хозяйства.

Наконец, третьей общей чертой исследуемых мер уголовно-правового воздействия является одинаковый порядок и условия исполнения условного осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду.

Наблюдаемое сходство основных принципиальных положений изучаемых норм права способствует, на наш взгляд, выбору верного подхода к определению их юридической природы. Более того, оно приводит к выводу об идентичности последней.

Однако между условным осуждением к лишению свободы и условным освобождением из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду есть и существенное различие, позволяющее говорить о них как о самостоятельных мерах уголовно-правового воздействия.

При применении ст. 23² Основ уголовного законодательства условное освобождение от назначенного наказания осуществляется сразу после вынесения обвинительного приговора. В данном случае, учитывая сравнительно небольшую степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, законодатель считает нецелесообразным реальное отбытие осужденным назначенного наказания в виде лишения свободы. И последний сразу привлекается к обязательному труду на предприятиях народного хозяйства без изоляции от общества, но в условиях осуществления надзора за его поведением. Условное освобождение от назначенного наказания в виде лишения свободы в соответствии со ст. 44² Основ уголовного законодательства возможно лишь по отбытии определенного срока в исправительно-трудовом учреждении, а также при условии, что в личности осужденного произойдут соответствующие изменения в сторону исправления. Предусмотренный порядок применения условного освобождения с обязательным привлечением к труду объясняется большей, чем в первом случае, степенью общественной опасности как преступления, так и личности преступника, его совершившего.

Прежде чем перейти к изложению позиции автора относительно проблемы правовой природы условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду, остановимся на основных положениях, высказанных рядом авторов по этому вопросу.

В юридической литературе к настоящему времени уже сложились два основных направления во взглядах на правовую природу исследуемых мер уголовно-правового воздействия.

Первая группа авторов, причем наиболее многочисленная, считает, что условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду по своей природе суть

уголовное наказание, самостоятельные его виды¹. Ряд исследователей, стоящих на этих позициях, предлагают объединить названные нормы права и установить новый вид наказания — «ограничение свободы» или «ограничение свободы с обязательным привлечением к труду»². Это, по их мнению, приведет к тому, что необходимость в ст. 44² Основ уголовного законодательства вообще отпадает.

Менее многочисленная группа авторов защищает точку зрения, в соответствии с которой условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду являются разновидностями освобождения от наказания. Так, например, Е. Фролов, В. Петрашев, Ю. Юшков в условном осуждении с обязательным привлечением к труду видят «разновидность освобождения от наказания аналогично ст. 44 УК РСФСР», а в условном освобождении согласно ст. 53² УК РСФСР — «вид частичного условного освобождения от наказания», аналогичный ст. 53 УК РСФСР³. М. И. Федоров считает условное освобождение разновидностью условно-досрочного освобождения⁴.

В последнее время появились работы ряда авторов, в которых вопрос о юридической природе исследуемых мер уголовно-правового воздействия рассматривается в несколько иной плоскости, чем это делалось раньше. Например, Н. А. Стручков считает их «особыми мерами реализации уголовной ответственности»⁵. Перспективный, на наш взгляд, подход к решению проблемы правовой природы условного освобождения с обязательным привлечением к труду содержится в работе А. С. Михлина и С. Б. Ромазина. Авторы

¹ См.: Ткачевский Ю. М. Обеспечение исполнения уголовного наказания. — Советское государство и право, 1982, № 2, с. 60—66; Виттенберг Г. Б. Совершенствование законодательства о наказании. — Советское государство и право, 1980, № 6, с. 72—79; Михлин А., Миклин С. Условное осуждение и условное освобождение. — Советская юстиция, 1973, № 11, с. 10—12; Белявская О. К. Условное освобождение из мест лишения свободы: Учебное пособие. Одесса: Изд-во Одесск. ун-та, 1979, 68 с.

² См.: Виттенберг Г. Б. Указ. раб., с. 73; Михлин А., Миклин С. Указ. раб., с. 12.

³ Правовые последствия совершения условно осужденными или условно освобожденными новых преступлений. — Социалистическая законность, 1980, № 5, с. 57.

⁴ Условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. — В кн.: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977, с. 449.

⁵ Исправительно-трудовое или уголовно-исполнительное право. — Советское государство и право, 1979, № 1, с. 69.

предлагают различать «два разных обстоятельства», присущих правовой природе этой меры уголовно-правового воздействия: во-первых, «переход осужденного из состояния лишения свободы в состояние... ограничения свободы с обязательным привлечением к труду, т. е. само освобождение», во-вторых, «длящийся период во время нахождения условно освобожденного на стройке». Этот период, по их мнению, является новым видом отбывания наказания — «обязательным привлечением к труду»⁶.

Как уже отмечалось, сложность определения правовой природы рассматриваемых норм уголовного права заключается в несовершенстве их законодательного закрепления. Одним из основных недостатков в этой области является неудачное юридическое выражение идеи, вкладываемой законодателем в содержание этих мер уголовно-правового воздействия. Условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду служат развитию одной из важных тенденций современного уголовного права, направленной на индивидуализацию уголовной ответственности. Законодатель, исходя из сложившейся уголовной политики в области назначения и исполнения наказания, учитывая потребность народного хозяйства страны в трудовых ресурсах, считая возможным и целесообразным освобождать (условно) определенные категории осужденных от назначенного наказания в виде лишения свободы. В зависимости от степени общественной опасности преступления и личности преступника такое условное освобождение возможно либо сразу по вынесению приговора (ст. 23² Основ), либо после отбытия установленной части срока в местах лишения свободы (ст. 44² Основ). Это освобождение сопровождается обязательным привлечением осужденного к труду на срок неотбытого наказания в виде лишения свободы. Применение названных мер уголовно-правового воздействия способствует более быстрому и эффективному завершению процесса исправления и перевоспитания осужденных, уже вставших на этот путь⁷, и адаптации их к новым условиям жизни. Становление на путь исправления является одним из основных уголовно-правовых критериев при решении вопроса о возможности условного

⁶ Условное освобождение с обязательным привлечением к труду. — Советское государство и право, 1979, № 11, с. 97—99.

⁷ Орехов В. В. Условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. — В кн.: Курс советского уголовного права. Л., 1981, т. 5, с. 580.

осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду лиц, совершивших преступления.

Нормы права, регулирующие порядок и условия обязательного привлечения условно осужденных и условно освобожденных к труду на стройках народного хозяйства на срок неотбытого наказания в виде лишения свободы, на наш взгляд, предусматривают не что иное, как новый самостоятельный вид наказания. Обоснование этой точки зрения будет дано ниже. Сейчас отметим лишь то, что это обстоятельство не нашло должного закрепления в законе.

Таким образом, напрашивается вывод, что нормы права, содержащиеся в ст.ст. 23² и 44² Основ уголовного законодательства, регулируют порядок замены одного вида наказания другим — более мягким — и раскрывают некоторые характерные черты нового наказания.

Следовательно, основной недостаток юридического выражения рассматриваемых мер уголовно-правового воздействия заключается в том, что в правовых нормах, регулирующих условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением осужденного к труду, четко не разграничиваются, с одной стороны, условное освобождение от наказания, с другой — новый вид уголовного наказания. Причем последний из названных правовых институтов не получил в законе должного юридического выражения. Бесспорно также и то, что каждый из них обладает самостоятельной юридической природой.

В действии норм, регулирующих условное осуждение к лишению свободы и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, можно выделить, как уже отмечалось, два в значительной степени самостоятельных момента. В первую очередь реализуется норма права, определяющая порядок и условия освобождения осужденных от наказания в виде лишения свободы. В ней предусматриваются основания применения указанной нормы к четко установленному кругу лиц, отвечающему выдвинутым законодателем требованиям. Эта норма права по сути дела образует один из самостоятельных институтов уголовного права, являющийся составной частью как условного осуждения с обязательным привлечением к труду, так и условного освобождения с обязательным привлечением к труду.

Для выяснения вопроса о правовой природе этого института прежде всего необходимо коснуться проблемы реали-

зации уголовной ответственности. Среди ученых нет единой точки зрения по вопросу об исходном моменте ее реализации. Верную, на наш взгляд, позицию занимают те авторы, которые считают таким моментом вступление в законную силу обвинительного приговора суда⁸. Тем более, что такое положение закреплено в ст. 160 Конституции СССР, устанавливающей общее правило, согласно которому лицо может быть признано виновным в совершении преступления, а также подвергнуто уголовному наказанию только по приговору суда. Таким образом, момент осуждения, т. е. признания лица виновным и назначения ему наказания, является общим для любого вида уголовной ответственности. В этом случае при условном осуждении к лишению свободы и условном освобождении из мест лишения свободы реально осужденное лицо освобождается от назначенного наказания.

Следовательно, правовая природа данного института, являющегося составной частью исследуемых мер уголовно-правового воздействия, состоит в освобождении виновного от наказания. Однако освобождение от наказания в этих случаях не является безусловным. Ибо совершение условно осужденным к лишению свободы и условно освобожденным нового преступления, а также нарушение ими в процессе обязательного привлечения к труду требований, установленных законодателем, ведет к реальному отбытию этими лицами назначенного наказания в виде лишения свободы. Поскольку нормы права, закрепленные в ст.ст. 24² и 53² УК РСФСР и регулирующие порядок условного освобождения, имеют, несмотря на значительное сходство, существенное различие (в первом случае осужденный условно освобождается от назначенного наказания в виде лишения свободы сразу после вынесения обвинительного приговора, во втором — после отбытия определенной части срока назначенного наказания), постольку их необходимо различать как два самостоятельных вида условного освобождения от исполнения лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Таким образом, условное осуждение к лишению свободы и условное освобождение от лишения свободы — это виды освобождения от наказания под определенным условием.

⁸ Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981, т. 1, с. 329; Ковалев М. И. Советское уголовное право. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971, вып. I, с. 122—123; Прохоров В. С. Развитие учения об уголовной ответственности.—В кн.: Курс советского уголовного права. Л., 1980, т. 5, с. 522.

В случае положительного решения вопроса об условном освобождении от назначенного наказания в виде лишения свободы условно осужденные и условно освобожденные в соответствии со ст.ст. 24² и 53² УК РСФСР направляются на стройки народного хозяйства, где осуществляется их обязательное привлечение к труду. Норма права, устанавливающая порядок и условия обязательного привлечения к труду, является составной частью совокупности норм, регулирующих как условное осуждение с обязательным привлечением к труду, так и условное освобождение с обязательным привлечением к труду. Заимствуя польскую терминологию, ряд наших ученых, признающих этот вид уголовно-правового воздействия на осужденных наказанием, называют его ограничением свободы⁹. Однако А. С. Михлин и С. Б. Ромазин считают, что сущность данного наказания заключается в обязательном привлечении к труду, именно поэтому они предлагают называть новый вид наказания обязательным привлечением к труду¹⁰. Более верной позиции в этом вопросе, на наш взгляд, придерживаются те авторы, которые считают, что само обязательное привлечение к труду является не наказанием, а мерой исправительно-трудового воздействия.

Согласившись с названием «ограничение свободы», следует однако отметить, что оно не совсем точно отражает суть дела. Происходит ограничение свободы не вообще. Осужденный ограничивается в реализации права на труд, которое в соответствии со ст. 40 Конституции СССР включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Ограничению свободы как уголовному наказанию присущи ограничения карательного характера, выражающиеся в том, что, во-первых, осужденный лишается возможности по своему усмотрению определять вид трудовой деятельности. Во-вторых, он лишается возможности по своему усмотрению выбирать место трудовой деятельности (город, село, поселок городского типа и т. п.). В-третьих, он лишается возможности выбирать предприятие как место работы. И, наконец, он должен подчиниться определенному порядку и условиям исполнения такой государственной меры принуждения, какой является обязательное привлечение к труду. Государственный

⁹ Белявская О. К. Указ раб., с. 29; Виттенберг Г. Б. Указ. раб., с. 73.

¹⁰ Михлин А., Миклин С. Указ. раб., с. 99.

характер этой меры принуждения сомнений не вызывает. Она назначается от имени государства специально уполномоченным на то государственным органом — судом. Обеспечение исполнения и надзор за правильным исполнением данной меры уголовно-правового воздействия поручен государственным органам, ведающим исполнением уголовных наказаний.

Следует также отметить, что требование соблюдения определенного порядка и условий исполнения этой меры государственного принуждения (возложение специфических обязанностей, наложение определенных запретов, меры поощрения и взыскания, основания и порядок возвращения в места лишения свободы и т. п.) представляет собой не что иное, как режим отбывания нового вида наказания.

Перечисленные выше карательные ограничения вытекают из анализа ст.ст. 24² и 53² УК РСФСР, а также ряда статей, входящих в раздел 2-А ИТК РСФСР. Условно осужденные и условно освобожденные с обязательным привлечением к труду согласно этим нормам права лишаются права на выбор места их трудовой деятельности, что обусловлено их привлечением к труду на строго определенных предприятиях, список которых установлен Советом Министров СССР. Невозможность выбора по своему желанию места трудовой деятельности приводит в данном случае к ограничению прав условно осужденных и освобожденных с обязательным привлечением к труду в выборе вида трудовой деятельности.

Говоря об ограничении свободы, сопутствующем обязательному привлечению к труду, как о новом виде наказания, необходимо указать на то, как оно осуществляет стоящие перед ним задачи.

Цель общего предупреждения заключается в устрашении лиц, склонных к совершению преступлений, путем обеспечения неотвратимости наступления уголовной ответственности за совершение уголовно наказуемого деяния. Непосредственно в процессе обязательного привлечения к труду такое устрашающее воздействие оказывают те карательные ограничения, о которых уже упоминалось выше. Не последнюю роль в этом играет режим отбывания ограничения свободы.

При этом следует иметь в виду, что решение задач, поставленных перед уголовным наказанием, при применении условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду носит сложный, комплексный характер. Общепреventивное воздей-

ствие оказывают не только правоограничения карательного характера, присущие новому виду наказания — «ограничению свободы», но и реальное осуждение к лишению свободы, а при условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду еще и исполнением части назначенного судом срока лишения свободы.

Цель частного предупреждения, т. е. цель предупреждения со стороны осужденного нового преступления, при ограничении свободы достигается установлением за условно осужденными и условно освобожденными с обязательным привлечением к труду надзора со стороны органов внутренних дел. Действенность такого надзора обеспечивается установленным режимом отбывания наказания в виде ограничения свободы, а также угрозой серьезными санкциями (вплоть до отмены условного освобождения и направления нарушителя в места лишения свободы) за нарушение этого режима.

Основным средством исправительно-трудового воздействия в плане достижения цели исправления и перевоспитания осужденных при ограничении свободы является их обязательное привлечение к труду без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ними надзора. Руководство процессом исправления возложено как на государственные органы в лице спецкомендатур и администрации предприятий, на которых работают условно осужденные, так и на общественные организации этих предприятий.

Определяя место нового вида наказания в системе действующих уголовных наказаний, невозможно обойти стороной вопрос о соотношении ограничения свободы с другими видами наказания.

Такой вид наказания, как лишение свободы, безусловно, более суров, чем исследуемый нами. Основное отличие его от ограничения свободы, как впрочем и от других видов наказания, заключается в том, что при лишении свободы осужденные изолируются от общества. Они содержатся в специальных учреждениях — колониях или тюрьмах — под охраной воинских подразделений. Возможность поддержания ими контактов с внешним миром сведена к минимуму. Режим отбывания лишения свободы гораздо строже, чем режим отбывания ограничения свободы. Однако следует отметить, что режим содержания осужденных в колониях-поселениях имеет сходные черты с режимом отбывания ограничения свободы. Именно поэтому, на наш взгляд, законодатель считает нецелесообразным применять условное освобождение с обязательным привлечением

ем к труду к лицам, содержащимся в колониях-поселениях обоих видов. Тем не менее отбывание лишения свободы в колониях-поселениях, как показывает анализ содержания этих институтов, представляет собой более строгое наказание, чем ограничение свободы. Это объясняется, во-первых, большим количеством правоограничений, возлагаемых на осужденных в колониях-поселениях, во-вторых, большей степенью их тяжести.

Анализ правоограничений, возлагаемых на лиц при ссылке и высылке, а также при ограничении свободы, позволяет считать последний вид наказания более строгим. Так, осужденные к ссылке самостоятельно избирают место и вид работы: они могут самостоятельно избирать место жительства (ссылка в пределах административного района, определенного для проживания). Ссылка и высланные могут самостоятельно изменять как место работы, так и место жительства. Наконец, за уклонение от общественно полезного труда они несут ответственность на общих основаниях. Как известно, лица, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, подобных возможностей лишены. Хотя место проживания до совершения преступления и место отбывания наказания у последних может совпасть.

Сопоставляя ограничение свободы и исправительные работы без лишения свободы, необходимо отметить, что лица, осужденные к последнему виду наказания, либо вообще не меняют место и вид своей работы, которой они занимались до назначения наказания, что наиболее распространено, либо меняют, но обязательно в пределах своего постоянного места жительства. Срок исправительных работ в законе ограничен двумя годами, в то время как срок ограничения свободы, исходя из действующего законодательства, может достигать, по крайней мере, пяти лет. Кроме того, при исправительных работах производится удержание части заработка осужденного в доход государства.

Сказанное позволяет сделать вывод, что место ограничения свободы в системе уголовных наказаний находится между лишением свободы, с одной стороны, и ссылкой, высылкой и исправительными работами — с другой.

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, считать правоограничения, соединенные с обязательным привлечением к труду, самостоятельным видом уголовного наказания — ограничением свободы. Это, однако, ни в коей мере не означает, что необходимость совершенствования как самого нового вида наказания, так и его законодательного закрепления

отпадает. Более того, для придания самостоятельного характера этому виду наказания необходимо предусмотреть возможность его применения вне рамок институтов условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду. Реализация этой возможности привела бы к тому, что ограничение свободы, являясь промежуточным звеном между лишением свободы и наказаниями, не связанными с лишением свободы, существенно сузило бы сферу применения первого вида наказания в практике борьбы с преступностью¹¹. Это было бы еще одним шагом по пути решения задачи дальнейшей замены «лишения свободы наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества»¹².

Подводя итог всему вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что условному осуждению к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условному освобождению из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду присуща двойственная юридическая природа, делающая их специфическими мерами уголовно-правового воздействия на виновных. Специфика их заключается, во-первых, в том, что они регулируют порядок и условия замены назначенного наказания — лишения свободы другим, более мягким, наказанием — ограничением свободы, во-вторых — в условном характере такой замены.

Показав суть изучаемых мер уголовно-правового воздействия, заключающуюся в условной замене наказания более мягким, необходимо провести разграничение этого вида замены с заменой наказания более мягким, предусмотренной ст. 44 Основ уголовного законодательства. Основные различия между этими нормами права заключаются в следующем: во-первых, в отличии от замены наказания более мягким, предусмотренной в ст. 44 Основ, рассматриваемый нами вид замены наказания носит условный характер; во-вторых, в рассматриваемом нами случае лишение свободы заменяется строго определенным наказанием — ограничением свободы; в-третьих, различны уголовно-правовые основания замены, предусмотренной нормами права, закрепленными в ст.ст. 23² и 44² Основ и в ст. 44 Основ.

¹¹ Виттенберг Г. Б. Указ. раб., с. 73—74.

¹² Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе.— Советское государство и право, 1978, № 12, с. 13.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПОВТОРНОСТИ И НЕОДНОКРАТНОСТИ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. С. ФРОЛОВ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» Особенная часть уголовного законодательства пополнилась двумя новыми статьями — 156² «Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения» и 156³ «Нарушение правил торговли».

В ч. 2 ст. 156² УК РСФСР в качестве одного из квалифицирующих признаков преступления предусмотрена неоднократность его совершения, а в ч. 2 ст. 156³ УК РСФСР — повторность.

Наличие очевидного сходства терминов «неоднократность» и «повторность» уже давно вызывает разногласия при их разграничении и отрицательно сказывается при решении вопросов квалификации преступных деяний. Использование в тексте одного Указа обоих этих терминов наводит на мысль о том, что определяемые ими уголовно-правовые понятия при допущении известного сходства не могут полностью совпадать. Однако в чем же их различие? Каково соотношение между понятиями «неоднократность» и «повторность»?

В уголовном законодательстве и раньше при оценке квалифицирующих признаков совершения ряда преступлений использовался наряду с термином «повторность» (например, в ст.ст. 89—93, 144—147 УК РСФСР) термин «неоднократность» (ст.ст. 116, 173, 174, 174¹ УК РСФСР). Неоднократность упоминается также для характеристики объективной стороны некоторых преступлений, образующихся из нескольких тождественных проступков.

В обычном словоупотреблении, по нашему мнению, совершение чего-либо хотя бы два раза может быть определено словами и «повторно», и «неоднократно». Различие мож-

но заметить лишь в акцентах¹. В слове «неоднократно» содержится оттенок, усиливающий впечатление о том, что совершено это не один раз, а в слове «повторно» акцент делается на том, что совершено что-либо уже второй раз. Однако для целей уголовно-правового регулирования вряд ли такие оттенки могут иметь какое-либо значение.

В юридической литературе соотношение терминов повторности и неоднократности истолковываются противоречиво. Существуют разногласия в оценке количества преступлений, достаточных для признания неоднократности. Нет единства в вопросе о том, охватывается ли понятием неоднократности специальный рецидив.

И. И. Горелик пишет: «Сказать, что неоднократность — синоним повторности, значит прийти к выводу о несоблюдении законодателем элементарного правила законодательной техники»². По его мнению, «логичным может быть только один вывод: если повторность означает совершение преступления во второй раз, то неоднократным является преступление, совершаемое в третий раз»³.

В рассуждениях И. И. Горелика допущена неточность. В советской юридической литературе никто не выступал за признание неоднократности и повторности синонимами.

Общепринятым в теории уголовного права является положение, согласно которому неоднократность создается лишь тождественными преступлениями, тогда как повторность в предусмотренных законом случаях могут образовать и однородные преступления. Что касается «логичности» вывода о признании неоднократности лишь в случаях совершения как минимум трех преступлений, то в этом можно усомниться. Отрицание тождественности рассматриваемых понятий не должно (в рамках действующего уголовного законодательства) вести к их противопоставлению. Ни закон, ни сложившаяся судебная практика не дают никаких оснований для этого.

¹ По мнению Б. А. Куринова, законодатель использует термин «неоднократность» для того, чтобы подчеркнуть особую злостность преступной деятельности виновного». (Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976, с. 166). Если иметь в виду, что «особая злостность» в таких случаях означает совершение тождественного преступления не в первый раз, то, очевидно, такое же объяснение может быть дано и использованию признака повторности.

² Горелик И. И. Правовая оценка повторного преступления. — В кн.: Вопросы государства и права. — Тр. Белорус. ун-та. Минск, 1969, с. 177.

³ Там же. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы. См., например: Кригер Г. А. Советское уголовное право. Часть Особенная. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 139.

Предложения отличать повторность от неоднократности в количественном отношении и признавать преступления неоднократными лишь при совершении их в третий раз, возможно, объясняются именно таким пониманием рассматриваемых терминов по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. Так в п. «б» ст. 162 этого кодекса предусматривалась ответственность за повторную кражу, а в п. «в» той же статьи — за кражу неоднократную. Под неоднократностью кражи понималось совершение преступления не менее чем в третий раз и объяснялось это задачами борьбы с профессиональной преступностью.

«Совершение двух краж еще не свидетельствует о том, что виновный стал профессиональным преступником...»⁴, — писалось в одном из выпусков учебника по уголовному праву 1938 г. издания. Если же виновный совершил кражу не менее чем в третий раз, то это «может быть уже достаточно серьезным признаком того, что виновный профессионально занимается преступным приобретением имущества...»⁵.

Действующее уголовное законодательство не допускает использования терминов «повторность» и «неоднократность» для характеристики преступлений одного и того же вида. Вместе с ликвидацией профессиональной преступности как актуальной социальной проблемы в уголовном законодательстве произошло сближение понятий повторности и неоднократности.

При выяснении содержания рассматриваемых терминов следует учитывать, с одной стороны, наличие уголовно-правовых норм, допускающих признание повторности при совершении только тождественных преступлений (например, в ст.ст. 158, 163, 212¹, 218¹ УК РСФСР). А с другой стороны — норм, в которых повторность может быть образована и тождественными преступлениями, и однородными.

Так, согласно примечанию к ст. 89 УК РСФСР, кража государственного имущества, совершенная, например, после разбойного нападения с целью завладения личным имуществом граждан, рассматривается как кража, совершенная повторно.

В отличие от термина «повторность» — «неоднократность» характеризует лишь тождественные преступления⁶. Напри-

⁴ Исаев М. М. Уголовное право. Особенная часть. Имущественные преступления. М., 1938, с. 35.

⁵ Там же.

⁶ Б. А. Куринов полагает, что неоднократность могут создавать как тождественные, так и просто однородные преступления. (См.: Кури-

мер, незаконное производство аборта два и более раз (ч. 3 ст. 116 УК РСФСР), получение взятки такое же количество раз (ч. 2 ст. 173 УК РСФСР) и т. д. Следовательно, в рамках тождественных преступлений термины «повторность» и «неоднократность» означают одно и то же.

В стремлении обнаружить различие между рассматриваемыми нами терминами некоторые авторы обратились к выяснению значения факта судимости за первое преступление для признания повторности и неоднократности.

Если в отношении признака повторности в отдельных случаях имеется прямое указание закона, признающего преступление повторным и в тех случаях, когда за первое преступление виновный был осужден и судимость не снята и не погашена (см., например, примечание к ст. 89 УК РСФСР), то по признаку неоднократности аналогичных указаний в законе нет. Отсюда ряд авторов делают вывод, что понятие «неоднократности» можно сформулировать как повторение указанных в законе тождественных преступлений... ни за одно из которых лицо еще не было наказано и отвечает за всю совокупность правонарушений при условии, если не истекли установленные сроки уголовного... преследования»⁷.

В учебнике «Советское уголовное право. Общая часть», изданном в 1981 г., утверждается: «Понятием неоднократности охватываются случаи совершения виновным двух или более одинаковых преступлений, за которые он еще не подвергался осуждению»⁸.

Думается, что отсутствие в уголовном законе указаний на возможность признания неоднократности при рецидиве еще не служит доказательством правильности изложенной позиции. Во-первых, для оценки повторности, включающей и рецидив, законодатель прибегает лишь в случаях установления уголовной ответственности за однородную повторность. В нормах, предусматривающих ответственность только за специальную повторность, указаний на рецидив не содержится.

нов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976, с. 166). Никаких доказательств, к сожалению, автором не дано, а в приведенном им примерном перечне преступлений, характеризующихся признаком неоднократности, нет ни одного, где бы этот признак определял не только тождественные преступления, но и однородные.

⁷ Святохин П., Жгутов В. К понятиям о повторности и неоднократности преступлений.— Советская юстиция, 1971, № 21, с. 19; См. также: Малков В. П. Повторность преступлений. Казань, 1970, с. 105.

⁸ Леонтьев Б. М. Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1981, с. 291.

Из этого, однако, не делается вывода о неприемлемости квалификации по признаку повторности (специальной) при наличии рецидива. Во-вторых, особо оговаривая порядок квалификации по признаку повторности, законодатель перечисляет не только случаи однородной повторности, но и специальной. Таким образом, имеется прямое указание закона о необходимости учитывать при квалификации по указанному признаку не только повторение тождественных преступлений, но и их специальный рецидив.

Некоторые авторы пытаются обосновать противоположную точку зрения по рассматриваемому вопросу ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» и ранее действовавшее постановление по этому же вопросу от 31 июля 1962 г. Известно, что в этих постановлениях содержится указание как на обязательное условие признания неоднократности получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве на истечение предусмотренных законом сроков давности уголовного преследования.

Из того, что Пленум Верховного Суда СССР в этих постановлениях не упоминает о давности погашения судимости или снятия ее, а указывает лишь на сроки давности уголовного преследования, делается вывод, что понятием неоднократности не охватывается рецидив⁹. Обращает на себя внимание нелогичность приведенной аргументации. Перед Пленумом Верховного Суда СССР стояла задача разъяснить примененный в законе термин неоднократности получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве. И он сделал это с учетом содержащихся в законе признаков судимости за указанные преступления. Упоминание о рецидиве при разъяснении неоднократности было бы излишним, так как понятием взяточничества охватываются все преступления, предусмотренные ст.ст. 173, 174 и 174¹ УК РСФСР, и судимость за любое из них создает рецидив, признаваемый квалифицирующим признаком во всех указанных статьях о взяточничестве.

Анализ действующего уголовного законодательства, а также руководящих разъяснений Пленумов Верховного суда РСФСР показывает, что нет никаких препятствий для отнесения специального рецидива к одной из возможных форм неоднократности совершения преступления. Судимость не мо-

⁹ Святохин П., Жгутов В. К понятиям о повторности и неоднократности преступлений.— Советская юстиция, 1971, № 21, с. 19.

жет учитываться при установлении признака неоднократности лишь в случаях, когда последняя создается за счет сочетания тождественных проступков, которые только в совокупности образуют преступление.

Представляется, что есть основания прийти к выводу о возможности создания признака неоднократности совершения преступления за счет специального рецидива. Такое решение вопроса в теории уголовного права не противоречит действующему уголовному законодательству и отвечает задачам борьбы с неоднократными совершениями преступлений. Нуждам правоприменительной практики отвечало бы соответствующее разъяснение рассматриваемого вопроса Пленумом Верховного Суда СССР. Оно устранило бы имеющиеся в юридической литературе разногласия и способствовало установлению правильного единообразного применения закона о неоднократных преступлениях.

Существенную помощь в создании правильного единообразного представления по вопросу о соотношении понятий совокупность и неоднократность совершения преступления может оказать постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 г. «О порядке применения ст. 156² Уголовного кодекса РСФСР»¹⁰. В ст. 4 постановления указано: «Под неоднократным получением незаконного вознаграждения следует понимать совершение этих действий не менее двух раз, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо одновременное получение незаконного вознаграждения от двух и более граждан, либо получение незаконного вознаграждения лицом, которое ранее было судимо за аналогичное преступление и судимость с которого не снята и не погашена в установленном законом порядке».

Несмотря на то, что в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР дается толкование признака неоднократности совершения преступления лишь применительно к ч. 2 ст. 156² УК РСФСР, думается, есть все основания аналогично оценивать неоднократность и при совершении всех иных преступлений с рассматриваемым квалифицирующим признаком.

При таком допущении неоднократность и специальная повторность — понятия полностью совпадающие, а от однород-

¹⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1981, № 38, ст. 1305.

ной повторности неоднократность отличает лишь тождественность совершенных преступлений.

По нашему мнению, ввиду отсутствия каких-либо различий между понятиями повторности тождественных преступлений и неоднократности преступлений использование в уголовном законодательстве термина «неоднократность» для характеристики нескольких преступлений нецелесообразно.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕВМЕНЯЕМОГО И ЕЕ КРИТЕРИИ

Р. И. МИХЕЕВ

Общественная опасность является одной из социально-правовых и фактических характеристик личности невменяемого. Это положение не вызывало возражений и сомнений. В последние годы, однако, стали все чаще высказываться суждения, согласно которым об общественной опасности личности невменяемого говорить нельзя. Аргументируется это тем, что якобы только при наличии вины правомерно говорить об общественной опасности лица, а в невиновном причинении вреда «находить» ее нельзя. Основной довод при отрицании общественной опасности личности невменяемого сводится, следовательно, к тому, что об общественной опасности лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, можно говорить только при наличии его вины в содеянном. С такими суждениями согласиться нельзя. Взгляд, отрицающий общественную опасность невменяемого, основывается, по нашему мнению, на абстрактном понимании этой категории, на отрыве ее от социальных процессов и общественных отношений, от личности невменяемого как участника и субъекта общественных отношений.

Вопрос об общественной опасности личности невменяемого можно правильно решить только с марксистско-ленинских методологических позиций: рассматривая невменяемого как личность (хотя и «дезорганизованную»), как «совокупность общественных отношений» и как субъекта общественных отношений, в частности, субъекта уголовно-правовых отношений. Исходным методологическим положением при решении проблемы личности невменяемого и ее общественной опасности, проблемы невменяемого как субъекта уголовно-правовых отношений, является известное указание В. И. Ленина о том, что «социолог-материалист, делающий предметом своего

изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»¹.

Общественная опасность личности невменяемого представляет собой объективную реальность, а не оценочную категорию. Объективный характер общественной опасности невменяемого обусловлен не только характером, тяжестью вреда, который им причиняется или может быть причинен социалистическим общественным отношениям и интересам советских людей, но и типом психического заболевания, также определяющим общественную опасность данного лица. Объективная общественная опасность личности невменяемого коренится, следовательно, и в нем самом, вследствие его болезни или болезненного состояния.

Общественная опасность является фактической характеристикой невменяемого потому, что этим качеством обладают не только преступники, но и вообще все люди, причиняющие или способные причинить вред обществу, его интересам и интересам других членов общества. Общественная опасность является и социально-правовой характеристикой невменяемого, поскольку состояние психического здоровья лица, вызвавшее его невменяемость, изменяет правовой статус личности и порождает определенные специфические социальные и юридические последствия. Она заключается в способности невменяемого совершить новое общественно опасное деяние. Это обуславливает применение к нему специфического уголовно-правового принуждения — принудительных мер медицинского характера. Цель их — нейтрализовать, снять общественную опасность личности невменяемого и исключить с его стороны возможность совершения повторных общественно опасных действий. Представляется, что именно из такого понимания общественной опасности исходит законодатель и судебная практика.

Так, в ч. 3 ст. 59 УК РСФСР предусматривается, что невменяемые, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими общественно опасного деяния. В п. 7 Инструкции от 14 февраля 1967 г. «О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении больных, совершивших общественно опасные деяния» также предусматрива-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

ется, что «больные, поступающие на принудительное лечение, размещаются администрацией больницы в лечебных отделениях соответственно с их психическим состоянием и соблюдением условий, предупреждающих возможность со стороны психически больных побегов и других эксцессов»².

Аналогичная позиция высказана и Верховным Судом СССР по делу Степанова. Верховный Суд СССР указал по данному делу, что «применение предусмотренных законом мер медицинского характера допустимо лишь в тех случаях, когда данное лицо вследствие его болезни становится общественно опасным, либо потому, что в болезненном состоянии оно способно совершить общественно опасные действия, либо потому, что как носитель болезни представляет собой непосредственную опасность для общества»³.

Критерием отграничения невменяемого от преступника является наличие у невменяемого психического заболевания или болезненного состояния такого характера и степени, которое лишает его способности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими. Отсутствие данной способности исключает вину в действиях невменяемого и его ответственность за содеянное. Но отсутствие вины в общественно опасных действиях невменяемого вовсе не исключает общественной опасности невменяемого.

Разумеется, характер общественной опасности невменяемого и характер общественной опасности личности преступника различны. Общественная опасность личности преступника определяется его сознательным отрицательным отношением к интересам социалистического общества, иначе, его социально-психологическими антиобщественными установками и дефектами правового сознания. Общественная опасность невменяемого обуславливается не только характером совершенного им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, но и клинической формой психического заболевания, динамикой болезненных процессов, этапом их формирования, прогнозом течения и исхода, иначе, его «психопатологическими установками», а в ряде случаев и анти-социальными установками, выработанными у данного лица до его психического заболевания. Специальные исследования,

² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 4, с. 37.

³ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР 1943 г. М., 1944, с. 81.

проведенные в Институте им. проф. В. П. Сербского в последние годы, свидетельствуют о том, что нередко «криминальные стереотипы», «антисоциальные тенденции», или, что одно и то же, «антисоциальные установки», имевшиеся у лица до психического заболевания, сказываются, особенно в периоды ремиссий, в совершении повторных общественно опасных действий. Об этом же свидетельствуют и материалы судебной и экспертной практики.

Так, П. ранее 7 раз привлекался к уголовной ответственности: в 1954 г. по Указу от 4 июня 1947 г. осужден к 10 годам лишения свободы; в 1958 г.— по тому же Указу осужден вновь к 10 годам лишения свободы; в 1959 г. осужден по Указу от 4 января 1949 г. к 15 годам лишения свободы. Затем в 1970 г. и в 1971 г. дважды привлекался к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, а в 1974 г. был привлечен к ответственности по ст. 194 УК РСФСР. В трех последних случаях дела в отношении П. прекращены в соответствии со ст. 11 Основ, так как П. судом признавался невменяемым. В 7-й раз привлечен к уголовной ответственности в 1976 г. по ч. 2 ст. 144, ч. 3 ст. 195, ч. 1 ст. 196 и ч. 1 ст. 224 УК РСФСР. Дело судом прекращено в соответствии со ст. 11 Основ. Судом П. признан невменяемым, так как во время совершения общественно опасных действий П. страдал хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении⁴.

В данном случае явно прослеживается не только взаимосвязь «психопатологической установки» невменяемого со стойкой антиобщественной установкой, выработанной у П. до начала психического заболевания, но и преобладающей роли последней, хотя она и проявляется у П. на бессознательном уровне при совершении им общественно опасных действий. Особая общественная опасность П. не вызывает, на наш взгляд, сомнений. И суд правильно поступил, назначив П. принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа.

Общественная опасность личности невменяемого может рассматриваться в уголовном праве в отрыве, например, от характера совершенного им общественно опасного деяния, чего, разумеется, не может быть при виновном причинении вреда, т. е. при совершении преступления.

Так, после совершения общественно опасного деяния общественная опасность невменяемого может резко измениться:

⁴ Архив Фрунзенского районного народного суда г. Владивостока, 1976 г.

отпасть либо резко возрасти. В последнем случае вопрос о применении и характере принудительного лечения будет решаться судом в зависимости от состояния психического здоровья данного лица во время рассмотрения дела, а не применительно ко времени совершения им общественно опасного деяния. В этом одна из особенностей общественной опасности личности невменяемого, ее изменчивый, динамический характер. Учитывая эту особенность, законодатель предусматривает возможность изменения или отмены судом принудительной меры медицинского характера в отношении невменяемого, а также возможность установления над ним по решению суда соответствующего медицинского контроля в целях предупреждения с его стороны новых общественно опасных действий.

Таким образом, общественная опасность невменяемого есть объективная реальность с конкретным содержанием, имеющая серьезное уголовно-правовое значение. Она является критерием для решения целого ряда вопросов уголовного материального и процессуального права.

Характер и степень — основные характеристики общественной опасности. Именно по характеру (качественная характеристика общественной опасности) и ее степени (количественная характеристика) отличаются различные категории невменяемых.

Характер общественной опасности невменяемого определяется характером причиненного невменяемым вреда и его способностью причинить новый вред социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным правом; зависит от клинической формы психического заболевания, стадии ее развития, глубины и стойкости психопатологических нарушений, характера изменения структуры личности, содержания «психопатологических установок», характера социально-психологических установок личности субъекта, выработанных до его заболевания, а также от конкретной реально-бытовой ситуации, в которой находится данный невменяемый.

Степень общественной опасности личности невменяемого определяется: во-первых, психическим состоянием здоровья его в данное время; во-вторых, характером совершенного им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; в-третьих, реальной возможностью вновь совершить общественно опасное деяние, т. е. способностью данного невменяемого к рецидиву общественно опасных действий. Сте-

пень общественной опасности является классификационным критерием, положенным законодателем в основу выделения им различных категорий невменяемых, а также в основу дифференциации принудительных мер медицинского характера, применяемых к ним.

В зависимости от степени общественной опасности законодатель выделяет три категории невменяемых: а) особо опасных для общества — ч. 2 ст. 59 УК РСФСР; б) опасных для общества — ст. 58 и ч. 1 ст. 59 УК РСФСР и в) не представляющих опасности для общества — ст. 58, 60 УК РСФСР, п. 1 ч. 1 и ч. 4 ст. 406, ч. 1 ст. 412 УПК РСФСР. В соответствии с данной законодательной классификацией невменяемых уголовным законом предусматриваются и соответствующие правовые последствия дифференцированно для каждой из категорий невменяемых.

Так особо опасные для общества невменяемые помещаются в психиатрические больницы специального типа. Уголовный закон предусматривает, что помещение невменяемого в больницу данного типа может быть назначено судом тогда, когда он по своему психическому состоянию здоровья и характеру совершенного им общественно опасного деяния представляет особую опасность для общества (ч. 2 ст. 59 УК РСФСР). Опасные для общества невменяемые помещаются в психиатрические больницы общего типа (ст. 58 и ч. 1 ст. 59 УК РСФСР). К невменяемым, не представляющим опасности для общества, принудительные меры медицинского характера не применяются. Однако суд вправе своим определением передать такое лицо на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении за ним (ст. 60 УК РСФСР, ст. 406 и 412 УПК РСФСР). Поэтому следует признать ошибочным и противоречащим закону утверждение, согласно которому законодатель выделяет якобы лишь две категории невменяемых в зависимости от степени их общественной опасности: представляющих особую опасность для общества и не представляющих особой общественной опасности.

Понятия «личность невменяемого», «общественная опасность личности невменяемого», «характер» и «степень общественной опасности личности невменяемого» известны судебной практике и она ими широко пользуется. Характер и степень общественной опасности лежат в основе индивидуализации судом принудительных мер медицинского характера, применяемых к невменяемым. При этом в судебной практике

наблюдается тенденция четко устанавливать характер и степень общественной опасности невменяемого при решении вопроса о применении к нему принудительного лечения и выборе характера такого лечения.

Анализ значительного числа дел об общественно опасных деяниях невменяемых, рассмотренных судами Приморского края за последние годы, показал, что суды при разрешении дел данной категории практически всегда специально обсуждают вопрос о характере и степени общественной опасности личности невменяемого при применении принудительных мер медицинского характера к нему, хотя не всегда отражают достаточно четко свои выводы об этом в определениях. По нашим данным, лишь в половине определений судов имелось специальное указание на «общественную опасность личности невменяемого», ее характер и степень. Так, в 12% определений судов имелось указание на «особую» (повышенную, большую, значительную, известную) общественную опасность личности невменяемого. В 34% определений суды указали в определениях на «общественную опасность личности невменяемого», а в 3% признали, что «невменяемый общественной опасности не представляет». Вместе с тем, хотя в 51% определений не содержалось специального указания на общественную опасность невменяемого в смысле употребления самого термина, она имелась судами в виду в большинстве случаев. Более чем в $\frac{1}{4}$ определений судов содержалась ссылка: на «личность невменяемого», «возможность совершения невменяемым общественно опасных действий в будущем», «агрессивность поведения невменяемого», «состояние здоровья невменяемого» и т. п. Таким образом, в $\frac{3}{4}$ определений судов выводы судов об общественной опасности невменяемого базировались на анализе совокупности обстоятельств, характеризующих личность невменяемого, характер совершенных им общественно опасных действий и ситуацию их совершения. В то же время в $\frac{1}{4}$ определений судов вывод об общественной опасности личности невменяемого обосновывался «тяжестью» или «характером» совершенных невменяемыми общественно опасных действий.

Результаты наших исследований не подтверждают высказанного на страницах юридической печати суждения о том, что степень общественной опасности невменяемого не обсуждается в суде. Нельзя согласиться и с предложением о том, что вопрос о характере и степени общественной опасности невменяемого должен решаться не только судом, но и стать

предметом судебно-психиатрической экспертизы⁵. Вопрос об общественной опасности невменяемого — это правовой вопрос. Он должен решаться только судом. Вывод суда о характере и степени общественной опасности невменяемого должен быть отражен в определении суда по каждому уголовному делу. Рекомендации экспертов в этой части не обязательны для суда. Принципиальная позиция по этому вопросу высказана Верховным судом РСФСР по делу Скоморохова. В определении от 17 августа 1976 г. по данному делу Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР указала, что суд при применении принудительных мер медицинского характера к лицу, признанному невменяемым, назначает тип больницы, руководствуясь требованиями ст. 59 УК РСФСР; рекомендации экспертов в этой части не обязательны для суда⁶.

Как показал анализ опубликованной судебной практики Верховных Судов СССР и РСФСР за 40 лет и неопубликованной местной судебной практики, суды в целом правильно решают вопрос о принудительном лечении невменяемых, определяя тот или иной вид принудительного лечения в зависимости от характера и степени общественной опасности невменяемого. Однако в ряде случаев из определения суда трудно понять, почему суд назначил тот или иной вид принудительного лечения невменяемому. Так, по делу З-н, привлеченной к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, суд установил, что «она неоднократно помещалась в психиатрическую больницу по поводу хронического душевного заболевания в форме сифилиса головного мозга с шизофреноподобной картиной». Признав ее невменяемой, суд назначил ей принудительное лечение в больнице общего типа⁷. Напротив, по делу Г-на, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, суд установил, что он страдает шизофренией в непрерывно-текущей форме с параноидным синдромом в стадии обострения. Однако, признав его невменяемым, согласился с экспертами и назначил ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа⁸.

Представляется, что принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа суд должен назначать все

⁵ Социалистическая законность, 1970, № 3, с. 43—44.

⁶ Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1977, № 1, с. 10.

⁷ Архив Магаданского городского народного суда, 1974 г.

⁸ Архив Магаданского городского народного суда, 1975 г.

же в случаях совершения психически больным лицом, признанным невменяемым, более опасного деяния, нежели предусмотренное ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. Например, при уничтожении имущества общественным способом, уничтожении или повреждении путей сообщения, средств связи и сигнализации, лишении жизни, причинении тяжких телесных повреждений, деяний, совершаемых на сексуальной почве, и т. п. Поэтому правильно поступают те суды, которые, не связывая себя рекомендациями экспертов, вопрос об общественной опасности невменяемого и характере его принудительного лечения решают дифференцированно, исходя из совокупности всех обстоятельств дела, характеризующих совершенное деяние, личность невменяемого и ситуацию.

В качестве примера можно сослаться на определение одного из судов, в котором он указал следующее. «Действия С. содержат объективные признаки общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 144, ст. 15 и п. «з», «е» и «в» ст. 102 и ст. 247 УК РСФСР. Совершение их именно С. подтверждаются исследованными в суде доказательствами. Эксперты пришли к выводу, что С. страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении. Во время совершения общественно опасных действий С. не мог отдавать себе отчета в своих действиях и руководить ими. Эту часть заключения суд считает правильной, поскольку она дана на основе объективных данных медицинского исследования состояния здоровья С. и научно обоснована. Поэтому суд считает С. невменяемым. В связи с этим в соответствии с ч. 1 ст. 11 Основ С. не подлежит уголовной ответственности, но подлежит принудительному лечению. Однако по заключению тех же экспертов С. нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа. Эта часть заключения экспертов, по мнению суда, является неправильной. Из трех совершенных С. деяний два законом отнесены к тяжким преступлениям. Поскольку психическое заболевание С. носит хронический характер, а содеянное им представляет повышенную опасность для общества, суд считает необходимым применить к С. принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа»⁹. Такое определение суда является мотивированным, законным и обоснованным.

В связи со сказанным вопрос о критериях общественной опасности невменяемого приобретает чрезвычайно важное

⁹ Архив КТОФ, 1973 г.

значение. Это практическое средство, которым должен руководствоваться суд при установлении общественной опасности невменяемого и назначении ему принудительного лечения того или иного вида.

Критериями общественной опасности невменяемого одни авторы считают динамику болезненных процессов, этапы их формирования, прогноз течения и исхода. По мнению других авторов, критериями степени общественной опасности невменяемого являются: объективная тяжесть совершенного общественно опасного деяния и психопатологические особенности лица, его совершившего. При этом «ведущим» критерием признается характер психического заболевания, его клиническая форма, глубина и стойкость, особенности психического состояния во время совершения деяния, а также «мотивы», по которым совершено деяние. Эти суждения, верные в своей основе, нуждаются в уточнении и конкретизации, поскольку в такой формулировке они, на наш взгляд, труднодоступны для практического применения.

По нашему мнению, общественная опасность невменяемого характеризуется наличием и устанавливается судом, как показывает изученная практика, на основе совокупности двух критериев: юридического и медицинского.

Юридический критерий общественной опасности охватывает характер совершенного невменяемым общественно опасного деяния, поведение лица до и после совершения данного деяния, социально-психологические установки данного лица, выработанные до болезни, и др.

Медицинский критерий общественной опасности невменяемого охватывает клиническую форму психического заболевания, его глубину и стойкость, динамику болезненного процесса, прогноз течения и исхода, «психопатологические установки» лица, обусловленные характером его психической болезни, состояние его здоровья до и после совершения общественно опасного деяния и т. д.

Только на основе совокупности юридического и медицинского критериев суд может сделать правильный вывод об общественной опасности невменяемого, о ее характере и степени и обоснованно решить вопрос о применении и характере принудительного лечения, его изменении или отмене. Один лишь юридический критерий, равно как и один лишь медицинский критерий, не может являться показателем действительной общественной опасности данного невменяемого и недостаточен для применения и обоснования судом выбора

того или иного вида принудительного лечения, избранного в отношении данного невменяемого, или их неприменения. Поэтому нельзя согласиться с мнением относительно ведущей роли медицинского критерия при оценке судом общественной опасности невменяемого. В данном случае, на наш взгляд, переоценивается значение медицинского критерия и, напротив, недооценивается социально-правовой, юридический аспект общественно опасных действий невменяемого. Между тем, как бы ни была тяжела клиническая форма психического заболевания, один лишь медицинский критерий недостаточен для обоснования применения к невменяемому принудительных мер медицинского характера, если деяние, совершенное им, по своему характеру выходит за рамки уголовно-правового регулирования (например, в случаях, предусмотренных ст. 209, 198 УК РСФСР)¹⁰.

Изученная практика показала, что в 12% случаев суды установили «особую общественную опасность личности невменяемого». В чем же суды усмотрели «особую» («повышенную», «значительную», «большую») общественную опасность невменяемых и чем обосновали свой вывод? При обосновании своих выводов суды ссылались на: а) характер совершенных невменяемым общественно опасных действий и это соответствовало уголовно-правовой квалификации этих действий (ст.ст. 86, 102 и 103, ч. 1 ст.ст. 108, 98 и 149, ч. 3 ст. 206 и др. УК РСФСР); б) на клиническую форму психического заболевания в ее динамике; в) на то, что данные лица ранее уже были судимы (в том числе неоднократно) либо ранее уже признавались невменяемыми и к ним применялись принудительные меры медицинского характера.

Таким образом, как показывает изученная практика, суды в основном правильно решают вопрос о характере и степени общественной опасности невменяемого на основе совокупности юридического и медицинского критериев. Вместе с тем в некоторых случаях в определениях отдельных судов вывод о степени общественной опасности невменяемого был обоснован лишь «тяжестью» или «характером» совершенных им общественно опасных действий (24%). Такая практика отдельных судов является неправильной и не соответствующей закону, который требует от суда при определении общественной опасности и решении вопроса о применении того или иного вида принудительного лечения учесть два критерия:

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР, № 5, с. 13.

а) характер совершенных неизменяемым общественно опасных действий (юридический критерий) и б) психическое состояние его здоровья (медицинский критерий) и на основе их совокупности решить указанные выше вопросы (ст. 59 УК РСФСР). Кроме того, при характеристике особой общественной опасности неизменяемых некоторые суды применяют отличную от законодательной терминологию, указывая на «повышенную», «большую», «значительную» и т. п. общественную опасность неизменяемого. Очевидно, суд должен в юридических документах придерживаться законодательной терминологии и более обстоятельно мотивировать свои выводы. Правильное применение закона — одно из условий повышения качества судебной работы и стабильности определений.

КРАЖА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН, СОЕДИНЕННАЯ С ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ПОМЕЩЕНИЕ, ХРАНИЛИЩЕ, ЖИЛИЩЕ

С. А. ЕЛИСЕЕВ

В настоящее время в соответствии с ч. 3 ст. 89 УК РСФСР кража с проникновением в помещение или иное хранилище является квалифицированным видом посягательства на социалистическую собственность. [Квалифицированной является и кража личного имущества, совершенная путем проникновения в жилище.] Однако в уголовном законе не определено, что следует считать проникновением, что понимать под помещением или иным хранилищем при краже социалистического имущества, жилищем — при краже личного имущества. В современной уголовно-правовой литературе содержание указанных понятий не раскрывается. Между тем известно, что к числу факторов, обеспечивающих эффективность действия норм права, относится единообразие толкования их смысла в процессе правоприменительной деятельности. Различия в подходе к определению понятий «проникновение», «помещение», «хранилище», «жилище» могут отрицательно сказаться на проведении единой линии в предупреждении краж.

Следует заметить, что первые советские уголовные кодексы не знали такого квалифицированного состава преступления, как кража с проникновением в хранилище, жилище. В них предусматривалась ответственность за кражу с применением технических средств. Так, уголовный кодекс 1922 г. (п. «б» ст. 180) относил к квалифицированной краже тайное похищение имущества с применением орудий или инструментов или других технических приспособлений. О краже, совершенной с применением технических средств, говорилось в п.п. «а», «в», «г», «д» ст. 162 УК РСФСР 1926 г. [Но в уголовно-правовой литературе 20—30-х годов понятие технических средств получило весьма широкое толкование. В частности, А. А. Жижиленко относил к техническим средствам наряду с

различного рода инструментами такие «приемы совершения кражи, как взлезание в окно при помощи принесенной лестницы, перелезание через забор, проникновение в квартиру под вымышленным предлогом (например, под видом лиц, прибывших для проверки счетчика электрического освещения и т. п.) и всякие вообще приемы, относящиеся к профессии вора»¹. Подобного мнения придерживались А. Б. Вроблевский, Б. С. Утевский, М. Н. Гернет, М. М. Исаев². Как видим, эти авторы понимали технические средства как «технику» совершения преступлений. Поэтому они считали, что квалифицированной является, по существу, любая кража с проникновением в помещение, в частности, кража, при совершении которой преступник использовал какие-либо предметы для взлома запоров, хранилищ и т. п., а также кража, совершенная преступником, проникшим в помещение иным способом (под вымышленным предлогом, через открытое окно).

Как известно, ст.ст. 89, 144 УК РСФСР 1960 г. в первоначальной редакции также предусматривали технические средства как квалифицирующий признак кражи. Но теория советского уголовного права и практика, отказавшись от широкого понимания технических средств, не смогли выработать единого их понятия. Это привело к тому, что при рассмотрении отдельных уголовных дел стали допускаться ошибки. Кроме того, суды были лишены возможности давать соответствующую уголовно-правовую оценку действиям преступников, взломавших хранилища без применения инструментов, проникших в помещение при помощи специальных приемов, не связанных с использованием каких-либо орудий. В связи с этим законодатель заменил квалифицирующий признак «применение технических средств» на «проникновение» в помещение или иное хранилище, жилище.

Понятие «кража с проникновением в помещение или иное хранилище, жилище» означает, что преступник завладевает имуществом, находящимся в строениях или иных хранилищах в результате совершения действий по преодолению каких-либо препятствий, затрудняющих к нему доступ (различных запирающих приспособлений, так называемых строи-

¹ Жижиленко А. А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л.: Изд-во Рабочий суд, 1928, с. 77—78.

² См.: Уголовный кодекс редакции 1926 г. Комментарий под общей ред. Е. Г. Ширвиндта. М.: Изд-во НКВД, 1927, с. 353; Исаев М. М. Преступления против личной собственности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939, с. 15.

тельных преград, элементов конструкции устройств, специально предназначенных для хранения материальных ценностей и др.). Подобные действия, делая кражу более эффективной, повышают степень ее общественной опасности. Причем нужно отметить, что эти действия не просто облегчают совершение кражи, а делают более вероятным причинение вреда социалистической, личной собственности. Также необходимо иметь в виду, что нередко без осуществления действий по устранению каких-либо препятствий совершить кражу практически нельзя.

В краже с проникновением в строение, хранилище может находить свое выражение и большая, по сравнению с другими кражами, активность антиобщественной корыстной направленности личности. Такой способ совершения кражи является, как правило, показателем высокой интенсивности корыстных мотивов преступного поведения; он свидетельствует о стремлении преступника завладеть имуществом, невзирая ни на какие препятствия. Следует сказать, что кража с проникновением в строение, хранилище нередко указывает на определенный уровень подготовленности преступника к какому-либо виду труда, на его умение изготовить, подобрать, приспособить, применить те или иные предметы в качестве орудия преступления. Названные свойства личности сами по себе не являются социально вредными. Но их участие в механизме преступного поведения повышает, в комплексе с иными обстоятельствами, степень общественной опасности деяния, поскольку делает вероятным причинение ущерба социалистической или личной собственности.

При совершении кражи проникновение в строение, иное хранилище может осуществляться с помощью различных приемов, которые следует подразделить на две группы. Первую группу образуют приемы, связанные с полным или частичным нарушением целостности запирающих устройств, элементов строений (дверей, окон, стен, потолков, фундаментов зданий и др.). специальных хранилищ. Для разрушения строительных преград, взлома замков, сейфов, металлических ящиков, контейнеров и т. п. могут применяться как инструменты, специально предназначенные для совершения краж (так называемый «воровской инструмент»), так и слесарные, столярные инструменты, иные предметы хозяйственного, бытового назначения. В отдельных случаях преграды могут разрушаться без помощи каких-либо орудий. Во вторую группу входят приемы проникновения, не связанные с разрушением строи-

тельных преград, запоров, хранилищ и т. д. Преступники могут открывать замки заранее подобранными или обнаруженными на месте преступления ключами, проникать в помещение, жилище через открытое окно, незапертую дверь, вентиляционные шахты, незакрытые аварийные выходы и т. д. Особое место в названной группе занимают приемы проникновения в строения, основанные на обмане лиц, в них находящихся. Так, например, преступники могут заходить в квартиру под предлогом розыска знакомых или родственников, под предлогом гадания, под видом работников учреждений связи, пожарного надзора, коммунальных учреждений и т. п. Они отвлекают внимание лиц, находящихся в помещении, какими-либо действиями и похищают те или иные предметы.

В практике применения ч. 3 ст. 89, ч. 3 ст. 144 УК РСФСР, особенно в случаях, когда проникновение осуществляется через окна, проломы в стенах, дверях, иных элементах строительных конструкций, может возникнуть вопрос, всегда ли связано проникновение с фактическим перемещением преступника в строение, в котором находятся похищаемые ценности. На наш взгляд, указанное обстоятельство носит факultatивный характер. Нетрудно заметить, что в ряде случаев совершения кражи преступнику совсем не обязательно перемещаться всем телом в помещение, в котором находится похищаемое имущество. Для его изъятия, например, иногда достаточно просунуть в пролом руку или какое-нибудь вспомогательное приспособление, перегнуться через подоконник, т. е. прокнигнуть в помещение настолько, сколько это необходимо для совершения быстрого и безопасного (для преступника) похищения. Главным признаком понятия «проникновение» является то, что при совершении кражи изымается вещь, находящаяся внутри строения или хранилища.

Правильное применение уголовного закона зависит и от точного определения понятий «помещение или иное хранилище», «жилище». Так, понятие «помещение или иное хранилище» можно толковать двояко, в узком и широком смысле. В первом случае к объектам проникновения, наряду со специальными устройствами (сейфами, металлическими ящиками, контейнерами и пр.) будут относиться лишь помещения, имеющие своим целевым назначением обеспечение сохранности находящихся в них ценностей (склады, кладовые, камеры хранения, промышленные холодильники и др.). При широком толковании под помещением понимаются любые строения

(гражданские, промышленные, сельскохозяйственные здания и сооружения) как место, где помещается, находится что-то, кто-либо. Какой же подход к толкованию рассматриваемого понятия является более правильным? Мы полагаем, что второй. Узкое толкование может привести к тому, что на квалификацию преступления и тяжесть наказания станут влиять чисто формальные обстоятельства, не имеющие отношения к характеру содеянного и личности виновного. Так, при краже из магазина квалифицированной пришлось бы считать лишь кражу с проникновением в помещения приемки, хранения и подготовки товаров к продаже. Кража, произведенная из иных помещений, в частности торговых и дополнительного обслуживания покупателей, административно-бытовых, подсобно-технических, не признавалась бы квалифицированной, несмотря на то, что преступник совершил аналогичные действия по преодолению препятствий (взломал замок, сделал пролом в двери и т. п.). Кроме того, узкое понимание помещений как объекта проникновения открывает широкое поле для казуистики. В частности, в ряде случаев пришлось бы решать вопрос о том, какая именно функция помещения (хранения ценностей, технологическая, создания нормальных условий для трудового процесса и др.) является основной. Несомненно, что это будет вносить дополнительные трудности в следственную, судебную практику.

Под иным хранилищем следует понимать, как уже отмечалось, специальные устройства, предназначенные для хранения материальных ценностей (сейфы, металлические ящики, контейнеры и т. п.). К числу иных хранилищ относятся также сооружения, представляющие собой комплекс строений административно-хозяйственного назначения, металлических или железобетонных резервуаров, складских помещений и т. д. К категории иных хранилищ нужно относить и склады открытого или полузакрытого типа (участки огражденной территории с площадками для размещения грузов, одно- или многоярусными навесами).

При применении ч. 3 ст. 89 УК РСФСР может встать вопрос, относятся ли к категории «хранилище» такие емкости, как цистерны, баллоны, бочки, канистры, банки и пр. На наш взгляд, названные предметы не следует рассматривать в качестве хранилища. Необходимо учитывать, что жидкие, газообразные, сыпучие вещества по своей природе, в отличие от твердых тел, не сохраняют формы и размера. В процессе использования они всегда находятся в каком-либо сосуде

(жидкие, газообразные тела), ином вместилище — сыпучие. Вне этих предметов названные вещества, как правило, утрачивают свои свойства. Баллоны, цистерны, бочки и т. п. являются, образно говоря, составной частью жидкостей, газов, сыпучих тел. Хранилище же представляет собой строение, сооружение или устройство, предназначенное для обеспечения сохранности, т. е. неприкосновенности находящихся в нем материальных ценностей. Поэтому не относятся к хранилищам и разного рода коробки, ящики, мешки, служащие упаковкой сравнительно малоразмерных твердых тел.

Под жилищем как объектом проникновения при краже личного имущества необходимо понимать какие-либо строения, помещения, служащие местом временного или постоянного проживания людей. К их числу относятся индивидуальные жилые дома, отдельные квартиры, комнаты в коммунальных квартирах и общежитиях, номера в гостиницах, санаториях, домах отдыха, пансионатах и др. Названные жилища весьма различны по своей объемно-планировочной структуре. Одни из них состоят из собственно жилой площади (комнаты в общежитиях, коммунальных квартирах), другие представляют собой совокупность сгруппированных в определенном порядке жилых и подсобных помещений. Например, современная благоустроенная квартира состоит, как правило, из нескольких жилых комнат, прихожей, коридора, кухни, ванной, кладовой или встроенного шкафа. Третьи (индивидуальные жилые дома) нередко образуют единый комплекс со строениями вспомогательного назначения. Так, в отдельных жилых домах на первом или полуподвальном этаже находится гараж, расположены различного рода подсобные помещения. Иногда жилой дом имеет смежную с надворными постройками стену, общую крышу. Поэтому квалифицированной следует считать кражу с проникновением не только в собственно жилое помещение (комнату), но и в помещения (строения) подсобного назначения (кухню, прихожую, кладовую, мастерскую, гараж и т. д.), составляющие с жилой частью квартиры (дома) или домом единое целое.

Известно, что в многоквартирных жилых домах к подсобной площади отдельных квартир не относятся площади лестничных клеток, входных и поэтажных вестибюлей, общих коридоров. В связи с этим не является квалифицированной кража личного имущества, находившегося в указанных местах общего пользования.

Для квалификации кражи по ч. 3 ст. 144 УК РСФСР не

имеет значения время пользования жилищем. Наряду с помещениями — местом постоянного жительства — к объектам проникновения относятся и строения, обитаемые в течение сравнительно небольшого периода времени (дачи, садовые домики). Не оказывает влияния на квалификацию и первоначальное назначение постройки, являющейся ко времени совершения преступления местом проживания людей. Жилище может представлять собой перестроенное помещение, первоначально имевшее промышленное, административно-хозяйственное, бытовое и иное предназначение.

ПОНЯТИЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

(соотношение с уголовно-правовым
и уголовно-процессуальным понятием)

Г. И. ЧЕЧЕЛЬ

В последние годы в юридической литературе опубликовано значительное число работ, посвященных понятию личности преступника, его социально-психологической структуре, индивидуальному преступному поведению, взаимосвязям преступности с определенными отдельными социальными процессами и др., что, бесспорно, способствует улучшению работы и предупреждению преступлений. Однако анализу поведения потерпевшего от преступления как относительно самостоятельному разделу социологии уголовного права до сих пор уделяется неоправданно мало внимания, хотя данная проблема недостаточно полно изучена как в уголовно-правовом, так и в криминологическом аспектах.

Проблема предупреждения преступлений, прогноза средств и методов в этой работе непременно включает в себя изучение виктимологических аспектов преступных посягательств против личности, целью которых является изучение личности потерпевшего, его поведения, роли в генезисе совершенных преступлений. Изучение жертвы преступления является объективной необходимостью, поскольку данные исследования открывают широкую, пока еще не в должной мере исследованную область, основной целью которой является решение проблемы профилактики преступлений.

Следует согласиться с мнением В. Н. Полубинского, который полагает, что преступление в подавляющем большинстве случаев представляет собой системное образование, результат единства взаимосвязанных элементов: правонарушителя, противоправного действия или бездействия и потерпевшего, его поведения, непосредственно предшествующего преступлению, либо поведения в ходе совершения преступления¹. Этот вывод полностью подтверждается данными, полученными нами при изучении уголовных дел.

¹ Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979, с. 5.

Кроме того, поведение потерпевшего (противоправное) должно оказывать существенное влияние и на ответственность лица, совершившего преступление, что будет иметь немало-важное общепредупредительное значение. Таким образом, полный, объективный учет данных о личности и поведении потерпевшего будет способствовать избранию справедливого, индивидуализированного наказания в отношении виновного, что, конечно, отразится положительно на перевоспитании преступника. Исходя из этого, Пленум Верховного Суда СССР неоднократно указывал на то, что при исследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел необходимо с особой тщательностью устанавливать сведения о личности потерпевшего и его поведении в криминологической ситуации².

Изложенное позволяет определить круг вопросов, составляющих предмет изучения виктимологии: социально-психологическая и психобиологическая характеристика потерпевшего; поведение жертвы в преступной и предпреступной ситуации; роль потерпевшего в генезисе преступления; взаимоотношения потерпевшего и преступника; пути и способы защиты возможной и признанной жертвы преступления; прогнозирование конкретной криминологической ситуации через знание личностных качеств и поведения потерпевшего.

Для виктимологии одним из основных вопросов является понятие жертвы преступления, его соотношение с уголовно-правовым и уголовно-процессуальным понятием потерпевшего. Однако в юридической литературе нет единства в понимании этих вопросов и до сих пор он вызывает различные споры.

Ряд авторов придерживаются мнения, что потерпевшим может быть признано как физическое лицо любого возраста, независимо от его дееспособности, так и юридическое лицо³. Однако с данным мнением вряд ли можно согласиться. Понятие потерпевшего как участника уголовного процесса впервые было закреплено в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Из текста ст. 24 Основ видно, что правами потерпевшего обладает

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973 гг. М., 1974, с. 439—442, 463—478, 482—488, 526—534, 547.

³ См.: Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977, с. 39; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Воронеж, 1964, с. 6; Калашникова Н. Я. Охрана прав несовершеннолетнего потерпевшего.— В кн.: Изучение и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. МГУ, 1970, с. 121 и др.

гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, то есть лицо физическое. Это определение потерпевшего следует признать исходным для дальнейшего уголовно-правового и уголовно-процессуального исследования. Кроме того, в ч.ч. 1, 2 ст. 136, ст. 53 УПК РСФСР говорится о потерпевшем только лишь как о гражданине, но не о юридическом лице. «Установив, что преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред гражданину, следователь по собственной инициативе или на основании заявления этого лица выносит постановление о признании его потерпевшим» (ст. 136 УПК РСФСР).

Изучение судебно-следственной практики Алтайского края, Томской, Ульяновской и Саратовской областей подтверждает, что потерпевшим признается только физическое лицо, то есть гражданин. Юридическое же лицо (организация, предприятие, учреждение) которому причинен имущественный вред, выступает лишь в качестве гражданского истца, что полностью соответствует требованиям, изложенным в ст. 25 Основ.

В теории предприняты также попытки обосновать мнение о том, что если гражданину причинен вред в результате его собственных противоправных, антиобщественных действий, то он не может быть признан потерпевшим. Так, А. Л. Цыпкин пишет: «Наш вывод сводится к тому, что при наличии достаточных оснований органы расследования и суд могут не признать потерпевшим, хотя и понесшее вред лицо, чье недостаточное и антиобщественное поведение привело обвиняемого к совершению преступления. В таких случаях это лицо должно участвовать в деле в качестве свидетеля»⁴.

⁴ Цыпкин А. Л. К вопросу о защите прав личности в уголовном судопроизводстве.— В кн.: Развитие прав граждан СССР. Саратов, 1962, с. 280. Аналогичного мнения придерживаются также: Калашников Н. Я. Расширение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве.— В кн.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959, с. 246; Корнева Л. М., Коротенко В. В. Практика выполнения требований ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— Советское государство и право, 1961, № 2, с. 127; Ратинов А. Участие потерпевшего в предварительном следствии.— Социалистическая законность, 1959, № 4, с. 33; Отремовский В. А. Соблюдение законности производства предварительного расследования — гарантия охраны прав граждан.— В кн.: Социалистическая законность и охрана прав граждан. Воронеж, 1963, с. 88; Отремовский В. А. Участники предварительного следствия. Ростов, 1966, с. 209; Дубровный В. А. Потерпевший от преступления на предварительном

С предложением о еще большем сужении круга лиц, которые могут выступать в качестве потерпевшего, на страницах печати выступил М. Ф. Маликов. Ссылаясь на данные, опубликованные Д. В. Ривманом, что в 39,3% ситуаций поведение потерпевших объективно создавало возможность совершения изнасилования и примерно 81% потерпевших от убийства не оказали должного сопротивления, М. Ф. Маликов пишет: «Сказанное и приведенные данные позволяют утверждать, что в большинстве случаев действия преступника связаны с поведением потерпевшего. Поэтому, по нашему мнению, потерпевший, по вине которого создалась преступная ситуация, должен быть лишен права на возмещение ущерба, а с его правом на обоснование не должно быть связано ухудшение положения обвиняемого»⁵.

Нам представляется совершенно неприемлемой даже сама постановка вопроса, когда недолжное оказание сопротивления преступнику ставится в вину жертве преступления и в связи с этим влечет за собой ущемление прав потерпевшего, вплоть до лишения его возможности выступать в качестве потерпевшего и иметь право на возмещение причиненного преступником ущерба. Во-первых, напрашивается вопрос о том, что понимают Д. В. Ривман и М. Ф. Маликов под «должным» сопротивлением? Входит ли в это понятие и невозможность оказания достойного сопротивления в силу объективных причин: физической слабости, болезненного состояния, усталости, болезненного состояния психики; либо субъективных причин: трусости, состояния опьянения, боязни уголовной ответственности за правомерно причиненный вред нападающему вследствие незнания закона о правомерности указанных действий и т. п.? Во-вторых, не повлечет ли указанная необоснованная оценка определенного поведения потерпевшего назначения неоправданно смягченного наказания?

Такое понимание вопроса указанными авторами, на наш взгляд, приведет к неоправданной гиперболизации роли потерпевшего в совершенном в отношении него преступлении, а

следствии. Саратов, 1966, с. 22—37; Вандышев В. В. Процессуальные гарантии лица, виктимного в связи с собственным антиобщественным поведением.— В кн.: Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1977, с. 55—60.

⁵ Маликов М. Ф. Виктимологические аспекты эффективности судебного приговора (состояние разработки и пути повышения).— В кн.: Проблемы совершенствования законодательства и повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в свете новых Конституций. Уфа, 1980, с. 145—146.

также к необоснованному принижению общественной опасности содеянного преступником. Мы можем не одобрять поведение потерпевшего, объективно имевшего возможность оказать должное сопротивление преступнику и даже порицать такое поведение, однако превращать в подобных случаях потерпевшего в основного виновника совершенного тяжкого преступления нет никаких оснований.

Исследования показали, что довольно часто потерпевшие сами являются носителями антиобщественной установки и при определенной ситуации провоцируют в отношении них преступление, то есть решающим фактором в совершенном преступлении является поведение (порой преступное) самого потерпевшего. Нередко и в действиях потерпевшего наличествует состав преступления. В случае смены ролей потерпевшего и преступника, когда причинение ущерба (морального, физического или имущественного вреда) имеет место с обеих сторон, здесь следует говорить о смене ролей лиц в преступной ситуации, поскольку каждый из них (потерпевший — осужденный) виновен лишь в том, что совершил сам. И даже в том случае, когда потерпевшего по тем или иным основаниям не привлекли к уголовной ответственности, однако ответными действиями (на его преступное поведение) ему причинен вред, он в силу ст.ст. 53, 136 УПК РСФСР должен быть признан потерпевшим⁶.

Как уже было отмечено, действия причинителя тяжких телесных повреждений часто находятся в непосредственной связи с преступным поведением потерпевшего, созданной ситуации, последствием, то есть поведение потерпевшего выступает в качестве условия, способствующего совершению преступления. И все же ему причиняется вред именно преступными действиями виновного, а это уже достаточно для признания его потерпевшим.

В некоторых нормах уголовного кодекса законодатель сам учел не только противоправное, но и преступное поведение потерпевшего. Но вместе с тем прямо в законе виновная жертва названа потерпевшим. Так, в ст. 104 УК РСФСР сказано: «Умышленное убийство, совершенное в состоянии

⁶ Мы полагаем, что непривлечение жертвы преступления к уголовной ответственности за те преступные действия, которые явились реакцией на совершение в отношении них преступлений противоречит общественным интересам, поскольку объективно содействуют безнаказанности преступника (признанного потерпевшим), подрыву принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление.

внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких». Аналогичное положение закреплено также в ст.ст. 105, 110, 111 УК РСФСР.

Напрашивается вывод, что и в указанных ситуациях показания потерпевшего будут являться одним из основных источников доказательств, а также выступать в качестве необходимого средства защиты интересов потерпевшего и на тех же процессуальных основаниях, на которых защищает свои интересы обвиняемый (подсудимый). Показания потерпевшего, являющегося по процессуальному положению участником процесса, существенно отличаются от свидетельских показаний как по своему субъекту, так и по процессуальной природе и по предмету (содержанию). Поэтому, если пойти по пути сторонников предоставления роли свидетеля (а не потерпевшего) гражданину, которому причинен вред в результате его собственных противоправных, антиобщественных действий, то мы в таком случае неоправданно принизим процессуальное значение, процессуальную природу показаний потерпевшего.

В юридической литературе также нет единства и по вопросу о том, можно ли считать гражданина потерпевшим, если по не зависящим от виновного обстоятельствам данному гражданину не был причинен вред, вполне возможный при обычном ходе событий, то есть возникает ли фигура потерпевшего при покушении на совершение преступления, если не причинен реальный физический, имущественный либо моральный вред.

Так, В. М. Савицкий, И. И. Потеружа, В. А. Дубриный, Л. М. Корнева, В. В. Коротенко и др. полагают, что признание таких лиц потерпевшими не основано на законе, который допускает признание потерпевшими лишь тех лиц, которым преступлением причинен реальный вред. Они полагают, что потерпевший может участвовать лишь в некоторых делах о покушениях, но только тогда, когда в результате действий виновного, совершенных при покушении на определенное преступление, ему причинен какой-то реальный вред⁷.

⁷ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 8—10; Дубриный В. А. О потерпевшем в советском уголовном процессе.— В кн.: Развитие прав граждан

Полагая, что при покушении на преступление (в том числе и на убийство, тяжкое телесное повреждение) не причиняется даже моральный вред, В. М. Савицкий и И. И. Потеружа под моральным вредом понимают только такой результат посягательства на честь и достоинство личности, который сам по себе образует один из необходимых элементов состава преступления. Подобный моральный вред причиняют (как они полагают) клевета, оскорбление, ложный донос⁸.

Представляется, что такое узкое толкование закона ничем не оправдано и вряд ли является верным. Прав, на наш взгляд, Л. Д. Кокорев, который под моральным вредом понимает не только умаление чести и достоинства граждан, но и причинение нравственных страданий лицу, против интересов которого было совершено преступление⁹.

Удачным является дополнение к понятию морального вреда, сделанное В. Е. Юрченко, который предлагает включить в определение морального вреда указания на нарушение нормального психологического состояния человека, вызванного преступным посягательством на охраняемые законом его субъективные права и законные интересы, а также иные блага¹⁰.

С учетом сказанного есть все основания признавать в качестве потерпевших и тех лиц, в отношении которых совершено покушение на жизнь либо здоровье даже при условии отсутствия «видимого» реального вреда, так как в указанных случаях причиняется тяжкий моральный вред, выражающийся в причинении нравственных страданий, а также нарушается нормальное психическое состояние жертвы преступления.

Было бы целесообразным решить в законодательном порядке вопрос о признании потерпевшими и тех лиц, в отношении которых совершено покушение на их законные права и интересы, хотя при этом реальный вред им не причинен.

СССР. Саратов, 1962, с. 310; Корнева Л. М., Коротенко В. В. Практика выполнения требований ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— Советское государство и право, 1961, № 2, с. 127.

⁸ Савицкий В. М., Потеружа И. И. Указ. раб., с. 7.

⁹ Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964, с. 7.

¹⁰ Юрченко В. Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск, 1977, с. 11.

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПОВЫШЕНИЯ ТРУДОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИТУ

А. Л. РЕМЕНСОН

1. Повышение позитивно направленной трудовой и общественной активности осужденных является стержневым направлением их исправления и перевоспитания. Этот процесс, охватывающий собой интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы личности, получает свое выражение не только в формировании нового, нужного нам сознания личности, но и в превращении взглядов в убеждения, в приобретении привычек нужного обществу поведения. Повышение трудовой и общественной активности личности осужденного является магистральным путем формирования ее готовности сознательно и добровольно соблюдать элементарные требования социалистического общества. Вместе с тем обеспечивается формирование такого потенциала личности, который дает реальную возможность для дальнейшего ее развития, достижения ею высоких и самых высоких уровней социалистического типа личности.

Опыт многих десятилетий деятельности советских исправительно-трудовых учреждений, безусловно, доказал, что именно на путях максимального развития трудовой и общественной активности достигалась и достигается высокая эффективность исправления и перевоспитания осужденных, обеспечивающая их включение в честную трудовую жизнь после отбытия наказания.

2. На новом этапе истории советского общества, характеризующемся той степенью зрелости, которая свойственна развитому социализму, значение повышения трудовой и общественной активности осужденных еще более возрастает. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, возрастают требования, предъявляемые обществом к личности, а, с другой стороны, создаются более благоприятные, чем когда бы то ни было, материальные и нематериальные возможности для по-

вышения активной роли личности в трудовой и общественной жизни.

Новые возможности для дальнейшего, существенно более высокого уровня трудовой и общественной активности осужденных в условиях ИТУ получают свое выражение, в частности, в том, что значительно укрепилась производственная база ИТУ, возросла общеобразовательная и профессиональная подготовленность сотрудников ИТУ, состав воспитателей расширился за счет введения должностей инженеров по организации труда, более благоприятными стали условия для повышения общеобразовательного и профессионально-технического уровня осужденных, для проведения политико-воспитательной работы, а изменения законодательства об условно-досрочном, об условном освобождении из мест лишения свободы и о переводе осужденных в ИТК-поселения (1977 г.) существенно увеличили стимулирующее их воздействие на процесс исправления и перевоспитания осужденных.

3. Социальная необходимость дальнейшего существенного повышения уровня трудовой и общественной активности осужденных, наличие новых, более благоприятных возможностей для решения этой задачи, требуют дальнейшего совершенствования правового обеспечения деятельности ИТУ.

В этом направлении за последние годы сделано немало. Так, на законодательном уровне закреплено право осужденных обращаться с предложениями в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам (см. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13 августа 1981 г.— Советская юстиция, 1981, № 21, с. 24). Эта новелла исправительно-трудового законодательства обусловлена, как сказано в упомянутом Указе, необходимостью приведения исправительно-трудового законодательства в соответствие с Конституцией СССР. Есть все основания полагать, что право осужденных на внесение предложений является их правом, основанным на положениях ст. 49 Конституции СССР.

Закрепление в исправительно-трудовом законодательстве этого права имеет важное значение. Это закрепление существенно конкретизирует положения ст. 8 Основ исправительно-трудового законодательства, которая лишь в общем виде формулирует тезис о сохранении за осужденными общегражданских прав в тех пределах, в каких они не ограничены зако-

нодательством для осужденных, а также приговором суда и режимом.

Несомненно, что законодательное закрепление права на внесение предложений будет способствовать повышению трудовой и общественной активности осужденных.

Такую же роль играет введенная этим же Указом новая редакция ч. 1 ст. 31 Основ исправительно-трудового законодательства, в которой зафиксировано, что в исправительно-трудовых учреждениях осуществляется всеобщее обязательное среднее образование осужденных из числа молодежи, что для сдачи экзаменов учащиеся освобождаются от работы на срок, предусмотренный законодательством Союза ССР и союзных республик о труде и что в этот период им предоставляется бесплатное питание.

Повышению трудовой и общественной активности осужденных способствует и ряд нормативных актов подзаконного характера.

Из их числа весьма важное значение в рассматриваемом нами аспекте имеет новое Положение о самостоятельных организациях осужденных. В этом Положении впервые самостоятельные организации осужденных характеризуются как общественные формирования; участие осужденных в работе этих организаций рассматривается как общественное поручение; предусмотрены возможности создания советов бригадиров, советов клубов, библиотек; определены основные задачи этих советов и их правовое положение в качестве структурных звеньев советов коллектива.

Принципиальное значение для повышения трудовой и общественной активности осужденных имеет принятое в 1981 г. решение о дальнейшем внедрении в ИТУ бригадных форм организации и оплаты труда, распространении бригадного хозрасчета, создании каждой бригаде условий для высокопроизводительного труда.

На XVII съезде профсоюзов отмечалось, что новые формы бригадной организации и стимулирования труда полностью соответствуют экономической стратегии партии на современном этапе, что в таких бригадах выше производительность труда, крепче дисциплина. Хорошо организованная, умно работающая бригада — подлинная школа для развития управленческих навыков рабочих, экспериментальная лаборатория для любой творческой инициативы¹.

¹ «Правда», 1982, 17 марта, с. 2.

Исследования экономистов, социологов, философов, изучавших так называемый «калужский вариант», опыт ВАЗа и других предприятий, которые широко используют новые формы бригадной организации и оплаты труда, дают ученым основание рассматривать эти формы как крупнейшее социальное открытие последних лет².

Проводимый с участием ученых юридического факультета Томского университета эксперимент (начавшийся в 1979 г.) по внедрению в ИТУ новых бригадных форм показал их высокую эффективность, как экономическую, так и исправительно-воспитательную. Таков же результат использования этих форм в ИТУ Украины, ряда областей РСФСР, что отмечалось на страницах специальной литературы.

4. Представляется, что правовое обеспечение деятельности ИТУ по дальнейшему повышению трудовой и общественной активности осужденных все еще не в полной мере отвечает современным требованиям, недостаточно нацелено на использование имеющихся возможностей существенно повысить трудовую и общественную активность осужденных.

В более развернутом и конкретизированном правовом решении нуждается ряд вопросов относительно прав осужденных на проявление позитивно-направленной трудовой и общественной активности. Так, было бы целесообразным закрепить в соответствующих нормах право осужденных участвовать в обсуждении производственных вопросов³, определить формы и порядок такого участия.

Было бы полезным в соответствующих нормах указать на право осужденных на изобретательскую и рационализаторскую деятельность. В целях более эффективного использования этого права в ИТУ следовало бы создавать в составе секции производственно-массовой работы так называемые «рабочие группы» по изобретательству и рационализаторству. Эксперимент по созданию таких групп, деятельность которых была регламентирована в специальном разделе «Положения о секции производственно-массовой работы», был проведен в нескольких ИТУ Сибири и полностью себя оправдал. При

² См., например: Павлов А., Гавриленко Е. Выбор из двух зол или путь третий; Кайдалов Д., Суименко Е. Побеждает? Победит! — Лит. газ., 1982, № 11, с. 11.

³ См.: § 29 Закона ГДР об исполнении наказаний в виде лишения свободы и о включении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в общественную жизнь. — Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств. Германская Демократическая Республика. М., 1976, с. 21.

проведении эксперимента в составе производственно-массовой секции создавались «рабочие группы» по качеству труда и производимой продукции, по технике безопасности, по экономии сырья, материалов, электроэнергии, топлива. Деятельность этих групп также получила соответствующее правовое обеспечение, что в определенной мере положительно сказалось на их работе.

Безусловно, нуждаются в более развернутой правовой регламентации порядок образования, задачи, функции и формы деятельности советов бригадиров, которые созданы во многих ИТУ и зарекомендовали себя как важная форма повышения трудовой и общественной активности осужденных.

Более четко следует определить права и обязанности членов общественных формирований осужденных, порядок взаимоотношений между ныне предусмотренными различными общественными формированиями и советами производственных бригад (о которых в действующем «Положении о самостоятельных организациях» вообще не упоминается).

5. Особо пристального внимания заслуживает вопрос о правовом обеспечении новых бригадных форм организации и оплаты труда в условиях ИТУ.

Основные идеи, определяющие сущность этих форм, должны быть четко воспроизведены в нормативно-правовом регулировании применительно к условиям ИТУ. В то же время совершенно очевидно, что Типовое положение о производственной бригаде, бригадире, совете бригады и совете бригадиров (утвержденное постановлением Госкомтруда и Секретариата ВЦСПС от 31 декабря 1980 г. № 389/22-119) не может быть целиком и полностью распространено на осужденных.

Так, в условиях ИТУ комплектование бригад только на основе принципа добровольности невозможно, поскольку права осужденных в сфере трудовых отношений ограничены. Достаточно сказать, что основанием возникновения трудовых отношений⁴ является в этих случаях не договор, а приговор суда, а также индивидуальный правоприменительный акт администрации ИТУ.

Лица, отбывающие наказание в ИТУ, не являются членами профсоюза. Соответственно в нормах, регламентирующих новые бригадные формы применительно к ИТУ, не могут быть

⁴ Многие авторы, полагающие, что исправительно-трудовое право есть самостоятельная отрасль в системе права, вообще отрицают наличие в этих случаях трудовых правоотношений.

воспроизведены те правила Типового положения, в которых говорится о взаимоотношениях бригад, бригадиров, советов бригад, советов бригадиров с профсоюзными организациями и их органами.

Особенности контингента осужденных и их правовой статус не дают возможности предоставлять советам производственных бригад право принимать в качестве окончательных решения, касающиеся заработка осужденных, начисляемого с учетом коэффициента трудового участия (КТУ), определения победителей соревнования.

Так, экспериментальная работа по внедрению новых бригадных форм в ИТУ показала, что в рассмотрении вопросов установления КТУ целесообразно участие представителя администрации, и предложения совета бригады относительно КТУ должны приобретать юридическую силу лишь после утверждения их соответствующими представителями администрации ИТУ. Аналогично был решен вопрос о порядке определения победителей соревнования. Эксперимент показал жизненность именно таких установлений.

Внедрение новых бригадных форм, безусловно, является одним из проявлений развития принципов социалистической демократии. Это относится и к использованию данных форм в условиях ИТУ. Вместе с тем особенности единоначалия в управлении ИТУ, положение администрации ИТУ как организатора всего процесса исполнения наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия, субъекта, на котором лежит вся полнота ответственности за достижение целей этого процесса, исключает предоставление производственным и общественным формированиям осужденных права «решающего голоса» при рассмотрении перечисленных и других вопросов, затрагивающих субъективные права и обязанности осужденных.

Руководящая и направляющая роль администрации ИТУ во всем карательно-педагогическом процессе может закрепляться в разных формах: обязательном последующем санкционировании, согласии, наличии права отмены принятых решений и так далее. Но во всех случаях руководящая и направляющая роль администрации должна быть полностью обеспечена. Это принципиальное положение должно получить четкое правовое закрепление в нормативном регулировании новых бригадных форм.

Правовое обеспечение внедрения указанных норм в условиях ИТУ не должно ограничиться лишь Типовым (для

ИТУ) положением об этих формах. Требуется и регламентация многих, возникающих в связи с их использованием вопросов, например, содержание и характер показателей, подлежащих учету при установлении КТУ в качестве обязательных или факультативных. Мы привели лишь один пример. Но и он уже наводит на мысль о том, что правовое регулирование использования новых форм вряд ли возможно только как централизованное. Представляется, что централизованное регулирование может и должно дополняться локальным. Пределы допустимости локального регулирования должны быть определены с возможной четкостью в соответствующих нормативных актах.

6. Повышение трудовой и общественной активности осужденных предполагает укрепление состояния «защищенности» осужденных от всякого рода отрицательного воздействия со стороны злостных нарушителей режима, дезорганизаторов дисциплины в производственной и жилой зонах. В связи с этим представляется вполне правомерной постановка вопроса о том, достаточно ли уже имеющихся правовых средств для качественно более надежного исключения отрицательного влияния злостных нарушителей? Практика показывает, что нет, недостаточно. Значительная часть осужденных — злостных нарушителей, водворявшихся в помещение камерного типа (ПКТ), вновь после освобождения из ПКТ совершает нарушения установленного порядка.

Но отрицательное воздействие их на процессы повышения трудовой и общественной активности выражается не только в правонарушениях, но и в насмешках, издевательствах, угрозах и тому подобных актах поведения, которые не содержат в себе юридических признаков не только преступления, но даже и дисциплинарного проступка.

Представляется, что в колониях следовало бы таких лиц, которые многократно подвергались мерам дисциплинарного воздействия, но не сделали для себя надлежащих выводов, изолировать от остальной массы осужденных, использовать их труд на отдельных объектах и проводить среди них специально целенаправленную воспитательную работу. Юристы-ученые Томского университета в 70-х годах оказали помощь практическим работникам в правовом обеспечении такой меры. Применение ее в ИТК, где начальником был Н. К. Дорофеев (эксперимент длился три года) показало, что она себя вполне оправдала не только с режимной, но и с воспитательной стороны. Этот опыт был освещен в работах А. И. Зубкова и

Н. К. Дорофеева и встретил весьма одобрительное отношение со стороны многих практических и научных работников.

7. Еще более важным в обеспечении трудовой и общественной активности осужденных является совершенствование норм, регулирующих правовое положение администрации ИТУ. Это совершенствование должно идти прежде всего по линии конкретизации правового положения соответствующих служб и тех или иных категорий представителей администрации, четкого распределения их компетенции, с тем, чтобы за каждый участок работы по повышению трудовой и общественной активности осужденных отвечали бы конкретные лица, чтобы были установлены определенные сроки выполнения ими соответствующих обязанностей, определены формы учета и отчетности и так далее. В процессе такой конкретизации следует максимально учесть имеющийся положительный опыт.

Вышеуказанные соображения можно проиллюстрировать следующими примерами. Закрепление за осужденными права вносить предложения предполагает четкое определение того, кто из представителей администрации и в каком порядке должен учитывать и рассматривать эти предложения, в какие сроки, в какой форме давать ответ на эти предложения, кто, когда и в каком порядке должен обеспечивать реализацию этих предложений в случае, если будет признана их полезность и реальная осуществимость в условиях данного ИТУ.

Образование в составе производственно-массовой секции названных выше рабочих групп потребует (как это показал эксперимент) закрепления за соответствующей группой для руководства ее деятельностью конкретного представителя администрации, определения его задач, форм работы, порядка отчетности, взаимоотношений с соответствующими службами, должностными лицами, общественными формированиями осужденных, шефами и так далее.

Образование советов производственных бригад потребует определить, кто, в каком порядке, в каких формах, в какие сроки должен обеспечить предварительный подбор (замену) членов совета бригады, кто должен утверждать избранный состав совета, направлять его деятельность, контролировать правильность установления КТУ и так далее. При внедрении новых бригадных форм следует четко определить задачи, обязанности экономической службы ИТУ, по-новому определить обязанности и характер взаимоотношений ИТР и начальников отрядов, инженеров по организации труда.

Введение новых бригадных форм потребует решения ряда вопросов, связанных с проблемой ответственности за своевременное и качественное обеспечение бригад соответствующими материалами, сырьем, оборудованием, решения ряда вопросов, связанных со стимулированием ИТР, начальников отрядов и других представителей администрации, обеспечивающих нормальную работу бригад, с тем, чтобы максимально заинтересовать их в достижении бригадами наивысших показателей в производительности труда и исправительно-воспитательной эффективности их деятельности.

Нетрудно видеть, что все это (а мы привели лишь некоторые примеры) потребует напряженной работы, которая может быть эффективной лишь в том случае, если она будет осуществляться в тесном сотрудничестве практиков и ученых, причем далеко не только юристов.

Проблема путей повышения трудовой и общественной активности осужденных и правового ее обеспечения должна быть предметом самого пристального внимания науки советского исправительно-трудового права.

О ПОТРЕБНОСТЯХ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Г. Н. ДОРНИН

Данные, имеющиеся в криминологической литературе¹, позволяют прийти к выводу о том, что в основе насильственных преступлений лежат потребности двух видов: потребности, характеризующиеся антисоциальным содержанием своего предмета; потребности, не имеющие антиобщественного характера (например, стремление к признанию со стороны группы, личный престиж и т. п.), но удовлетворяющиеся в процессе антиобщественной и иной деятельности. Остановимся прежде всего на характеристике потребностей в общении и самоутверждении (относящихся ко второй группе), ибо, как показывает изучение мотивов насильственных общественно опасных деяний несовершеннолетних, именно эти потребности чаще всего лежат в их основе.

Искаженная потребность в общении как фактор, мотивирующий совершение насильственного преступления. Многочисленные исследования педагогов и психологов свидетельствуют о том, что потребность в положительном эмоционально окрашенном общении у старших подростков и младших юношей весьма актуальна. Как отмечает А. П. Краковский: «Ершистый старший подросток жаждет ласки. Он готов любить (на фоне всеобщей грубости к нему в особенности) всякого, кто его понимает»². Затем автор делает весьма важное заключение: «И не в этой ли его особенности кроются корни той власти, которой обладают над ними иногда посторонние для школы (преступные подчас) элементы, как и не в той ли легкости, с какой забываем мы временами о том, что обычный даже в отношениях

¹ Кудрявцев В. Н. Криминологическое значение потребностей.— Советское государство и право, 1973, № 7, с. 48.

² Краковский А. П. О подростках. М.: Педагогика, 1970, с. 136.

между взрослыми эмоциональный климат и то переживается старшим подростком как вакуум доброты?»³.

Результаты анализа сфер общения, в которых участвовали несовершеннолетние правонарушители до совершения преступления, говорят о том, что эмоциональное благополучие в основном они испытывали только в общении с друзьями в неформальной группе. В других же сферах (в школе, в процессе взаимоотношений с родителями) обстоятельства складывались таким образом, это эмоциональный климат не мог в достаточной мере удовлетворить потребность в общении у подростка. В таких условиях в силу возникновения барьеров, препятствующих полноценному общению, потребность в положительных эмоциональных связях, обостряясь, реализуется в процессе дружеских контактов в неформальной сфере. Причем «психологическая изоляция», возникающая нередко в школе, семье, не только ведет к обострению потребности в общении, но и к уменьшению критического подхода в выборе друзей, снижению, а иногда утрате стремления собственной автономности, самостоятельности. Поскольку в таких условиях дружеское общение выступает почти единственным источником эмоционального благополучия, постольку подростки бывают как бы «прикованными» к этому источнику. И если антиобщественная деятельность (например, насильственные хулиганские действия), в которой участвовал несовершеннолетний правонарушитель, осуществляются по мотивам дружбы («помочь друг другу в трудный момент», «не отстать от товарищей»), то в таких случаях налицо реализация искаженной потребности общения⁴.

Искаженная потребность в самоутверждении как фактор, мотивирующий совершение насильственного преступления. Наиболее острое проявление потребности в самоутверждении в психологии связывается с особенностями личности, формирующимися к подростковому возрасту⁵. В криминологии вопросу об особенно-

³ Там же.

⁴ Важно подчеркнуть в данном случае, что сама по себе потребность в общении не может быть оценена отрицательно. Искаженный характер ей придают имеющиеся антиобщественные черты средства общения.

⁵ По мнению С. А. Березина, процесс самоутверждения следует рассматривать в двух аспектах: 1) как потребность в реализации творческих сил личности, ее истинного «я»; 2) как потребность личности в высокой оценке, в признании своей деятельности окружающими. (См.: Березин С. А. К вопросу о сущности самоутверждения.— Философские науки, 1974, № 2). Интересно отметить, что появление у ребенка потребности

стях формирования и реализации потребности в самоутверждении значительное место уделяется в связи с анализом мотивов преступлений, совершаемых несовершеннолетними⁶ и определенной категорией взрослых преступников⁷. Особый интерес для нас представляет исследование С. А. Беличевой, где на базе эмпирического материала показана роль мотивов престижной неудовлетворенности в социально-психологическом механизме «отторжения» подростков от школьного коллектива и активного их включения в имеющую асоциальный характер деятельность неформальных групп⁸.

Переходя к анализу результатов нашего исследования, сосредоточим внимание главным образом на характеристике деформации потребности в самоутверждении, проявившейся в событии преступлений. Проведенное исследование показывает, что мотив самоутверждения в преступлении свойствен значительной части несовершеннолетних насильственных преступников. По справедливому мнению ученых, исследовавших мотивы хулиганства⁹ и других преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, в основе последних лежит потребность в самоутверждении. Но так как преступление обуславливает искаженные потребности личности, попытаемся выяснить, в чем же суть таких искажений потребности в самоутверждении¹⁰.

в утверждении своего «я» психологами фиксируется уже в 2—3-летнем возрасте. Особенно актуализируется эта потребность в «кризисные» возрастные периоды развития личности.

⁶ См.: Алемаскин М. А. Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1968, с. 13; Игошев К. Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1973, с. 42; Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М.: Юрид. лит., 1971, с. 201—209 и др.

⁷ См.: Филиановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970, с. 83; Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974, с. 191—199; Лившиц Ю. Личность и общественный порядок. Таллин: Изд-во Ээсти Раамат, 1975, с. 57 и др.

⁸ Беличева С. А. Преступность и асоциальное поведение несовершеннолетних. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1977, с. 15—16.

⁹ К мотивам самоутверждения насильственного хулиганства мы отнесли только те побуждения, которые возникли вне какой-либо связи с поведением потерпевшего (то есть поведение потерпевшего ни в какой степени не служило поводом преступления), так как в противном случае мотив самоутверждения, как правило, приобретает отчетливо сознаваемую форму мести, хотя и сохранившую на себе черты хулиганских побуждений — скоротечность, легковесность мотивации, наглядность.

¹⁰ Н. В. Кудрявцев в качестве возможных субъективных причин преступного поведения назвал такие потребности, как стремление к призна-

Как мы уже отмечали, потребность в самоутверждении психологи рассматривают двояко. С одной стороны, это стремление человека реализовать качества, которые, как ему представляется, выражают его сущность и наиболее полно его характеризуют. С другой стороны, это потребность индивида иметь высокую оценку, получить признание за счет реализации этих качеств. Если с таких позиций мы посмотрим на насильственные хулиганские проявления несовершеннолетних, то сможем обнаружить черты деформации обеих указанных сторон потребности в самоутверждении.

Что касается реализации человеком себя (в психологии нередко употребляется термин самоактуализации), то в процессе совершения преступления из хулиганских побуждений актуализируются потребности, носящие антиобщественный характер. Их сущность может быть понята как желание проявить себя через отрицание таких интересов окружающих, как честь, достоинство, телесная неприкосновенность и т. д. Вот почему хулиганские побуждения нередко свойственны различным преступлениям: телесным повреждениям, изнасилованию, грабежу, разбою и др. Способы конкретных антиобщественных деяний, направленных на реализацию своего злобного «я», ретроспективно могут быть оценены порой как не поддающиеся рациональному объяснению. Однако в этом как раз и заключается специфика самоутверждения в хулиганстве. Это, как правило, возмещающее самоутверждение, дающее субъекту ощущение «самовозвышения» над окружающими.

Искажения присущи и второй стороне потребности в самоутверждении — стремлению к высокой оценке той деятельности, которая выступает как проявление собственного «я». Причем уровень ожидаемой оценки со стороны окружающих в значительной степени зависит от уровня самооценки и определяется ею. В связи с этим сошлемся на данные С. А. Беличевой, свидетельствующие, что уровень самооценки несовершеннолетних правонарушителей довольно высок и лишь незначительно отличается (в сторону понижения) от уровня самооценки школьников контрольной группы. Нами также исследовался уровень самооценки насильственных преступников. Выяснилось, что большинство правонарушителей, не-

нию со стороны группы, самолюбие, личный престиж. (Кудрявцев В. Н. Криминологическое значение потребностей, с. 48). Видимо, в данном случае автор имел в виду потребность в самоутверждении, отметив те черты, признаки, которыми эта потребность характеризуется.

смотря на факт совершения преступления и прохождения не легкой для них процедуры следствия и суда, а также осуждения к лишению свободы, имеют довольно высокую самооценку. Высокий же уровень самооценки способствует тому, что потребность личности в признании ее деятельности со стороны окружающих переживается особенно остро. И потому процесс удовлетворения антиобщественных потребностей как бы усиливается потребностью в признании со стороны окружающих. А такими окружающими (являющимися «значимыми» для правонарушителей) чаще всего являются члены неформальных групп, среди которых бывают распространены неуважение к людям, культ силы в отношении «чужих» и т. п. Отметим, что на определяющую роль неформальной группы в совершении хулиганства указывают и польские авторы. Так, например, М. Kosewski обоснованно утверждает: «Не бывает, чтобы классический хулиган атаковал в одиночку. Не делает он того, главным образом, не только потому, что боится, но и потому, что такое нападение ничего, кроме индивидуальных оскорблений ему не принесет, если он не будет наблюдаем своими друзьями»¹¹. Реализуемая в различного рода хулиганских проявлениях потребность в самоутверждении может иметь искаженный характер в результате деформации потребности в общении, выразившейся, в частности, в возникновении «комплекса различия». Такое «различие» с окружающими людьми иногда возникает на почве некоторых физических и психических недостатков человека и способствует тому, что удовлетворение потребности в самоутверждении обычными способами (в учебе, спорте, искусстве и т. п.) в таких условиях бывает затруднено, а поэтому человек стремится утвердить себя как-то иначе. Закрепившись, такое отношение к людям может стать устойчивой чертой личности¹².

Таковы некоторые черты проявившейся в насильственных преступлениях искаженной потребности в самоутверждении, являющейся одной из субъективных причин жестокости несовершеннолетних правонарушителей.

¹¹ Kosewski M. Agresijwni przestepcy. Warszawa, Wiedza powszechna, 1977, S. 123.

¹² К. А. Семенова — участник «круглого стола», проведенного редакцией журнала «Природа» и посвященного проблеме жестокости в поведении людей, обратила внимание именно на такой путь ее возникновения. (См.: Семенова К. А. С точки зрения психиатра... — Природа, 1975, № 1, с. 88).

Потребность в причинении страданий как фактор, мотивирующий совершение насильственного преступления. Выше уже упоминалось о том, что целью определенной части насильственных преступлений несовершеннолетних является причинение страдания потерпевшему. Такие преступления совершаются чаще всего по мотивам мести.

Совершение преступлений по мотиву мести свидетельствует о том, что в его основе лежит специфическая антиобщественная потребность, которая удовлетворяется в результате причинения страдания другому человеку. Выделение антиобщественной потребности, придающей взаимодействию людей в процессе общения характер враждебности, не противоречит данным психологической науки. Так, в частности, Ш. Н. Чхартишвили предлагает выделить такие потребности (они им называются «потребности зла»), которые «находят удовлетворение в ухудшении условий жизни социального объекта и его душевных страданиях»¹³.

Когда мы говорим о том, что у определенной части несовершеннолетних насильственных правонарушителей в событии преступления проявились потребности в причинении страданий другим людям, не следует понимать это как реализацию сложившихся садистских наклонностей субъектов. Об этом говорит прежде всего тот факт, что среди лиц, осужденных за телесные повреждения, нам не встретилось ни одного преступника, общественно опасное деяние которого было бы квалифицировано судом как носившее характер мучения и истязания. Проведенный анализ уголовных дел лиц, осужденных по ст. 113 УК РСФСР, также свидетельствует о том, что среди этой категории преступников нам не встретилось ни одного осужденного несовершеннолетнего. Что же касается правонарушителей, несущих наказание за другие насильственные преступления (хулиганство, изнасилование, грабежи, разбои), совершенные по мотиву мести, то и в их действиях не зафиксированы признаки жестокости в крайних ее формах (как обстоятельство, отягчающее ответственность — п. 7 ст. 39 УК РСФСР).

Реализация потребности в причинении страданий при совершении насильственного хулиганства также имеет свои

¹³ Чхартишвили Ш. Н. Природа и виды социогенной потребности. — В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 119.

особенности. Одна из них заключается в высоком «накале» потребностного состояния этих лиц, которое разрешается в действии по самому незначительному поводу. Причем насилие применялось без каких-либо раздумий, колебаний и выступало как привычная (и желаемая) реакция на ситуацию, которую правонарушители воспринимали посягательством на важнейшие собственные интересы¹⁴.

Желание причинить страдания потерпевшей с помощью совершения насильственного полового акта в материалах уголовных дел встречается редко. Как правило, такие действия есть результат «затаенной обиды» правонарушителя как в отношении самой потерпевшей, так и ее родственников, знакомых и т. п. Цель подобных действий формулируется преступниками как стремление опозорить потерпевшую и тем самым причинить ей нравственную боль или страдание ее близким.

Часть правонарушений, совершенных несовершеннолетними преступниками, квалифицируемых судом как грабеж и разбой, по своему замыслу должны были стать актом мести. Однако в процессе реализации потребности в причинении страданий у преступников формировались корыстные мотивы, осуществление которых и определило правовую квалификацию всего деяния в целом. Встречаются в судебной практике и случаи, когда события развивались в обратном порядке.

Нельзя не отметить и такую категорию несовершеннолетних насильственных преступников, у которых деформация потребностной сферы выражается в стремлении использовать другого человека как средство для достижения эгоистических целей. Данная потребность психологически обуславливает насильственные действия, обеспечивающие возможность осуществления других потребностей (например, сексуальной при изнасиловании, корыстных побуждений при грабеже и разбое).

¹⁴ Объяснение закономерностей такого рода антиобщественного поведения представляет значительную трудность. Видимо, в подобных случаях действуют механизмы «психологической защиты», существующие «как разнообразные формы специфической перестройки личностных установок, изменяющие значимость для субъекта... того, что его окружает» (Басин Ф. В., Прангисвили А. С., Шерозия А. Е. К вопросу о дальнейшем развитии научных исследований в психологии. — Вопросы психологии, 1979, № 7, с. 92).

РЕВНОСТЬ — МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Н. П. КЛЕУТИНА

Уголовно-правовое, криминологическое и во многом исправительно-трудовое значение мотивов преступлений зависит от их влияния на общественную опасность как самого преступления, так и лица, его совершившего. В связи с этим первостепенное значение приобретают политическая, моральная и правовая оценки мотивов. Являясь показателем уровня нравственного сознания человека, мотив характеризует принципы, ставшие для него руководящими в отношении к другим людям, к самому себе, социальным ценностям и, в конечном счете, есть выражение отношения личности ко всему обществу.

Существенное теоретическое и практическое значение мотивов совершаемых преступлений обуславливает необходимость тщательного изучения тех из них, которые вызывают определенные затруднения в процессе квалификации преступления, назначения и индивидуализации наказания, в социальной оценке опасности деяния и лица, его совершившего. Одним из таких мотивов, на наш взгляд, является ревность.

По действующему уголовному законодательству в отличие от предшествующего (п. «а» ст. 136 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), убийство из ревности не признается совершенным при отягчающих обстоятельствах и должно быть квалифицировано по ст. 103 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик, то есть как убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств.

А. В. Наумов правильно указывает, что «по признаку низменности в одну группу могут быть объединены многие мотивы: корысть, хулиганские побуждения, ревность, месть, зависть, тщеславие и т. д. Тем не менее они не могут быть уравнены в степени их общественной опасности».

Ревность возникает на почве взаимоотношений между близкими людьми, чаще всего носит лично интимный характер, всегда направлена на конкретно определенных лиц. Поэтому ревность как мотив убийства все же менее опасна, чем, например, хулиганские побуждения, которые представляют собой вызов субъекта всему обществу»¹.

Вместе с тем следует отметить, что не могут быть столь категоричны утверждения о непрменной низменности мотива ревности во всех случаях совершения преступления, так как многие уголовно-правовые обстоятельства (предмет посягательства, способ совершения преступления, сам мотив, смягчающие и отягчающие обстоятельства и т. д.) могут быть значительно обусловлены спецификой взаимоотношений между виновным и потерпевшим (это отмечается, в частности, А. В. Наумовым) и оказать существенное влияние как на квалификацию преступления, совершенного на почве ревности, так и на всю уголовно-правовую оценку содеянного.

Ревность как мотив преступления, в частности убийства, получает неодинаковую оценку в юридической литературе именно в результате различного понимания низменности человеческих побуждений.

Многие авторы придерживаются точки зрения, согласно которой ревность выступает только в качестве низменного побуждения. Так, М. К. Анианц характеризует ревность как отвратительный пережиток прошлого². По мнению С. В. Бородин, ревность содержит недоверие, злобу и эгоизм³. Низменным, безнравственным мотивом называет ревность Б. С. Волков⁴. А. В. Наумов находит, что ревность выражает частноблаготворительный инстинкт и поэтому представляет собой низменное побуждение⁵.

Как чувство, в структуру которого входит потребность безграничного владения человеком и негативная реакция на его «отодвигание» кем-либо, понимает ревность К. К. Платонов⁶.

¹ Наумов А. В. Мотивы убийств. Учебное пособие. Волгоград, 1969, с. 84.

² Анианц М. К. Ответственность за преступления против жизни по законодательству союзных республик. М., 1964, с. 122.

³ Бородин С. В. Квалификация убийств по действующему законодательству. М., 1966, с. 109.

⁴ Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968, с. 97.

⁵ Наумов А. В. Указ раб., с. 55.

⁶ Платонов К. К. Краткий словарь психологических понятий. М.: Высшая школа, 1981, с. 126.

Анализ данных взглядов позволяет прийти к выводу, что отправным моментом подобного понимания ревности является убеждение в том, что она есть проявление частнособственнических инстинктов и, следовательно, только отвратительный пережиток прошлого, которого надо стыдиться⁷.

Представляется, что такое понимание чувства ревности не отражает специфики отношений между близкими людьми, в частности, между мужчиной и женщиной, характерной для настоящего времени и настоящего общества (имеется в виду социалистический уклад отношений).

Частнособственнические проявления в отношениях между полами имеют классовую основу и исторически преходящи. «Когда место матриархата заняла патриархальная семья, многобрачие стало привилегией мужчин. Рядом с законной женой, купленной у ее отца и посредством религиозного обряда включенной в семью супруга, жили его наложницы, которые во многих странах назывались «младшими женами»... Чувство ревности, пробуждавшееся на этой ступени в сердце мужа вследствие измены жены, не чувство ревности, но чувство собственника, приходящего в ярость, если кто-нибудь притрагивался к его собственности. Супружеская неверность не что иное, как преступление против собственности... Мужская ревность — это род чувства собственности. В сердце женщины она берет начало из чувства собственного достоинства»⁸.

Думается, будет вполне обоснован вывод о том, что в настоящее время мужская ревность в большинстве случаев также берет начало из чувства собственного достоинства и отношения собственности в данном случае неуместны.

Таким образом, не отрицая возможности низменных проявлений мотива ревности при наличии определенных обстоятельств, в основном субъективного характера, неверно, на наш взгляд, считать данный мотив низменным во всех случаях антисоциального поведения личности, аргументируя это существованием частнособственнических пережитков во взаимоотношениях между полами.

Н. И. Загородников утверждает, что ревность может побудить человека не только на плохие поступки, но и обусловить

⁷ Тугаринов В. П. Личность и общество. М.: Мысль, 1965, с. 15.

⁸ Лафарг П. Очерки по истории культуры. М.-Л., 1926, с. 213.

более внимательное отношение к человеку, которого ревнуешь⁹.

Э. Раал также находит, что ревность связана с глубоким, сильным чувством, целью которого не всегда должно быть старание сохранить другого человека при себе, оно может быть направлено на сохранение семьи в интересах детей¹⁰.

Некоторые авторы оценивают мотив ревности при совершении противоправного деяния в зависимости от того, была ревность обоснованной или нет.

Позиция указанных авторов представляется более правильной. Ревность как одна из разновидностей состояния человеческого сознания не может выступать окончательно определенным уголовно-правовым понятием, следовательно, не может быть заранее определено и уголовно-правовое качество ревности. Как одно из побуждений поведения человека, ревность порождает либо смягчающие, либоотягчающие обстоятельства, либо вообще не порождает их.

Исходя из вышеизложенного, необходимость обстоятельного теоретического анализа ревности как мотива преступного поведения вполне очевидна. Существующие в большинстве своем взгляды на данный мотив не могут, по нашему мнению, обеспечить дифференцированного подхода в уголовно-правовой и криминологической оценке преступления, совершенного по мотиву ревности. Указанная необходимость обусловлена также сравнительно небольшой изученностью мотива ревности в уголовно-правовой литературе, отсутствием качественной характеристики его понятия, криминологического анализа преступлений, совершенных по мотиву ревности и системы необходимых мер профилактики. В силу этого отправной точкой данного исследования будет теоретическое разграничение чувства ревности как чисто психологической категории и мотива ревности как побуждающего фактора преступного поведения.

В современном русском языке ревность определяется как «сильная и страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-либо любви или верности»¹¹.

Ревность обнаруживает себя прежде всего как чувство, выражающееся в неприятном, порой тяжелом и длительном

⁹ Загородников Н. И. Преступления против жизни. М., 1961, с. 142.

¹⁰ Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, вып. 263, с. 65.

¹¹ Даль В. Толковый словарь, 1955, т. 4, с. 88.

переживании. Являясь особой формой психического отражения, свойственной только человеку, чувство представляет собой устойчивое эмоциональное отношение, устойчивое психическое состояние человека; оно выступает как своеобразная «привязанность» к определенному кругу явлений действительности (или «отчужденность» от них), как известная «захваченность» ими...

Сущностью устойчивого чувства является сам характер субъективного отношения личности к данным явлениям, получающего выражение в помыслах и действиях человека»¹².

Итак, ревность как чувство — неприятное, мучительное, порой длительное и неотступное переживание. Его содержание формируется под воздействием психофизиологических, нравственных и социальных детерминантов. Имея, как и всякое другое чувство, биологическую основу — высшую нервную деятельность человека, ревность — чувство, не лишенное элемента социальности, так как отражает и регулирует взаимоотношения между людьми и определяется нравственными установками личности и социальной средой.

Оставаясь только переживанием, не вызвавшим никакого поступка, ревность, как таковая, не может оцениваться положительно либо отрицательно. Иными словами, чувства, переживаемые без тенденции к действию, не включаются в процесс деятельности человека и не могут служить критерием социально-психологических качеств личности. Ревность как чувство может участвовать в формировании определенных мотивов поведения личности, являться элементом их внутреннего содержания и придавать им специфический характер. Например, чувство ревности может привести к возникновению мотива мести, побудившего человека к совершению преступления.

При определенных обстоятельствах чувство ревности может само явиться мотивом преступного поведения. «Чувства могут переживаться так, что они становятся побудителями действия. Само возникшее переживание делается мотивом поступка человека, человек стремится реализовать свое переживание в действии»¹³.

«Мотивы — это связанные с удовлетворением определен-

¹² Яковсон П. М. Психология чувств. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958, с. 203—204.

¹³ Общая психология / Под ред. В. В. Петрова. М.: Просвещение, 1976, с. 110.

ных потребностей побуждения к деятельности»¹⁴. Рассматривая мотив как элемент субъективной стороны преступлений, следует ограничивать его факторами, способствующими сознательному осуществлению преступного действия. В связи с этим он должен включать в себя определенную программу и цель, обусловленные как устойчивыми личностными качествами, так и обстоятельствами внешней среды¹⁵.

В мотиве ревности выражается побуждение личности избавиться от неприятного, мучительного чувства (переживания). Его программа — определенная совокупность действий и их последовательность. Целей поведения, на наш взгляд, может быть несколько. Цель — как представленный в сознании человека результат его действия — включается в программу и полностью определяется социально-психологическими свойствами личности. Более отдаленная цель — избавление от страдания — одинакова для любой личности и поэтому является по своему характеру нейтральной, не являющейся показателем степени общественной опасности личности, совершившей преступление по мотиву ревности.

Поведение под влиянием ревности, трансформированной из чувства в определенный мотив, может быть различным. Например, стараясь избавиться от неприятного переживания, человек может уехать в другой город, сменить место работы и т. п., чтобы забыть таким образом человека, любовь к которому вызвала ревность. В этом случае нет антиобщественного поведения, следовательно, нет и антиобщественного содержания мотива ревности.

Ревность как осознанное побуждение к действию, имеющее определенные цели, может вызвать поступки, порицаемые с точки зрения общественной морали. В данном случае степень общественной опасности подобных поступков (например, навязчивого преследования, угроз покончить жизнь самоубийством и т. п.) обычно невелика и они в большинстве случаев не влекут уголовной ответственности.

Ревность может побудить человека к совершению и антиобщественного поступка, обладающего высокой степенью общественной опасности, в частности, такого тяжкого преступления, как убийство. В этом случае антиобщественное содержание мотива ревности будет обуславливаться, с одной

¹⁴ Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972, с. 122.

¹⁵ Якобсон П. М. Чувства, их развитие и воспитание. М.: Знание, 1976, с. 37.

стороны, степенью развитости отрицательных свойств личности, с другой — внешними факторами (обстоятельствами внешней среды).

При совершении преступления возникает необходимость определения степени антиобщественного содержания мотива ревности. Она находится в зависимости от следующих факторов: 1) силы самого чувства ревности — длительности, неотступности, глубины переживания. Чем больше давление этого чувства на человека, тем больше стремление избавиться от него. Иногда оно может вызвать совершение преступления, хотя степень развитости антиобщественных свойств личности относительно невелика. «Переживание того или иного чувства, хотя оно подготовлено всем процессом развития человека, его опытом, возникает для самой личности очень часто произвольно и при этом иногда с неожиданной силой, удивляющей самого человека»¹⁶; 2) степени морального разложения личности, совершившей преступление. В некоторых случаях даже при сравнительно небольшом переживании чувства ревности такой человек может совершить тяжкое преступление. Иными словами, антисоциальная установка личности может отличаться большой глубиной и активностью. Она способна выражать готовность лица к совершению преступления независимо от характера ситуации¹⁷; 3) поведения потерпевшего. В тех случаях, когда оно является откровенно оскорбительным, то при сильном чувстве ревности преступление может быть совершено лицом, степень морального разложения которого является весьма небольшой. «При совершении убийства по мотиву ревности было бы ошибочно не учитывать роль и поведение потерпевшего перед убийством или во время его совершения. Причина возникновения ревности может влиять не только на меру наказания виновного, но и на квалификацию его действий»¹⁸; 4) иных обстоятельств внешней среды, в частности, провоцирующего, антиобщественного поведения третьих лиц, распространяющих, например, злонамеренные, клеветнические измышления о потерпевшем, «подогревающих» виновного. Подобные обстоятельства также могут в значительной степени обусловить преступное поведение личности

¹⁶ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981, с. 37.

¹⁷ Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. М.: Юрид. лит., 1977, с. 62.

¹⁸ Дагель П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974, с. 193.

даже при сравнительно малом развитии отрицательных свойств в ее сознании.

Удельный вес каждого из перечисленных факторов формирования исследуемого нами мотива ревности, вызвавшего преступное поведение, должен учитываться при решении целого ряда задач. Он должен учитываться, в частности, при:

1) разработке и совершенствовании уголовного законодательства. Выявление определенных тенденций в преступлениях, совершаемых по мотиву ревности, может явиться достаточным основанием для изменения как составов преступлений, так и вида и размера наказания, следуемых за их совершение;

2) квалификации преступлений. Ревность как одно из побуждений поведения человека может учитываться какотягчающее обстоятельство, если имеет низменный характер. Она может приниматься во внимание и как фактор, формирующий смягчающее обстоятельство, влияющее на квалификацию преступления;

3) индивидуализации уголовной ответственности и наказания. «Мотивы и цели преступления тесно связаны с назначением наказания. Для избрания справедливой и целесообразной меры наказания прежде всего необходима правильная квалификация деяния, что невозможно без учета мотива и цели преступления. Без их учета невозможно и надлежащее исполнение требований принципа индивидуального наказания... Вряд ли кто будет возражать и против того, что индивидуализация отбытия наказания возможна без учета мотива и цели преступления»¹⁹;

4) разработке профилактических мер борьбы с преступлением данного вида. Криминологическое значение мотива ревности в связи с этим будет состоять в следующем. Во-первых, его анализ будет способствовать установлению причин и условий совершения отдельных преступлений, причин и условий преступности в целом. Во-вторых, изучение удельного веса и распространенности мотива ревности явится важным дополнением к изучению структуры преступности, так как структура мотивов непосредственно отражает удельный вес различных «асоциальных отклонений в сознании личности» и, следовательно, изучение мотива ревности необходимо для успешной разработки мер предупреждения преступлений. Наконец, в-третьих, мотив необходим для изучения личности преступника, а также научной типологии преступников.

¹⁹ Там же.

О СООТНОШЕНИИ МЕР ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И МЕР ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О. В. ФИЛИМОНОВ

Одним из важных условий повышения эффективности профилактики правонарушений, как отмечалось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении работы по охране порядка и усилении борьбы с правонарушениями»¹, является дальнейшая разработка и совершенствование мер по исправлению и перевоспитанию конкретных лиц с целью устранения или нейтрализации причин и условий возможных преступлений.

Можно выделить два основных направления, по которым осуществляется в настоящее время такого рода деятельность. Одним из них является исправление и перевоспитание лиц, осужденных за совершение преступлений к уголовным наказаниям в виде лишения свободы, исправительных работ, ссылки, высылки, а также лиц, условно осужденных и условно освобожденных от уголовного наказания с обязательным привлечением к труду, осуществляемое работниками администрации исправительно-трудовых учреждений, органов внутренних дел по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, и спецкомендатур, трудовыми коллективами по месту работы осужденных, членами наблюдательных комиссий при исполкомах местных Советов народных депутатов, другими формированиями и отдельными представителями государственных органов и общественности. Комплекс применяемых в связи с этим, помимо уголовного наказания, мер объединен общим названием «меры исправительно-трудового воздействия» и входит в предмет изучения исправительно-трудового права и исправительно-трудовой педагогики.

Другим, сравнительно новым, направлением, получившим широкое распространение лишь с середины 70-х годов, явля-

¹ См.: «Правда», 1979, 11 сент.

ется индивидуальное предупредительно-воспитательное воздействие, осуществляемое участковыми инспекторами органов внутренних дел, общественными пунктами охраны порядка и советами профилактики предприятий, учреждений, организаций, оперативными комсомольскими отрядами, добровольными народными дружинами и их представителями на определенные нормативными актами категории лиц: а) систематически нарушающих общественный порядок и правила социалистического общежития, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих паразитический образ жизни либо неоднократно в течение года подвергнутых административному воздействию за совершение правонарушений, по своему характеру и степени общественной опасности близко прилегающих к преступлениям; б) осужденных за совершение умышленных преступлений и, несмотря на применение мер государственного и общественного воздействия, не вставших на путь исправления. Применяемые при этом меры объединены под общим названием «меры индивидуальной профилактики преступлений» и изучаются криминологией в рамках учения о профилактике преступлений.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, наряду с отличиями, меры исправительно-трудового воздействия и меры индивидуальной профилактики обладают рядом общих черт.

Кроме того, согласно действующим нормативным актам, меры индивидуальной профилактики и меры исправительно-трудового воздействия могут применяться одновременно в тех случаях, когда проводится предупредительная работа с лицами, совершившими умышленные преступления и осужденными к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы (исправительным работам, ссылке, высылке). В настоящее время сложилось такое положение, при котором к данным лицам могут применяться меры, одновременно осуществляемые органами, исполняющими наказания, не связанные с лишением свободы, и участковыми инспекторами органов внутренних дел. Поскольку они, как правило, опираются в своей работе на одни и те же государственные и общественные формирования и отдельных лиц по месту работы и жительства профилактируемого, то последние, если рассуждать теоретически, должны в одно и то же время осуществлять как исправительно-трудовое, так и индивидуально-профилактическое воздействие.

Совпадение функций исправительно-трудового воздейст-

вия и индивидуальной профилактики можно наблюдать и в тех случаях, когда необходимо оказать лицу, совершившему умышленное преступление, по отбытии наказания из мест лишения свободы помощь в социальной адаптации (трудовое и бытовое устройство по избранному месту жительства). Условия и порядок применяемых при этом мер одновременно регулируются как исправительно-трудовым законодательством, так и нормативными актами по индивидуальной профилактике.

Поэтому в юридической литературе обращалось внимание на необходимость уточнения соотношения мер исправительно-трудового и индивидуально-профилактического воздействия. Например, в одной из своих работ И. И. Карпец отмечает: «Практика пока что заставляет разрабатывать методы как предупредительной, так и воспитательной работы с лицами, совершившими преступления, в рамках двух наук — криминологии и исправительно-трудового права... Вероятно, настало время определить, кто, чем, в каких пределах и в какой степени должен заниматься. Все, что касается работы с осужденными к лишению свободы, разработано в той или иной степени и внедряется в практику. Определенное осмысливание ведется и в отношении тех, кто осужден условно (надзор со стороны суда) и условно с обязательным привлечением к труду (созданы специальные управления в системе МВД СССР). Приговоренным же к другим видам наказания, не связанным с лишением свободы, «повезло» гораздо меньше, они, образно говоря, пасынки у науки и у практики, кто и как должен ими заниматься — неясно. В этом смысле гораздо больше внимания (есть разработанные методики воспитательной работы) уделяется даже тем, кто еще не совершил преступления, но взят на учет общественностью либо милицией как человек, аморально себя ведущий»².

При оценке актуальности затронутой проблемы следует, как нам представляется, учитывать, что ее решение, помимо вышенизложенного, позволит уточнить некоторые другие вопросы, находящиеся, условно говоря, «на стыке» исправительно-трудового права и криминологии.

Например, в юридической литературе последних лет высказывается мнение о том, что применение всех видов уголовного наказания и иных форм уголовной ответственности (з

² Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права.— Советское государство и право, 1981, № 4, с. 72, 77.

не только лишения свободы, исправработ, ссылки и высылки) должно быть соединено с исправительно-трудовым воздействием³. Иными словами, речь идет о том, чтобы расширить круг лиц, могущих выступать объектом исправительно-трудового воздействия, за счет включения в него осужденных ко всем основным и дополнительным наказаниям (общественному порицанию, штрафу и т. д.). Представляется, что без решения вопроса о соотношении мер исправительно-трудового воздействия и мер индивидуальной профилактики преступлений трудно оценить актуальность этих предложений в свете того, что подавляющее большинство⁴ тех лиц, о которых идет речь (разумеется, если они, помимо применения уголовно-правовых мер, нуждаются в дополнительном воспитательном воздействии), уже отнесены действующими нормативными актами к числу лиц, являющихся объектом индивидуальной профилактики.

Некоторая сложность сопоставления названных групп мер предупредительно-профилактического воздействия обусловлена тем, что в юридической науке еще не достигнуто полного единства мнений по вопросу об определении круга мер, входящих в понятие исправительно-трудового воздействия. Отличительные признаки мер исправительно-трудового воздействия по-разному характеризуются и в литературе⁵.

³ Ременсон А. Л. Конституция СССР и некоторые вопросы исправительно-трудового права.— В сб.: Конституционные проблемы государства и права на современном этапе. Кемерово, 1979, с. 125—135.

⁴ Исключение составляют лица, осужденные за совершение неосторожных преступлений. Как отмечалось ранее, на индивидуально-профилактический учет с последующим предупредительно-воспитательным воздействием ставятся лишь лица, ранее судимые за умышленные преступления, тогда как исправительно-трудовому воздействию подлежат осужденные за любые преступления. Однако данное различие не может играть существенной роли, поскольку известно, что неосторожные преступления составляют в структуре преступности лишь 9—12% (См.: Криминология. М.: Юрид. лит., 1979, с. 283). Кроме того, представляется, что отсутствие в действующих нормативных актах по индивидуальной профилактике указания на возможность постановки на профилактический учет лиц, ранее совершивших неосторожные преступления и после применения мер воздействия не ставших на путь исправления, является определенным «пробелом» в законодательстве. Несмотря на то, что в целом рецидив преступлений, совершаемых такими лицами, сравнительно невелик, в конкретных случаях все же может возникнуть необходимость в дополнительном воспитательно-профилактическом воздействии.

⁵ См.: Багрий-Шахматов Л. В., Гуськов В. И. Теоретические проблемы классификации уголовных наказаний. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1971, с. 89; Советское исправительно-трудовое право.

Соотношение наказания и исправительно-трудового воздействия впервые было глубоко и обстоятельно исследовано профессором А. Л. Ременсоном, который показал, что меры исправительно-трудового воздействия лежат за пределами содержания наказания. В его же работах уделено специальное внимание признакам, позволяющим отграничить меры исправительно-трудового воздействия от других воспитательных мер.

А. Л. Ременсон обращает внимание на то, что «не находят подтверждения в истории, в действующем законодательстве и практике перевоспитания осужденных попытки придать конституирующее для мер исправительно-трудового воздействия значение таким признакам, как: а) наличие специализированных органов применения; б) возложение на осужденных особых правовых обязанностей; в) наличие особой правовой ответственности осужденных за уклонение от примененных к ним мер исправительно-трудового воздействия⁶. К числу общих отличительных признаков мер исправительно-трудового воздействия он относит наличие: 1) особого объекта воздействия (осужденный преступник); 2) особой цели воздействия (исправление и перевоспитание); 3) определенной педагогической специфики исправительно-трудового воздействия, получающей свое отражение в особых формах воспитательной работы, например, таких, как обсуждение преступления, приговора на общем собрании, контроль, посещение на дому, прикрепление индивидуальных и коллективных шефов, отчеты осужденных и т. д.⁷.

Вышеизложенные соображения относительно особенностей мер исправительно-трудового воздействия создают, как нам представляется, необходимую научную основу, опираясь на которую можно определить соотношение названных мер с мерами индивидуальной профилактики преступлений.

М.: Академия МВД СССР, 1977, с. 201; Стручков Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы Советского исправительно-трудового права). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: 1963, с. 11; Стручков Н. А. Исправительно-трудовое или уголовно-исполнительное право, с. 72.

⁶ Ременсон А. Л. Меры исправительно-трудового воздействия в связи с постановкой вопроса об уголовно-исполнительном законодательстве.— В сб.: Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981, с. 186.

⁷ См.: Ременсон А. Л. Конституция СССР и некоторые вопросы исправительно-трудового права, с. 132.

Как упоминалось ранее, меры исправительно-трудового воздействия и меры индивидуальной профилактики преступлений имеют как общие, так и отличительные признаки.

Общим для данных мер является то, что они: 1) не являются мерами уголовной ответственности и не содержат в себе элементов кары, присущих наказанию⁸; 2) осуществляются на основе единых принципов коммунистического воспитания трудящихся и общих положений советской педагогики; 3) направлены на достижение общей цели (исправление и перевоспитание лиц, обнаруживших своим поведением склонность к совершению преступлений) и решение одних и тех же конкретных задач, каковыми являются: а) исправление и перевоспитание лиц, являющихся объектом профилактического воздействия; б) устранение в случае необходимости неблагоприятного влияния на профилактируемого внешних условий, например, таких, как отрицательное влияние со стороны других лиц, наличие объективных трудностей в достижении социально полезных целей и т. п.; 4) имеют педагогическую специфику, что проявляется в использовании целого ряда одних и тех же методов и форм воспитательного воздействия. Как в исправительно-трудовом, так и в индивидуально-профилактическом воздействии используются методы убеждения, принуждения, поощрения, примера, упражнения (главным образом в виде общеобразовательного и трудового обучения и воспитания), внушения, оказания помощи в социальной адаптации. Примером использования общих форм воспитания могут послужить такие, как обсуждение поведения лица на собрании коллектива трудящихся, на заседании совета профилактики предприятия, учреждения, организации, контроль за поведением по месту работы и жительства, прикрепление индивидуальных и коллективных шефов, вызов или принудительный привод в профилактический орган для индивидуальной беседы, вынесения предупреждения, официального предостережения и др.; 5) имеют общую административную юридическую природу, если иметь в виду отраслевую принадлежность норм, определяющих их организационно-правовые формы (применение правового принуждения в виде воз-

⁸ См.: Уткин В. А. О правовой природе воспитательных мер, применяемых к осужденным за преступления.— В сб.: Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981; Филимонов О. В. О понятии индивидуальной профилактики и ее месте в системе мер предупреждения преступности.— В сб.: Актуальные вопросы правоведения. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978, вып. 2, с. 94—98.

ложения определенных обязанностей, запретов и т. д.)⁹.

Если проанализировать отличия между группами мер исправительно-трудового и индивидуально-профилактического воздействия, то можно сделать вывод о том, что они не имеют принципиального значения.

Наиболее существенным отличием является то, что меры исправительно-трудового воздействия и меры индивидуальной профилактики применяются на различной правовой основе. Правовым основанием применения мер исправительно-трудового воздействия является, как известно, осуждение лица за совершение преступления. Общим правовым основанием применения мер индивидуальной профилактики является антиобщественное поведение лица, выразившееся в совершении умышленных правонарушений и продолжающееся несмотря на применение соответствующих мер государственного и общественного воздействия¹⁰. Представляется, однако, что данное различие есть различие в пределах общего как в свете ранее отмеченного совпадения наиболее важных, принципиальных черт названных групп мер, так и в связи с тем, что они имеют общее криминологическое основание, каковым является общественная опасность личности, обуславливающая реальную возможность совершения преступлений.

Можно отметить и то, что меры индивидуальной профилактики по своему объему несколько шире, чем меры исправительно-трудового воздействия, поскольку включают в себя не только воспитательные, но и некоторые, если можно так выразиться, «чисто» предупредительные меры, которые еще иногда называют «мерами безопасности» (правоограничения, налагаемые на лицо при административном надзоре и т. п.). В системе мер индивидуальной профилактики данные меры занимают весьма небольшое место и поэтому не могут обусловить общих существенных отличий между названной группой мер и мерами исправительно-трудового воздействия.

Иные различия между мерами исправительно-трудового воздействия и мерами индивидуальной профилактики также не носят общего характера, а проявляются лишь при соотношении индивидуально-профилактического воздействия с исполнением отдельных видов уголовного наказания, главным об-

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Филимонов О. В. К вопросу о законодательном определении основания применения принудительных мер в процессе индивидуальной профилактики преступлений.— В сб.: Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981, с. 152—153.

разом — с лишением свободы. Существующие здесь специфические особенности определяются особыми условиями изоляции от общества, в которых осуществляется предупредительно-воспитательное воздействие на лиц, лишенных свободы. Отсюда, например, в местах лишения свободы используется такая форма воспитательной работы, как привлечение осужденных к участию в особых самодеятельных организациях, чего нет при осуществлении индивидуальной профилактики.

Очевидно, что такого рода различия не могут обуславливать принципиальных отличий между мерами исправительно-трудового воздействия на лиц, лишенных свободы, и мерами индивидуально-профилактического воздействия на иных лиц, склонных к совершению преступлений. Свидетельством тому является, например, исправительно-трудовая педагогика, охватывающая вопросы воспитательной работы с лицами, осужденными к различным наказаниям, несмотря на известную специфику каждого из них.

Некоторые различия в формах исправительно-трудового воздействия и индивидуальной профилактики могут проявляться даже при совпадении как условий, так и объекта воспитания, что, по-видимому, можно объяснить, во-первых, определенной самостоятельностью формирования и развития данных направлений предупредительной работы, а во-вторых, более совершенным правовым регулированием деятельности органов, исполняющих уголовное наказание.

Отсюда, например, согласно действующему законодательству (ст.ст. 85, 86, 97 УТК РСФСР), лицам, отбывающим уголовное наказание в виде исправительных работ или ссылки, могут применяться такие меры поощрения, как объявление благодарности, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, разрешение выезда на время отпуска за пределы административного района (для ссыльных), представление к условно-досрочному освобождению или замене наказания более мягким (для лиц, отбывающих исправительные работы). Кроме того, к ним могут быть применены следующие меры взыскания: выговор, замечание (для лиц, отбывающих исправительные работы), ограничение местожительства (для ссыльных). Действующими нормативными актами, регулирующими деятельность по осуществлению индивидуальной профилактики преступлений со стороны данных лиц, применение перечисленных мер не предусмотрено. Эти отличия, разумеется, также являются частными и не могут повлиять на решение рассматриваемого вопроса по существу.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводу об однородности мер исправительно-трудового воздействия и мер индивидуальной профилактики преступлений.

Поэтому существует возможность и целесообразность создания в системе наук, занимающихся проблемами борьбы с преступностью, единой отрасли специальной педагогики, которая изучала бы проблемы исправления и перевоспитания лиц, обнаруживших своим устойчивым противоправным поведением склонность к совершению преступлений.

В связи с этим следует отметить, что в литературе высказано предложение о создании в системе юридических наук так называемой «криминологической педагогики», трактуемой как частная криминологическая теория, призванная заниматься педагогическими проблемами индивидуальной профилактики¹¹. А. И. Алексеев, автор этой точки зрения, выступает за одновременное сосуществование исправительно-трудовой и криминологической педагогики, основываясь, главным образом, на специфике воспитательной работы с лицами, лишенными свободы¹². Такое решение вопроса представляется не вполне отвечающим требованиям необходимости и целесообразности, поскольку, как мы пытались показать, специфика воспитательной работы с отдельными категориями лиц, нуждающихся в профилактическом воздействии, не может в данном случае препятствовать образованию единой отрасли науки. Такую науку можно было бы предположительно назвать криминальной педагогикой (хотя, разумеется, не в названии дело) и построить ее систему таким образом, чтобы наряду с общим разделом, включающим в себя принципиальное положение о исправлении и перевоспитании лиц, от которых можно ожидать совершение преступлений, были предусмотрены соответствующие разделы, посвященные специальным вопросам этой работы с лицами, ранее не судимыми, с лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, с лицами, осужденными к лишению свободы, и, наконец, с лицами, отбывшими уголовное наказание и нуждающимися в закреплении результатов исправления. Можно предположить, что создание такой науки будет способствовать объединению и последующей систематизации знаний, передового опыта, накопленных наукой и практикой, и тем самым сыграет позитивную роль в борьбе с преступностью.

¹¹ См.: Алексеев А. И. Криминология и педагогика.— Советское государство и право, 1979, № 10, с. 89—93.

¹² Там же, с. 93.

ЦЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СРЕДСТВА ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

А. С. ЧЕРВОТКИН

В социалистическом обществе основным направлением в борьбе с преступностью является предупреждение преступлений. Уголовное наказание, как известно, используется государством в качестве неглавного, вспомогательного средства ликвидации преступности. Вместе с тем не следует умалять его роль. В современных условиях уголовное наказание как средство предупреждения преступлений еще имеет важное значение, в том числе в деле предупреждения новых преступлений со стороны лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности.

Ликвидацию преступности Программа КПСС связывает с искоренением ее причин, что возможно лишь на пути решения задач коммунистического строительства в нашей стране¹. Наказание же должно быть организовано таким образом, чтобы оно способствовало искоренению преступности (ст. 1 Основ ИТЗ). В связи с этим, на наш взгляд, действующим законодательством (ст. 20 Основ уголовного законодательства) определены специальные и непосредственные цели, которые призвано достигать уголовное наказание: исправление и перевоспитание осужденных, предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами.

Цели наказания дифференцируются, в частности, в зависимости от круга лиц, на которых направлено его воздействие. Отсюда — деление целей наказания на специальное предупреждение (воздействие на лиц, осужденных за преступления с целью предотвращения с их стороны новых преступлений) и общее предупреждение (воздействие на иных, не совершивших преступлений лиц, чтобы они также не совершали преступлений).

¹ Программа КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 106.

Уголовный закон в качестве одной из целей наказания выделяет предупреждение новых преступлений со стороны осужденного, в литературе называемое специальным (или частным) предупреждением. При всей дискуссионности проблемы целей наказания в советском уголовном праве большинство ученых выделяют специальное предупреждение в качестве одной из самостоятельных целей наказания. Вместе с тем в юридической литературе по вопросам определения содержания и механизма достижения специального предупреждения все еще нет единства взглядов.

В самом общем виде специальное предупреждение как цель уголовного наказания заключается в том, чтобы посредством наказания не допустить совершения новых преступлений со стороны лица, уже осужденного за преступление. В этом смысле понятие «специальное предупреждение преступлений» включает в себя все то, чем характерно наказание с точки зрения его влияния на осужденного (так называемое «специальное предупреждение в широком смысле»²).

При таком рассмотрении в качестве средств достижения цели специального предупреждения, а равно в качестве ее подцелей, можно выделить исправление и перевоспитание, устрашение осужденного и создание условий, исключающих возможность совершения им новых преступлений³.

Однако рассмотрение исправления и перевоспитания только в качестве средства специального предупреждения обедняет содержание этого процесса. Исправление предполагает переделку внутреннего мира осужденного. Достижение этой цели связывается с изменением личности в социально полезном направлении, а не просто с отсутствием рецидива.

Исправление и перевоспитание считается достигнутым в случае приобретения осужденным «прочной привычки сознательного и добровольного соблюдения элементарных правил поведения гражданина в социалистическом обществе, которое обеспечивает возвращение его к честной трудовой жизни и исключает реальную возможность совершения им новых преступлений»⁴.

Эта цель, таким образом, имеет глубокий общесоциальный

² Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970, с. 85.

³ Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Изд-во Саратовск. ун-та, 1973, с. 141.

⁴ Ременсон А. Л. Понятие и критерии перевоспитания заключенных.— Тр. Томск. ун-та. Томск, 1966, т. 183, с. 189.

смысл: воспитание социально полезного члена социалистического общества. Поскольку наказание само по себе имеет ограниченные возможности для решения таких задач, оно соединяется с целым комплексом мер исправительно-трудового воздействия (ст.ст. 1, 2, 4 Основ ИТЗ). Поэтому исправление и перевоспитание выходит за рамки специального предупреждения, решаемого средствами уголовного наказания, и его следует считать одной из важных и самостоятельных целей наказания.

В литературе высказано мнение, что «специальное предупреждение в том смысле, какой вкладывается в него законодательством, представляет собой предупреждение совершения новых преступлений наказанным лицом посредством лишения его фактической возможности повторения преступления, а также путем устрашения»⁵. Таким образом, цель специального предупреждения преступлений заключается в предотвращении новых преступлений со стороны осужденных не путем их исправления, а иными средствами.

Оставаясь в рамках специального предупреждения, устрашение осужденного достигается непосредственно наказанием, карательными ограничениями, входящими в его содержание. Осужденного удерживает в этом случае от совершения нового преступления страх перед наказанием, «опредмеченный» его прошлым опытом, боязнь подвергнуться вновь карательным мерам.

Если механизм перевоспитания, а также устрашения достаточно глубоко освещен в юридической литературе, этого нельзя сказать о специальном предупреждении преступлений путем ограничения или лишения возможности совершить новое преступление. На наш взгляд, ограничение возможности совершить новое преступление следует рассматривать в качестве непосредственной и специфической цели уголовного наказания в рамках цели специального предупреждения. Ее можно назвать специальным уголовно-правовым предупреждением в собственном смысле слова.

Значение наказания как специфического средства защиты общественных отношений от преступных посягательств подчеркивал К. Маркс. Он писал: «Скажем прямо, без всяких

⁵ Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 1965, с. 22. Такой же позиции придерживается Н. А. Беляев (См.: Цели наказания и средства их достижения в ИТУ. Изд-во Ленингр. ун-та, 1963, с. 35).

длинных повторений: наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия»⁶. Одно из проявлений действия наказания как средства самозащиты общественных отношений против преступных посягательств заключается в ограничении или лишении преступника возможности совершать новые преступления. «Если... многократно судимого человека, совершившего тяжкое преступление, приговаривают к максимальному сроку наказания, то тем самым общество защищает себя от этого преступника на длительный период»⁷, — отмечает И. И. Карпец.

Совершая преступление, лицо «самозаявляет» о своей опасности для общества⁸, которая заключается в возможности совершения им нового преступления. Поэтому одной из целей последующего воздействия на это лицо является необходимость устранения этой возможности. Отсюда одним из проявлений специального предупреждения преступлений как цели наказания является именно воспрепятствование совершению осужденным нового преступления не путем переделки личности или ее устрашения, а путем устранения возможностей, условий, при наличии которых новое преступление может быть совершено, путем создания условий, препятствующих его совершению.

Указывая на ограниченный характер такого средства специального предупреждения, как лишение возможности совершить новое преступление, А. И. Марцев утверждает, что «специальное предупреждение преступлений есть особое психолого-воспитательное воздействие на сознание и волю людей» и поэтому «основная нагрузка в механизме специального предупреждения падает на устрашение и воспитание»⁹. Действительно, специальное предупреждение есть воздействие на сознание и волю осужденных, но которое, на наш взгляд, может выражаться и в виде ограничения или лишения осужденных возможности совершать новые преступления.

Воздействие на поведение людей, их волю и сознание осуществляется различными путями. Воспитание (перевоспита-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 8, с. 531.

⁷ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973, с. 140.

⁸ Никифоров Б. С. Наказание и его цели. — Советское государство и право, 1981, № 9, с. 68.

⁹ Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Изд-во Омской ВШ МВД СССР, 1977, с. 23—24.

ние) есть целенаправленное воздействие на личность с целью ее формирования или изменения. Устрашение — это воздействие угрозы наказанием на сознание и волю лица с целью удержания его от противоправного поведения. Однако наказание, как и право в целом, регулирует поведение людей не только такими способами, но и опосредованно, через установление «рамочек» поведения, запретов на совершение определенных действий, возложения обязанностей к активному правомерному поведению¹⁰, через ограничение социальных возможностей лица на совершение определенных действий, в том числе и преступлений. В условиях исполнения наказания соблюдение осужденными предписанных им правил поведения жестко контролируется, тем самым существенно снижается возможность совершения ими новых преступлений.

Вместе с тем решение задачи специального предупреждения является важной предпосылкой достижения цели исправления осужденных. Ведь устранение условий, которые могут способствовать совершению новых преступлений, предполагает и устранение тех условий формирования личности, которые привели осужденного к преступлению. «Человека можно исправить и перевоспитать,— пишет Н. А. Беляев,— если прекратить воздействие на него тех факторов, которые привели к появлению в его сознании пороков, толкнувших на путь преступления (преступная среда, пьянство, тунеядство и т. д.)¹¹. К. Маркс отмечал, что «люди суть продукты обстоятельств и воспитания... следовательно, именившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания»¹². На наш взгляд, специфичность психолого-воспитательного воздействия при достижении цели специального предупреждения следует понимать и таким образом.

Задача специального предупреждения решается в течение всего времени исполнения наказания, но особенно важна на первых этапах, так как ее невыполнение создает большие трудности в достижении других целей наказания. Выполнение цели специального предупреждения в ряде случаев не совпадает с моментом исправления осужденных, а также с моментом окончания срока наказания. При решении задач исправления до окончания срока наказания цель специального пре-

¹⁰ Об этом см., например: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978, с. 30—31; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966, с. 65.

¹¹ Беляев Н. А. Указ. раб., с. 54.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

дупреждения также достигается не позднее этого момента. В этом случае уже нет необходимости ограничивать социальные возможности осужденного в целях исключения условий для совершения новых преступлений. Эта цель может быть достигнута и до достижения цели исправления: в таком случае осужденный хотя еще не исправлен, но уже созданы условия, исключающие возможность совершения им нового преступления. Необходимость решения задачи специального предупреждения может и выходить за рамки срока наказания в случаях, когда осужденный не исправлен. Тогда эта задача решается в течение сроков судимости¹³. Но в этом случае цель специального предупреждения уже не является целью наказания.

Цель специального предупреждения преступлений путем ограничения или лишения возможности совершать новые преступления всегда ставилась в советском законодательстве, хотя ее выражение в законе менялось. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. в ст. 9 предусматривалось, что «обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его». УК РСФСР 1922 г. устанавливал, что «наказание... применяется с целью: а) общего предупреждения новых правонарушений как со стороны нарушителя так и со стороны других неустойчивых членов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений» (ст. 8). Ст. 4 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик гласила: «Меры социальной защиты применяются в целях: а) предупреждения преступлений; б) лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденных». УК РСФСР 1926 г. устанавливал, что «меры социальной защиты применяются в

¹³ Мы согласны с мнением Б. С. Никифорова, что «определенные правоограничения, вызванные наличием судимости... имеют не карательный, а предохранительный характер». (Никифоров Б. С. Указ. раб., с. 69). Эту функцию, на наш взгляд, выполняют, например, ограничения, присущие административному надзору.

целях: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их; б) воздействия на других неустойчивых членов общества и в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся»¹⁴.

В действующем законодательстве цель специального предупреждения как лишения преступника возможности совершения новых преступлений специально не называется, но, несомненно, эта цель подразумевается законодателем.

Стоящая перед наказанием с самого начала его исполнения цель специального предупреждения может выражаться по-разному в зависимости от вида наказания. В случае применения смертной казни она выступает как обезвреживание, при этом преступник лишается физической возможности совершить новое преступление¹⁵. Нам представляется недостаточно обоснованным мнение тех авторов, которые утверждают, что при применении смертной казни цель специального предупреждения не ставится, так как обращенное к конкретному преступнику такое наказание необратимо. Действительно, если понимать под специальным предупреждением только устрашение и воспитание, то эту цель перед наказанием в виде смертной казни ставить бессмысленно, в таком случае уже некого исправлять или устрашать. По нашему мнению, частнопредупредительный эффект этого наказания заключается именно в его необратимости, в лишении преступника физической возможности повторения преступлений, что гарантирует обществу отсутствие рецидива с его стороны.

При применении лишения свободы специальное предупреждение выступает в виде лишения осужденного фактической возможности совершать преступления почти всех категорий, что обеспечивается внешней изоляцией, охраной и постоянным надзором за поведением осужденных в местах лишения свободы (ст. 19 Основ ИТЗ).

И в то же время нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что лишение осужденных возможности совершать новые преступления в качестве средства специального предупреждения можно рассматривать только по отно-

¹⁴ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1953 гг. М.: Госюриздат, 1953.

¹⁵ На наш взгляд, не правы те авторы, которые раскрывают содержание цели специального предупреждения через понятие «лишение физической возможности совершать преступления» по отношению к наказанию вообще, тогда как это свойственно лишь смертной казни. (См., например: Ной И. С. Указ. раб., с. 141).

шению к лишению свободы¹⁶. На наш взгляд, применительно ко многим наказаниям, не связанным с лишением свободы, также можно говорить о лишении возможности совершать новые, но только, как правило, аналогичные или однородные преступления. В отношении же других преступлений следует говорить о снижении возможности их совершения. Наличие цели специального предупреждения у наказаний, не связанных с лишением свободы, подчеркивает Н. А. Беляев. По его мнению законодатель ставит ее в качестве основной, определяющей перед некоторыми видами наказания (запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ссылка, высылка, увольнение от должности)¹⁷.

Специально-предупредительный заряд различных видов наказания неодинаков. А такие наказания, как, например, штраф, общественное порицание, возложение обязанности загладить причиненный вред в том виде, в котором они существуют и исполняются сейчас, на наш взгляд, не могут выполнять функции лишения или ограничения возможности преступника совершить новое преступление.

Эта цель может быть достигнута путем установления ограничений социальных возможностей лиц, подвергнутых наказанию или другим мерам уголовно-правового воздействия, при использовании которых они могут совершить новые преступления, а также организацией контроля за их поведением. Причем эти ограничения могут быть по своему содержанию как карательными, так и некарательными. Особенно ярко выражен специально-предупредительный характер ряда таких, сравнительно новых институтов, как административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, условное осуждение (освобождение) с обязательным привлечением к труду, отсрочка исполнения приговора¹⁸.

Наличие такой «подцели» уголовного наказания, как лишение или ограничение преступника возможности совершать новые преступления (в рамках цели специального предупреждения), предполагает и существование специальных средств ее достижения. Поскольку эта «подцель» ставится перед нака-

¹⁶ Марцев А. И. Указ. раб., с. 23.

¹⁷ Беляев Н. А. Указ. раб., с. 61.

¹⁸ В редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1981 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1982, № 30, ст. 572.

занием, очевидно, специально-предупредительными свойствами должно обладать само наказание.

Рассматривая отношения, подвергающиеся ограничениям при исполнении наказания (имеется в виду карательно-воспитательный процесс в целом), А. Л. Ременсон выделяет: 1) права и пользующиеся правовой охраной фактические возможности поведения, которые могут быть непосредственно использованы для совершения новых преступлений и поэтому ограничены, например, запрет иметь колюще-режущие инструменты осужденным в местах лишения свободы; 2) права и охраняемые правом фактические возможности поведения, предоставление которых осужденному не может быть использовано им для совершения преступлений, но которые ограничиваются в целях реорганизации мотивов поведения осужденного¹⁹.

Ограничения отношений первой группы имеют своей непосредственной целью специальное предупреждение. Такие отношения могут рассматриваться как объект наказания лишь при условии, что их поражение выражает осуждение преступника, лишение его определенных (объективных) благ, соответствует характеру и опасности преступления и, являясь неблагоприятным для осужденного последствием преступления, способно причинять ему страдания и неприятные переживания в интересах преобразования его взглядов и привычек, создания контрмотивов преступного поведения²⁰.

При выполнении этих условий цель специального предупреждения достигается непосредственно исполнением наказания. Целенаправленность таких ограничений носит двоякий характер — ограничение возможности совершить новое преступление и реорганизация мотивов поведения осужденных. Соотношение этих функций наказания таково: наказание всегда предназначено для реорганизации мотивов поведения осужденного и одновременно для ограничения возможности совершить новое преступление, но вторую функцию реализуют, как правило, не все ограничения, входящие в содержание наказания.

Однако карательно-воспитательный процесс не исчерпывается ограничениями, входящими в содержание наказания. Существует целая группа ограничений, которые преследуют исключительно задачи непосредственно профилактического ха-

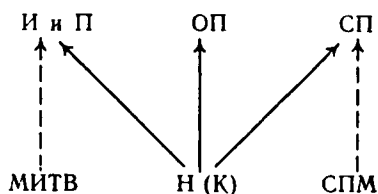
¹⁹ Ременсон А. Л. Указ. автореф., с. 39.

²⁰ Там же, с. 40.

рактера, а не причинения страданий в целях создания контр-мотивов преступного поведения.

На существование таких мер, которые по своему характеру не являются карательными, но которые нельзя назвать и «чисто воспитательными», уже обращалось внимание в юридической литературе²¹. На наш взгляд, это самостоятельная группа мер, которая предназначена для подкрепления специально-предупредительных возможностей наказания. Необходимость существования этой группы мер объясняется тем обстоятельством, что специально-предупредительные потенции самого наказания ограничены. Наибольший эффект в достижении цели специального предупреждения преступлений достигается при соединении с наказанием таких мер, которые можно назвать специально-предупредительными мерами, подобно тому, как для усиления воспитательных возможностей наказания применяются меры исправительно-трудового воздействия.

В целом, механизм действия целей наказания можно выразить схематично следующим образом:

где И и П — исправление и перевоспитание; ОП — общее предупреждение; СП — специальное предупреждение; МИТВ — меры исправительно-трудового воздействия; Н(К) — наказание (кара); СПМ — специально-предупредительные меры.

Специально-предупредительные меры (в дальнейшем изложении СПМ) представляют собой достаточно устойчивое и обособленное образование в карательно-воспитательном процессе. Этот комплекс мер, как одно из средств воздействия на осужденного, имеет черты единства и различия с другими

²¹ См., например: Ременсон А. Л. Указ. автореф., с. 40; Наташев А. Е. Правовая регламентация уголовного наказания и его исполнения в свете Конституции СССР.— Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказания.— Сборник ученых трудов Академии МВД СССР. М., 1981, с. 21 и др.

средствами воздействия — наказанием (карой)²² и «чисто воспитательными» мерами исправительно-трудового воздействия (в дальнейшем МИТВ).

Единство всех этих средств воздействия на осужденного заключается в том, что этот процесс происходит в одно и то же время, в одном и том же месте, исполняется одними и теми же органами, имея непосредственным правовым основанием приговор суда, а в качестве предпосылки — совершение преступления. Этот процесс можно назвать «кара т е л ь н о - в о с п и т а т е л ь н о - п р о ф и л а к т и ч е с к и м»²³.

Кроме того, единство наказания и СПМ проявляется и в том, что их содержанием являются ограничения социальных возможностей осужденных, используя которые, они могут совершать новые преступления. И наказание и СПМ направлены на выполнение одной общей задачи — специального предупреждения преступления со стороны осужденных.

За этим единством нельзя, однако, не видеть ряда существенных отличий между наказанием и СПМ.

1. Основанием применения наказания является преступление, наказание назначается за преступление, имеет возмездный характер. СПМ же применяется для того, чтобы не допустить со стороны осужденного совершения нового преступления. Основанием применения СПМ является общественная опасность как криминологическое свойство личности преступника. Преступление как критерий общественной опасности личности преступника является главным в том плане, что без него вообще нет смысла говорить о наличии такого свойства у личности и подвергать ее специально-предупредительным ограничениям, свойственным наказанию и соединяемым с ним. Степень общественной опасности личности преступника определяется характером и опасностью возможного в будущем преступления и степенью вероятности его совершения²⁴.

²² Мы не согласны с позицией И. С. Ноя, который утверждает, что «принуждение, лишенное элементов кары», входит в содержание наказания. (См.: О пределах кары в лишении свободы. — В сб.: Проблемы совершенствования советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961, с. 62).

²³ Этот термин, в известном смысле, условен, так как профилактическую функцию выполняют также карательные и воспитательные меры, мы подчеркиваем здесь специфичность СПМ, которые специально предназначены для решения предупредительных задач и применяются к осужденному наряду с карательными и воспитательными мерами.

²⁴ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Изд-во Томск. ун-та, 1981, с. 49.

Исходя из этого, характер и конкретный объем СПМ определяется характером и степенью общественной опасности личности преступника. Поэтому специально-предупредительный потенциал более строгих наказаний должен быть «мощнее» не только потому, что к ним приговариваются лица, совершившие более тяжкие преступления, но и потому, что от этих лиц можно ожидать и в будущем опасных преступлений, вероятность совершения которых достаточно высока. Этим же объясняется то обстоятельство, что более строгие наказания, видимо, нуждаются в более разветвленной и эффективной системе присоединяемых к ним СПМ. С другой стороны, конкретный объем СПМ не напрямую зависит от тяжести совершенного преступления, так как определяется прежде всего свойствами личности преступника. Поэтому вполне возможны случаи, когда в отношении конкретного лица, совершившего менее тяжкое преступление, требуется применить более «мощный» комплекс СПМ.

2. Различие наказания и СПМ ярко проявляется в механизме их действия. Наказание является преднамеренным причинением осужденному страданий и лишений, непосредственной их реализацией. СПМ по своей целенаправленности не являются ограничениями, призванными причинять страдания, хотя субъективно могут так восприниматься. Поэтому при реализации СПМ необходимо одновременно осуществлять мероприятия, направленные на то, чтобы не допустить возникновения неблагоприятных для осужденного последствий и связанных с этим ненужных неприятных переживаний, разъяснять целевое назначение установленных ограничений. В этой связи уместно напомнить пример А. Л. Ременсона: осужденным в местах лишения свободы запрещено иметь опасные бритвы, но разрешается иметь механические и электробритвы, а также организуются парикмахерские, постоянно обслуживающие осужденных ²⁵.

3. Наказание имеет три цели: исправление и перевоспитание, общее и специальное предупреждение. СПМ не предназначены для выполнения первых двух целей. В то же время содержание специально-предупредительной задачи наказания и СПМ различно: при наказании цель специального предупреждения достигается как устранением, так и ограничением возможности совершать новые преступления. СПМ не призваны выполнять функцию устрашения, они имеют одну непо-

²⁵ Ременсон А. Л. Указ. автореф., с. 41.

средственную цель — ограничение возможности совершать новые преступления.

4. Наказание и СПМ различны также по органам, их применяющим. Наказание применяет только суд, тогда как СПМ могут применяться и другими компетентными государственными органами.

5. Применение карательных мер ограничивается сроком наказания. СПМ могут соединяться с наказанием «последовательно», например, ограничения при осуществлении административного надзора. Поэтому если объектом воздействия наказания может быть только личность осужденного, объектом СПМ может быть и личность освобожденного от наказания.

Таковы, на наш взгляд, основные различия наказания и специально-предупредительных мер.

Являясь одним из средств воздействия на осужденного, СПМ отличаются также и от другого средства карательно-воспитательного процесса — мер исправительно-трудового воздействия (МИТВ): трудового воспитания, политико-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионального обучения и т. д.

1. Объектом специально-предупредительного воздействия являются отрицательные свойства личности преступника, ее общественная опасность, объектом же исправительно-трудового воздействия — личность в целом. Задача МИТВ состоит не только в искоренении и нейтрализации отрицательного, но и в развитии социально полезных качеств личности.

2. СПМ по своему содержанию есть ограничения социальных возможностей осужденных, используя которые, они могут совершить новые преступления. При этом одновременно могут быть ограничены и возможности проявления социально полезных качеств личности (например, при отмене разрешения проживать на квартире — для условно осужденных с обязательным привлечением к труду)²⁶. МИТВ по своему социальному содержанию не есть ограничение лица в благах или социальных возможностях, а, наоборот, предоставление благ.

3. Органами, устанавливающими и реализующими СПМ в процессе исполнения наказания, являются только государственные органы, исполняющие приговор, которые могут при-

²⁶ Музеник А. К. К вопросу об эффективности дополнительных правоограничений, применяемых к условно осужденным к лишению свободы с обязательным привлечением к труду.— В сб.: Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1981, с. 61.

влекать себе в помощь другие органы и общественность. МИТВ устанавливаются и реализуются не только органами, исполняющими приговор, но и другими государственными органами, а также общественностью²⁷.

4. Все СПМ, которым подвергается осужденный, обязательны для него и, в частности, обеспечиваются возможностью применения принудительных воздействий, исходящих от государства. Для МИТВ признак обязательности в отношении осужденного во многих случаях отсутствует. Например, у осужденных пожилого возраста нет правовой обязанности учиться в школе, даже если он не имеет восьмилетнего образования.

5. Цель МИТВ — исправление и перевоспитание осужденных. Непосредственной целью СПМ является ограничение или лишение возможности осужденного совершать новые преступления.

СПМ при исполнении уголовного наказания осуществляются в неразрывном единстве с самим наказанием и мерами исправительно-трудового воздействия, которое получает свое выражение в едином процессе нейтрализации и ликвидации отрицательных качеств и замещения их положительными качествами личности осужденных. СПМ занимают самостоятельное и специфическое место в системе средств воздействия на осужденного. Выполняя свою непосредственную функцию ограничения или лишения преступника возможности совершить новое преступление, они одновременно являются обеспечивающим средством для уголовно-карательного и исправительно-трудового воздействия.

СПМ, соединяемые с уголовным наказанием, по своей природе очень близки к мерам специально-криминологического индивидуального предупреждения преступлений²⁸. Можно даже сказать, что СПМ являются, в известном смысле, проявлением мер индивидуальной профилактики на уровне «последующей профилактики»²⁹. Вместе с тем, это особая группа

²⁷ Уткин В. А. О некоторых особенностях организационно-правовой формы мер воспитательного воздействия.— В сб.: Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981, с. 190.

²⁸ О мерах специально-криминологического индивидуального предупреждения см.: Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1977, с. 203—208.

²⁹ О «последующей профилактике» см., например: Филимонов О. В. О понятии индивидуальной профилактики и ее месте в системе мер предупреждения преступности.— В сб.: Актуальные вопросы правоведения. Томск, 1978, с. 97.

мер, которая, являясь одним из структурных элементов карательно-воспитательного процесса, имеет некоторые отличия от мер индивидуальной профилактики. В данном отношении специфика СПМ заключается в следующем: во-первых, основанием применения СПМ является общественная опасность личности преступника, то есть лица, совершившего преступление и подвергнутого мерам уголовной ответственности. Объектом индивидуальной профилактики являются лица, в поведении которых, хотя еще, возможно, и не преступном, обнаружилась склонность к совершению преступлений³⁰; во-вторых, юридической предпосылкой применения СПМ является, как правило, приговор суда, а правовой предпосылкой применения мер индивидуальной профилактики — постановление на профилактический учет органов внутренних дел; в-третьих, по содержанию СПМ являются ограничениями социальных возможностей, используя которые, осужденный может совершить новое преступление. Индивидуальная профилактика сочетает в себе «меры убеждения, принуждения и помощи; меры воздействия на лицо и окружающую среду»³¹; в-четвертых, СПМ устанавливаются и реализуются только органами, исполняющими приговор, тогда как меры индивидуальной профилактики применяются не только этими органами, но и другими государственными органами, а также общественностью.

В качестве основных черт, характеризующих соединяемые с наказанием специально-предупредительные меры, можно выделить следующие: по содержанию СПМ являются ограничениями социальных возможностей осужденных и освобожденных от наказания лиц, используя которые, они могут совершать новые преступления; СПМ не имеют карательного характера, не предназначены для причинения страданий и не должны устрашать; эти меры имеют своей непосредственной целью ограничение или лишение возможности совершать новые преступления. Сделанные здесь выводы имеют прежде всего значение в качестве постановки вопросов. Мы не претендуем на завершенность затронутых проблем, полагаем, что дальнейшая разработка проблемы СПМ как своеобразного юридического явления, их соотношения и взаимодействия с другими элементами карательно-воспитательного процесса позволит в целом повысить эффективность уголовного наказания, успешнее бороться с рецидивной преступностью.

³⁰ Криминология. М., 1976, с. 207—209.

³¹ Теоретические основы предупреждения преступности, с. 204.

О НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ, ЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ДИСКУССИИ О ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В. Д. АРСЕНЬЕВ

Проблема презумпции невиновности давно дискутируется в науке советского уголовного процесса. С новой силой эта дискуссия возобновилась в связи со ст. 160 Конституции 1977 г., особенно после того, как Пленум Верховного Совета СССР принял постановление от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту», в котором сформулировал правило, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его вина не установлена вступившим в законную силу приговором. Правда, ни в ст. 160 Конституции, ни в уголовно-процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик такого правила нет, не вошло оно в него и после указанного постановления (в частности, в новой редакции Основ 1981 г.).

Между тем интенсивно нарастает число работ о презумпции невиновности, где дается трактовка ее, не только не имеющая сколько-нибудь серьезной опоры в законе, но прямо противоречащая ему. Одновременно разворачивается критика сторонников точного понимания и применения процессуального закона, причем в этой критике эмоциональная сторона явно превалирует над логикой и этикой.

В настоящей статье мы коснемся лишь некоторых аспектов происходящей дискуссии.

1. Выступает ли в настоящее время кто-либо из советских авторов вообще против презумпции невиновности? По мнению И. А. Либуса, к числу таковых авторов относятся Е. Г. Мартынич и В. Д. Арсеньев¹. Так, читаем у И. А. Либуса: «С рез-

¹ Мартынич Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975, с. 73—84; Арсеньев В. Д. К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР.— В кн.: Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1979, с. 55—61.

кими нападкамии на презумпцию невиновности выступил... Е. Г. Мартынчик»². И в другом месте: «Резким диссонансом со ст. 160 Конституции СССР прозвучало недавнее выступление против презумпции невиновности В. Д. Арсеньева»³.

Далее, «разделяваясь» с каждым из указанных «противников» презумпции невиновности, автор, однако, обнаруживает, что они, вообще-то говоря, таковыми не являются. «Окончательный вывод Е. Г. Мартынчика обескураживает. После того, как он «опроверг» презумпцию невиновности, вдруг мы с удивлением узнаем, что она все-таки существует в советском уголовном процессе, но лишь до привлечения гражданина к уголовной ответственности...»⁴. С неменьшим «удивлением» автор, видимо, мог бы узнать о признании презумпции невиновности и в упомянутой работе В. Д. Арсеньева, тем более, что ей посвящена вся эта работа. Но автор не «замечает» этого, правда, он «открывает» признание презумпции невиновности В. Д. Арсеньевым в другой его работе⁵.

В чем же дело? А дело в том, что оба автора придерживаются иных, чем И. Л. Либус и многие другие авторы, взглядов на презумпцию невиновности⁶. Но поскольку И. Л. Либус презюмирует, видимо, и истинность своего взгляда на этот институт⁷, то взгляды Е. Г. Мартынчика и В. Д. Арсеньева квалифицируются им как направленные против презумпции невиновности вообще.

2. Каково отношение советского законодательства к презумпции невиновности? Дифференцируем сразу же этот вопрос — о какой формулировке презумпции идет речь? Если речь идет о так называемой «классической» формулировке, то ответ на поставленный вопрос будет, безусловно, отрицательным. Этот вывод следует из того, что, несмотря на неоднократные предложения включить указанную формулировку в Основы уголовного судопроизводства, этого не было сделано ни в 1958 г. при их принятии, ни в 1981 г. при принятии их новой редакции (Указ от 13 августа 1981 г.) в соответст-

² Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981, с. 76.

³ Там же, с. 80.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 63.

⁶ См. нашу рецензию на упомянутую книгу Е. Г. Мартынчика. (Исследование актуальной проблемы уголовного процесса.— Изв. АН Молдавской ССР, 1977, вып. 2, с. 95—96).

⁷ Отсюда, видимо, он рассматривает свою формулировку презумпции невиновности как «классическую». (Указ. раб., с. 51).

вии с Конституцией 1977 г. Не приняла такого предложения и Конституционная комиссия в 1977 г., хотя в печати публиковались предложения о включении указанной формулировки в Конституцию (В. М. Савицкий, А. Д. Бойков).

Недвусмысленно отрицательная позиция законодателя к восприятию упомянутой формулы презумпции невиновности не смутила ее сторонников, и после принятия Основ 1958 г. они продолжали утверждать, что указанная формулировка нашла свое выражение в Основах⁸. В этой связи следует обратить внимание на нередко встречающуюся характеристику «классической» формулы презумпции невиновности как «объективного правового положения». Такая характеристика имеет, на наш взгляд, два смысла. Об одном из них говорится прямо: «объективное» положение закона о «невиновности» обвиняемого противопоставляется субъективному усмотрению следователя и суда, которые предполагают виновность обвиняемого⁹. Другой же смысл этой характеристики прямо не излагается, но угадывается без особого труда: речь идет о том, что указанная формула презумпции невиновности действует в уголовном процессе якобы независимо от того, сформулировал ее законодатель или нет. Иначе говоря, это положение как бы объективируется не только по отношению к следователю и суду, но и по отношению к самому законодателю! Повторяем, что так прямо никто из сторонников «классической» формулы презумпции невиновности не пишет, но это прямо вытекает из того, что они усматривают наличие указанной формулы в законе, хотя закон ее не содержит. Между тем очевидно, что об объективности правовых установлений можно в принципе говорить лишь в одном отношении: они обусловлены определенными объективными интересами и потребностями общества (господствующего класса). Но они всегда проходят через субъективное усмотрение законодателя, который, в свою очередь, может более или менее адекватно учитывать эти потребности. Отсюда не может быть таких правовых положений, которые бы действовали независимо от усмотрения законодателя. Могут быть лишь нормы и институты, которые недостаточно четко выражают волю законодателя, что и вызывает необходимость в толковании этих норм. Но если законодатель недвусмысленно отказывается включить какую-то предложенную ему норму в закон — в данном слу-

⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 350.

⁹ Там же, с. 352—353; Либус И. А. Указ. раб., с. 87.

чае «классическую» формулу презумпции невиновности, то это означает одно — он отвергает ее.

И. А. Либус в отличие от многих других сторонников «классической» формулы попытался осветить этот вопрос, но сделал это без должной объективности. Он пишет, что в период подготовки Основ уголовного судопроизводства дискуссия о презумпции невиновности «получила отзыв в выступлениях депутатов на сессиях Верховного Совета СССР»¹⁰. Далее приводятся выступления депутата Б. С. Шаркова на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва против включения в Основы презумпции невиновности и выступление депутата А. М. Румянцева ранее, на шестой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва с предложением включить презумпцию невиновности в закон. Но при этом читатель, по существу, вводится в заблуждение И. А. Либусом относительно характера указанных выступлений. Между тем выступление Б. С. Шаркова было сделано на сессии Верховного Совета СССР, принявшей Основы уголовного судопроизводства, и оно отражало позицию Комиссии законодательных предположений. Выступление же А. М. Румянцева отражало лишь его собственную точку зрения...

И. А. Либус уклонился от освещения того, что Конституционная комиссия отклонила упомянутое выше предложение о включении «классической» формулы презумпции невиновности в текст Конституции.

Вынужденный констатировать, что презумпция невиновности (в своем «классическом» виде) не была сформулирована в Основах, автор критикует тогдашние учебники по советскому уголовному процессу, в которых не содержалось указания на презумпцию невиновности. При этом он апеллирует ко Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в которой, по его мнению, указанная формула записана и за которую голосовала делегация СССР¹¹. Однако указанная декларация была известна Комиссии законодательных предположений при принятии Основ 1958 г., а она тем не менее не сочла возможным включить имевшуюся в декларации формулировку в Основы. И, добавим от себя, правильно сделала, ибо в Декларации записано не «презумпция невиновности обвиняемого» в ее специфическом процессуальном смысле, а общеправовая презумпция добропорядочности гражданина¹². Видимо,

¹⁰ Либус И. А. Указ. раб., с. 49.

¹¹ Там же, с. 51.

¹² Подробнее об этом см.: Арсеньев В. Д. Указ. раб., с. 61.

из этого же исходили и авторы критикуемых И. А. Либусом учебников.

3. Находится ли «классическая» формула презумпции невиновности в соответствии с советским уголовно-процессуальным законом? На этот вопрос необходимо дать безусловно отрицательный ответ: указанная формула прямо противоречит ст. 2 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. (сохранившейся в редакции 1981 г.), требующей не допускать привлечения к ответственности невиновных. Из этого требования следует, что закон не считает привлеченное к ответственности лицо невиновным. И. А. Либус, в отличие от других сторонников «классической» формулы презумпции невиновности, попытался опровергнуть указанный довод. Однако сделал он это весьма своеобразно. Им приводятся следующие три аргумента против указанного выше довода: а) ст. 2 Основ якобы говорит о двух «слитных» требованиях — недопущении привлечения к ответственности и осуждения невиновных; б) формула «привлечение к ответственности» может, по мнению И. А. Либуса, быть истолкована в «материально-правовом смысле»; в) указанное требование, наконец, «может быть истолковано как задача с преднамеренным завышением требований»¹³. Итак, первые два аргумента И. А. Либуса состоят в трактовке акта привлечения к ответственности не как акта привлечения лица в качестве обвиняемого, а как акта его осуждения. Такая трактовка встречается в литературе¹⁴, однако, она не имеет опоры в законе, ибо текст ст. 2 Основ недвусмысленно различает акт привлечения к ответственности обвиняемого и акт его осуждения¹⁵. Третий же аргумент И. А. Либуса противоречит, прежде всего, первым двум, ибо, исходя из него, получается, что автор все же рассматривает привлечение к ответственности как привлечение обвиняемого. Что же касается якобы «преднамеренного завышения требований», то оно по меньшей мере представляет нечто новое, невиданное ранее в законодательной технике.

Приведя эти взаимоисключающие аргументы, И. А. Либус приписывает В. Д. Арсеньеву следующее утверждение: «...В момент привлечения к ответственности лицо уже виновно»¹⁶.

¹³ Либус И. А. Указ. раб., с. 82.

¹⁴ Гуляев А. П. Следователь в советском уголовном процессе. М., 1981, с. 124—126.

¹⁵ См. также: Альперт С. А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков, 1974, с. 21.

¹⁶ Либус И. А. Указ. раб., с. 82.

Автор при этом не указывает, где в работе В. Д. Арсеньева помещено такое утверждение, ибо такового в критикуемой им работе нет! И. А. Либус сформулировал его сам, исходя из следующего рассуждения. Поскольку обвиняемый, по В. Д. Арсеньеву, не считается невиновным, он должен считаться виновным¹⁷. Между тем наши рассуждения идут по другому пути и, как мы полагаем, по пути адекватного толкования Основ и УПК. Привлеченное к ответственности лицо, действительно, не может считаться по закону невиновным, поскольку есть серьезные доказательства его виновности, которые и дают основания для привлечения лица в качестве обвиняемого и принятия к нему целого ряда принудительных мер, недопустимых в отношении невиновного. С другой стороны, признание лица виновным является исключительной прерогативой суда. Отсюда в период между привлечением к ответственности и осуждением (оправданием) обвиняемого последний не может считаться ни виновным, ни невиновным. Он — обвиняемый, это — особая, третья «ипостась» процессуального положения гражданина, в отношении которого идет расследование и рассмотрение уголовного дела. В указанном положении лицо может находиться определенный, весьма ограниченный процессуальными сроками период, после чего это лицо либо признается виновным, либо признается невиновным. Необходимо сразу же оговориться, что такого рода «третья ипостась» отнюдь не равнозначна институту «оставления в подозрении» в системе формальных доказательств средневекового розыска процесса. Оставление в подозрении было третьим видом приговора, в нашем же процессе приговоров может быть только два — обвинительный и оправдательный. А вот состояний, в которых пребывает соответствующее лицо, действительно три: невиновный — обвиняемый — виновный (невиновный). Такая трактовка процессуального положения обвиняемого в его динамике при производстве по делу не только соответствует точному текстуальному смыслу закона, но и создает действительные гарантии законных интересов личности, которые ограждаются не только от необоснованного осуждения, но и от необоснованного обвинения. Если же обвиняемый считается «невиновным», то этим, по существу, аннулируется принципиальная разница между лицом, при-

¹⁷ Объективности ради отметим, что такого рода примитивные рассуждения иногда высказывались в литературе (см., например, выступление Д. Филимонова — Лит. газ., 1964, 18 авг.) и встречали справедливую критическую оценку (См.: Известия, 1964, 10 сент.; 2 дек.).

влеченным к ответственности, и лицом, не привлеченным к ней — и тот, и другой «считаются невиновные»...

Но если в отношении непривлеченного к ответственности лица предположение или даже признание его невиновным справедливо в силу презумпции добропорядочности, которая у нас никем не отрицается, то в отношении привлеченного в качестве обвиняемого лица оно не только алогично, но и вредно, поскольку способствует безответственному отношению к акту обоснованного привлечения обвиняемого, а это, в свою очередь, способствует и необоснованному осуждению его. Анализ необоснованных приговоров весьма красноречиво свидетельствует о том, что корень большинства судебных ошибок заключается именно в актах необоснованного привлечения обвиняемых¹⁸. Отсюда «классическая» формула презумпции невиновности выступает как фактор, способствующий необоснованному осуждению граждан, а не гарантирующий их законные интересы.

4. Обеспечивает ли презумпция невиновности обвиняемого достижение истины по делу? М. С. Строгович положительно отвечает на этот вопрос¹⁹, Ч. С. Косумов идет дальше, считая, что с помощью презумпции невиновности в уголовном процессе достигается «абсолютная истина»²⁰.

Между тем истина по делу достигается, как известно, не с помощью презумпций, а путем доказывания. Если последнее приводит к достоверному установлению либо виновности обвиняемого, либо его невиновности, в презумпции невиновности нет вообще никакой необходимости. Эта необходимость возникает в связи с тем, что в ряде случаев достоверного установления фактических обстоятельств не удастся достигнуть, вопрос о виновности обвиняемого гносеологически остается открытым, и, поскольку, как уже отмечалось, действующее законодательство не дает право оставить обвиняемого в подозрении, он оправдывается, либо дело о нем прекращается и он полностью реабилитируется. Таким образом, презумпция невиновности выступает как важная гарантия законных интересов обвиняемого, но это не «классическая»

¹⁸ См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому уголовному законодательству. Иркутск, 1969, с. 48—49.

¹⁹ Строгович М. С. Указ. раб., с. 350.

²⁰ Косумов Ч. С. Презумпция невиновности в теории и практике советского уголовного судопроизводства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980, с. 10—11.

форма этой презумпции, а иная, которая формулируется следующим образом: обвиняемый считается невиновным, если его виновность не доказана в установленном законом порядке. Такая формулировка презумпции невиновности соответствует точному смыслу закона (п. 2 ч. 3 ст. 208 УПК РСФСР и др.), а в логическом отношении она действительно является презумпцией ²¹.

Итак, подлинная (не «классическая») презумпция невиновности обвиняемого выступает как издержка доказывания, когда приходится принимать решение в условиях дефицита доказательственного материала. На это правильно указывает Я. О. Мотовиловкер ²². И тут надо отдать должное И. А. Либусу: в этом вопросе он разошелся с другими сторонниками «классической» формулы презумпции невиновности и прямо указал на ошибочность утверждения о достижении «материальной истины» в части невиновности обвиняемого ²³.

С другой стороны, В. П. Нажимов выдвинул положение, которое осложняет вопрос о достижении истины при применении презумпции невиновности. Он пишет, что «вывод о неустановлении истины (недоказанности) из-за недостаточности доказательств в этом случае тоже истина, установить и объяснить которую суд обязан в той же мере, как и любую другую истину, имеющую значение для дела» ²⁴. Такое положение гносеологически некорректно, ибо в теории судебных доказательств требование истины относится только к установлению фактических обстоятельств дела — когда последние устанавливаются так, как они имели место в объективной действительности. Требование же обоснованного решения вопроса о прекращении дела (оправдании) за недоказанностью обвинения не соответствует никакой объективной реальности, и потому нет никаких оснований рассматривать его как «истинное».

²¹ И. А. Либус по существу признает это (Указ. раб., с. 17, 114, 175, 176), а затем весьма непоследовательно пытается все-таки утверждать, что презумпция невиновности не является фикцией (Указ. раб., с. 65). Однако его аргументы имеют не логический, а общеправовой и этический характер и потому совершенно несостоятельны.

²² Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978, с. 54, 58—61.

²³ Либус И. А. Указ. раб., с. 176.

²⁴ Нажимов В. П. Дискуссионные вопросы учения о принципах советского уголовного процесса.— В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1975, вып. 4, с. 15.

5. Является ли презумпция невиновности конституционным принципом советского уголовного процесса? Есть все основания отрицательно ответить и на этот вопрос, ибо не может быть конституционным принципом положение, которое прямо не записано в Конституции²⁵. В этой связи представляет интерес выступление А. С. Кобликова, который обоснованно указал на ошибочность интерпретации в литературе (И. Л. Петрухиным и др.) упомянутого выше постановления Пленума от 16 июня 1978 г., в котором презумпция невиновности якобы трактуется как «конституционный принцип»²⁶. На самом деле, как о конституционном принципе Пленум Верховного Суда говорит об осуществлении правосудия только судом.

Более того, представляется, что нет никаких оснований (уже вопреки мнению Пленума Верховного Суда СССР) вообще выводить из ст. 160 Конституции СССР правило о презумпции невиновности в его «классической» форме²⁷. Ст. 160 Конституции устанавливает исключительное право суда на признание лица виновным в преступлении и ничего не говорит о том, как должно рассматриваться указанное лицо до такого признания. Здесь закон произвольно интерпретируется. При этом игнорируется ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, которая, как уже отмечалось, не дает основания считать обвиняемого невиновным и которая сохранила эту редакцию после изменений, внесенных в Основы в 1981 г. в соответствии с Конституцией. В этой связи представляется правильным, чтобы Пленум Верховного Суда пересмотрел ту часть своего постановления от 16 июня 1978 г., в которой сформулирована «классическая» форма презумпции невиновности, не вытекающая из Конституции и противоречащая Основам.

6. Вытекают ли из презумпции невиновности правила об обязанности доказывания и о толковании сомнений в пользу обвиняемого? На этот вопрос мы также даем отрицательный ответ вопреки весьма распространенному в нашей литературе мнению, нашедшему свое выражение также в руководя-

²⁵ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981, с. 47.

²⁶ Кобликов А. С. Осуществление правосудия только судом — конституционный принцип уголовного судопроизводства. — Советская юстиция, 1980, № 23, с. 6—8. На это же правильно указывает А. П. Гуляев. (Указ. раб., с. 90—94).

²⁷ На это правильно указывает М. Л. Якуб. (Указ. раб., с. 60).

шем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г.

Правило об обязанности доказывания закреплено, как известно, в ст.ст. 3 и 14 Основ и является одним из проявлений принципа публичности уголовного процесса, а также принципа полноты, всесторонности, объективности исследования фактических обстоятельств дела. Именно исходя из этих принципов, обязанность по установлению фактических обстоятельств дела возлагается на следователя, суд и другие органы, ответственные за ведение процесса, ибо только они могут обеспечить проведение доказывания в соответствии с этими принципами. Введение же в качестве «основания» правила об обязанности доказывания по уголовному делу «классической» формулы презумпции невиновности придает этому правилу не свойственный публично-правовой природе уголовного процесса односторонне-обвинительный смысл: «обязанность доказывания обвинения лежит на обвинителе» (см.: п. 2 указ. постановления Пленума от 16 июня 1978 г.). Но подобное правило явно противоречит как ст. 14 Основ, так и ст. 40 Основ, требующим от прокурора в суде максимальной объективности в его позиции по отношению к подсудимому. Прокурор обязан не доказывать обвинение, а принять меры к всестороннему полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Он поддерживает обвинение, поскольку признает его доказанным, а в противном случае отказывается от него. Совершенно ясно, что сформулированное выше правило не соответствует указанным требованиям закона.

Правило толкования сомнения в пользу обвиняемого также нет никаких оснований выводить из презумпции невиновности, ибо оно опять-таки вытекает из принципа полного всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ), в частности, из требования ст. 43 Основ, не допускающей, чтобы обвинительный приговор был основан на предположениях. Более того, презумпция невиновности (в ее правильном понимании, указанном выше) есть лишь частный случай применения правила о толковании сомнения в пользу обвиняемого — случай, когда эти сомнения касаются вопроса о виновности и не могли быть преодолены.

Таковы наши основные соображения о происходящей дискуссии по вопросу трактовки презумпции невиновности в советском уголовном процессе. Мы не коснулись в настоящей статье целого ряда аспектов этой проблемы, ибо цель настоя-

щей статьи состояла не столько в том, чтобы привести дополнительные аргументы против распространенной «классической» формулы презумпции невиновности, сколько в том, чтобы обратить внимание нашей научной общественности на недостаточный уровень происходящей дискуссии в части аргументов, приводимых в защиту упомянутой «классической» формулы.

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Н. П. ТУТЫШКИН, Е. С. КОБА

Всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан является программной задачей партии¹. Дальнейшую разработку идеи демократизации и гуманизации нашего общества получили в решениях XXVI съезда КПСС². Законодательно они закреплены в Конституции 1977 г., в которой среди множества демократических прав и свобод граждан провозглашается право обвиняемого на защиту (ст. 158).

В настоящее время особую актуальность приобретают правовые гарантии реализации установленных Конституцией прав советских граждан и, в частности, возможности в полном объеме реализовать предоставленные обвиняемому права на защиту от обвинения. Участие защитника в уголовном процессе в стадии предварительного расследования есть одно из выражений конституционного принципа обеспечения обвиняемому права на защиту. Эффективность его воплощения в судебно-следственную практику обеспечивается руководящими постановлениями Пленума Верховного Суда СССР³ и ведомственными приказами. Этому способствует и сложившаяся тенденция развития уголовно-процессуального законодательства в направлении развития демократической, гуманистической сущности, усиления гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Положительную роль в развитии отмеченной тенденции играют предложения ученых законодателю о расширении участия защитника на предварительном следствии с момента предъявления обвинения по всем

¹ Программа КПСС. М., 1976, с. 106.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 57—64.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 4.

уголовным делам⁴. Представляется, что предлагаемые новеллы необходимы, поскольку проникнуты стремлением ускорить процесс совершенствования процессуального законодательства в соответствии с положениями новой Конституции, закрепленными в ст. 158.

По действующему законодательству участие адвоката с момента предъявления обвинения допустимо в случаях, когда обвиняемый: 1) несовершеннолетний; 2) обладает физическими либо психическими недостатками, мешающими ему самостоятельно осуществлять свое право на защиту; 3) приобретает право иметь защитника на основании постановления прокурора. В первых двух случаях участие защитника с момента предъявления обвинения обязательно.

На предварительном следствии с момента предъявления обвинения адвокаты чаще всего участвуют по делам несовершеннолетних.

Когда защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, он приобретает ряд существенных прав в области собирания и оценки доказательств, в частности, может участвовать при предъявлении обвинения и допроса обвиняемого и с разрешения следователя задавать вопросы обвиняемому; присутствовать при производстве других следственных действий и задавать с разрешения следователя вопросы свидетелю, потерпевшему и эксперту; делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, в котором он принимал участие (ч. 3 ст. 51 УПК РСФСР). Этими правами защитник наделен наряду с правами, предусмотренными ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР.

Предоставление адвокату, допущенному к участию в деле с момента предъявления обвинения, ряда дополнительных прав имеет целью создание дополнительных возможностей оказания квалифицированной помощи подзащитному. Но на практике деятельность защитника в стадии предварительного расследования недостаточно эффективна.

⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 241; Кокорев Л. Д. Проблемы уголовно-процессуальной защиты в свете нового законодательства об адвокатуре в СССР.— В кн.: Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового Законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и Адвокатуре в СССР. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981, с. 71; Петрухин И. Л. О расширении защиты на предварительном следствии.— Советское государство и право, 1982, № 1, с. 69.

Закон обязывает следователя своевременно, т. е. при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 143 УПК РСФСР). К сожалению, имеют место случаи, когда обвинение предъявляется в день окончания предварительного следствия или за день — три до этого момента. Это приводит к тому, что предварительное следствие ведется без участия обвиняемого, он лишается возможности защищаться от обвинения. Искусственно исключается и деятельность защитника между предъявлением обвинения и окончанием предварительного следствия. Такая практика фактически лишает адвоката возможности использовать предоставленное ему законом право на участие в следствии со стадии предъявления обвинения, превращает такое право в пустую формальность.

Изучение 111 уголовных дел, расследуемых в Кировском районе г. Омска в 1980—1981 гг., показало, что по делам несовершеннолетних обвинение предъявляется по 35,5% дел в день окончания предварительного следствия или за 1—3 дня до этого.

Нарушения положений процессуального закона, гарантирующих право обвиняемого на защиту, допускается и по другим категориям уголовных дел.

Такое явление — не частная проблема одного района. И. Л. Петрухин приводит данные обобщения адвокатской практики Министерством юстиции БССР за 1980 г., согласно которым предъявление обвинения и окончание следствия происходили в один день: в Минской области — по 64,5%, в Гродненской — по 34,2% изученных дел. Из 350 дел, изученных Ю. Н. Белозеровым, обвинение было предъявлено в день завершения следствия по 43% дел, а за 1—3 дня до завершения — еще по 28% дел. Из 300 дел, изученных В. Д. Шундиковым, по 167 момент предъявления обвинения был приближен к моменту окончания следствия⁵. По данным З. Макаровой, в Ленинском районе г. Куйбышева за 1976 г. по 43% дел от всех проведенных с участием адвоката, день предъявления обвинения совпал с днем выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР⁶.

В УПК РСФСР нет указания о том, каким образом в деле должно быть отражено участие защитника в акте предъяв-

⁵ Там же, с. 65.

⁶ Макарова З. Участие адвоката-защитника на предварительном следствии. Куйбышев, 1978, с. 21—22.

ления обвинения несовершеннолетнему обвиняемому. Уголовно-процессуальное законодательство некоторых других союзных республик этот вопрос разрешило. Так, в УПК Эстонской ССР (ч. 3 ст. 124) закреплено, что присутствие защитника при предъявлении обвинения заносится в постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в чем защитник расписывается.

Несмотря на отсутствие такого требования в УПК РСФСР, следственная практика идет по пути его выполнения, т. е. на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого после отметки об объявлении несовершеннолетнему постановления и разъяснения прав обвиняемого расписывается и защитник. Думается, что необходимо данное правило предусмотреть в УПК РСФСР, дополнив им ст. 148. Это явится дополнительной гарантией выполнения требований закона об участии защитника по делам о преступлениях несовершеннолетних с момента предъявления обвинения.

Адвокаты редко участвуют в следственных действиях, выполняемых после допроса подзащитного в качестве обвиняемого. Между тем участие адвоката в таких сложных следственных действиях, как производство экспертизы, необходимо. Несовершеннолетние, как правило, не могут разобраться в материалах экспертизы, задать экспертам необходимые вопросы. Не менее важно присутствие адвоката на очных ставках, предъявлении для опознания. Известно, что подростки легко внушаемы, что их воля в достаточной мере не окрепла, они способны не придавать должного значения своим словам. В результате во время очной ставки подросток может подтвердить показания лица, которое его оговаривает, не думая о последствиях. Присутствуя на очной ставке, адвокат может задать своему подзащитному вопросы, которые помогли бы подростку понять необходимость говорить только правду, ничего не скрывая⁷.

Нами разделяется мнение, что адвокату следует воспользоваться правом участия в следственных действиях в случаях, если есть основания сомневаться в том, что подзащитный при проведении следственного действия сможет самостоятельно защитить свои законные интересы; при проведении конкретного следственного действия обвиняемому необходима юридическая помощь квалифицированного юриста; есть основания

⁷ Гинзбург Г. А., Поляк А. Г., Самсонов В. А. Советский адвокат. М., 1968, с. 191—192.

опасаться влияния другого обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других присутствующих при проведении следственного действия лиц, которое может повлечь ухудшение положения защитного в процессе⁸.

Причинами крайне редкого присутствия адвокатов при выполнении следователями различных следственных действий являются следующие обстоятельства: пассивное отношение адвокатов к своим обязанностям. Адвокаты подчас не просят и не настаивают на том, чтобы им сообщили о дне выполнения следственных действий; следователи часто не ставят адвокатов в известность о дне и месте выполнения следственного действия, даже когда адвокаты просят об этом. Следователь по просьбе защитника обязан уведомлять его о времени производства следственных действий, при проведении которых последний может и желает участвовать. Нарушение этого правила противоречит требованиям ст.ст. 2 и 58 УПК РСФСР, согласно которым следователь обязан не только разъяснить участвующим в деле лицам их права и обязанности, но и обеспечить возможность осуществления этих прав.

В этой связи представляется целесообразным дополнить ст. 49 УПК РСФСР установлением следователю обязанности уведомлять адвокатов (по их просьбе) о времени и месте проведения следственного действия, в производстве которого адвокат может и желает участвовать.

Коллегии адвокатов должны уделять больше внимания участию адвокатов в проведении следственных действий. С момента допуска к участию в деле адвокат вправе заявлять ходатайства (ст. 51 УПК РСФСР). По изученным нами делам 16 из 111 адвокатов-защитников несовершеннолетних обвиняемых заявили ходатайства и только одно из них было удовлетворено. Дело не только и не столько в недобросовестности адвокатов, сколько в нецелесообразности заявления ходатайств по окончании предварительного следствия, так как подавляющее большинство из них отклоняется. Нами поддерживается высказанное в печати мнение, что причинами отклонения ходатайств адвоката являются следующие обстоятельства: 1) в момент окончания расследования следователь внутренне убежден в доказанности обвинения и правильности юридической квалификации деяния, поэтому ходатайство адвоката нередко воспринимается им лишь как искусственное препятствие для дальнейшего продвижения дела; 2) извест-

⁸ Макарова З. Указ. раб., с. 32.

но, что по многим уголовным делам следователи завершают расследование в день истечения установленного законом срока расследования или незадолго до того. Если следователь начнет проверять и исследовать обстоятельства, указанные в ходатайствах адвоката, срок будет нарушен⁹.

К моменту получения адвокатами отказов в удовлетворении ходатайств дела часто оказываются переданными в суды, что делает бессмысленным подачу жалобы прокурору. По нашему мнению, многие авторы обоснованно предлагают дополнить законодательство нормой, которая предусматривала бы сроки: для вынесения следователем постановления об отказе в удовлетворении ходатайства, заявленного обвиняемым и его защитником; для объявления этого постановления заявителю. Поскольку следователь обязан представить прокурору дело для утверждения обвинительного заключения за 5 дней до окончания срока расследования (по смыслу ст. 214 УПК), постольку следует обязывать следователя одновременно с передачей дела прокурору за те же 5 дней обеспечить вручение адвокату ответа на заявленное им ходатайство; для составления и подачи прокурору жалобы на постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, заявленного обвиняемым и его защитником¹⁰.

В настоящее время назрела необходимость в усилении гарантий права на защиту несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии. Думается, что основными направлениями обеспечения названного права являются: 1) улучшение деятельности следователя в строгом соответствии с законом (ст. 4 Конституции СССР); 2) повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия. Прокурорский надзор должен строго стоять на защите прав советских граждан, чтобы подчинять деятельность лиц, ведущих процесс, требованиям социалистической законности; 3) в каждом случае обнаружения судом нарушений права несовершеннолетнего обвиняемого на защиту, выразившихся в затягивании предъявления обвинения, формальном участии адвоката на предварительном следствии и т. д., суды должны частными определениями обращать внимание соответствующих должностных лиц на эти нарушения. Постановление Пленума Верховного

⁹ Петрухин И. Л. Указ. раб., с. 66—67.

¹⁰ Макарова З. Указ. раб., с. 39; Склярский И., Экмекчи А. Защита несовершеннолетних по уголовным делам.— Советская юстиция, 1975, № 6, с. 19.

Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» обязывает суды строго соблюдать нормы уголовного процесса, гарантирующие несовершеннолетнему обвиняемому право на защиту¹¹.

Принятие Закона о Прокуратуре СССР создало юридическую базу для повышения качества и эффективности деятельности органов прокуратуры в борьбе за укрепление законности.

Представляется, что высокие требования, предъявляемые партией и государством к законности правоприменения, обязывают прежде всего правоохранительные органы достичь высокого уровня законности в их деятельности.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1977, № 1, с. 18.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАБИЛИТАЦИИ НЕВИНОВНЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н. Г. СТОЙКО

Реабилитация невиновных в уголовном судопроизводстве непосредственно направлена на защиту чести и достоинства, восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан, опороченных необоснованным обвинением или подозрением. В этом отношении, очевидно, двух мнений быть не может, что и отмечается в существующих точках зрения по вопросу о реабилитации в уголовном процессе¹.

Расхождения обнаруживаются в другом — в подходе к решению указанного вопроса. Особенно ярко они проявились в связи с совершенствованием формулировки основания прекращения уголовного дела (оправдания), предусмотренного п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР (недоказанность участия обвиняемого или подсудимого в совершении преступления).

Одни авторы полагают, что нынешняя формулировка рассматриваемого основания не обеспечивает в достаточной мере реабилитацию опороченного обвинением или подозрением лица, ставит под сомнение его невиновность и соответственно этому должна быть усовершенствована, изменена². «Следует найти такую формулировку для п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР,— пишет Р. Д. Рахунов,— которая не давала бы никакого повода считать, что человек, возможно, виновен, хотя его дело прекращено производством, или он оправдан судом при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления»³. Другие считают, что и нынешняя формули-

¹ Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959, с. 97.

² Мотовиловкер Я. О. Основания прекращения дела по реабилитирующим лицам мотивам.— Советское государство и право, 1972, № 9, с. 90—98.

³ Рахунов Р. Д. Только истина.— Известия, 1968, 21 янв.

ровка этого основания полностью удовлетворяет требованию направленности на реабилитацию⁴.

На наш взгляд, здесь нужно иметь в виду следующее.

Дело в том, что уже сам термин «недоказанность», не говоря об указании на невозможность дальнейшего доказывания, порождает сомнения в невиновности реабилитируемого лица. Действительно, если органы следствия не доказали участия определенного лица (подозреваемого или обвиняемого) в совершении преступления, значит они плохо работали, либо преступник ввел их в заблуждение и в результате ушел от ответственности. Ход этих рассуждений доступен каждому грамотному человеку (тем более, имеющему представление о сложности раскрытия преступлений и последствиях допущенных при расследовании ошибок) и ведет по существу к оставлению подобным образом реабилитированного лица в подозрении. Не случайно А. Ф. Кони отмечал, что «прекращаемое следствие оставляет... в обществе все-таки тяжкое для освобождаемого от преследования воспоминание, нравственный вред которого может быть неисчислимым»⁵.

Безусловно, наша мораль не может допустить, чтобы окончание дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств нанесло нравственный вред какому-либо лицу. Исходя из этого, большинством авторов предлагается убрать из соответствующей формулировки закона признаки, характерные для недосказанности обстоятельств дела, заменив их на противоположные. При этом конкретно рассматриваемое основание прекращения дела (оправдания) формулируется так: а) за невиновностью обвиняемого⁶; б) ввиду того, что обвиняемый не совершил преступления⁷; в) за непричастностью обвиняемого к совершению преступления⁸; г) за неустановлением вины обвиняемого⁹.

⁴ Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1965, с. 159.

⁵ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. СПб.: Типография Стасюлевича, 1913, с. 100—101.

⁶ Лукашевич В. В. Указ. раб., с. 97.

⁷ Савицкий В. М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию.— Советское государство и право, 1965, № 9, с. 44—58.

⁸ Иванов Ю. А. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства.— Вестн. Моск. ун-та. Серия XII, Право, 1967, № 4, с. 29—42.

⁹ Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса.— Науч. труды (Иркутский ун-т, 1969. Серия юрид., т. 45, вып. 8, ч. 4, с. 64—69).

Нетрудно заметить, что все приведенные формулировки (за исключением последней, которая двусмысленна: означает как доказанность, так и недоказанность вины) фактически исключают недоказанность участия лица в совершении преступления (как соответствующее основание) и их употребление вызовет затруднения в разграничении реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания)¹⁰. Следовательно, речь идет о том, чтобы скрыть от обвиняемого (подозреваемого) и общественности настоящее положение дел. Тем более, что самостоятельного регулирования случаев доказанности неучастия в преступлении авторами этих формулировок не предусматривается. Или даже вообще предлагается исключить недоказанность участия лица в совершении преступления из числа оснований прекращения дела (оправдания) по причине ее фактической равнозначности доказанности неучастия в преступлении¹¹.

Иначе говоря, законодатель, приняв на вооружение одну из рассматриваемых формулировок, тем самым пойдет на определенное искажение действительности. В то время, как, очевидно, «закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду»¹². То есть правая цель здесь будет достигаться неправыми средствами. Но, как справедливо отмечал А. Ф. Кони, «цель не может оправдать средства... Высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должны достигаться только нравственными способами и приемами»¹³.

Очевидно, решение проблемы состоит в другом.

По нашему мнению, причины оставления дел фактически в подозрении при прекращении уголовного дела (оправдании) за недоказанностью коренятся не в качестве формулировки закона, хотя и она имеет значение, а в недостаточно высоком уровне культуры отдельной части нашего общества, невоспитанности и тому подобных явлениях, характеризующих

¹⁰ Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе.— Харьков: Вища школа, 1979, с. 129.

¹¹ Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979, с. 311—315.

¹² Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 122.

¹³ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе.— Собр. соч. М.: Юрид. лит., 1967, т. 4, с. 66.

еще имеющее место отставание индивидуального сознания от общественного¹⁴.

Поэтому для того, чтобы добиться несомненной реабилитации лица, опороченного обвинением или подозрением необоснованно, необходимо, во-первых, полное осуществление в уголовном процессе требования о недопустимости отождествления обвиняемого с преступником, во-вторых, обеспечение в ходе реабилитации отношения к реабилитируемому лицу как к добропорядочному (создание особого психологического климата доверия), в-третьих, активное воздействие органов следствия, прокуратуры, суда на формирование благоприятного общественного мнения о реабилитируемом лице и борьба с предвзятостью применительно к такому лицу со стороны каких-либо организаций, должностных лиц или коллективов.

Было бы неверно полагать, что решить все эти вопросы можно путем отказа от отражения в законе существенных признаков недоказанности фактических обстоятельств дела (вероятного знания и невозможности дальнейшего доказывания определенных обстоятельств, в частности), имея в виду высокий уровень образованности населения и все более широкое распространение юридических знаний.

Это правильно подчеркивает И. А. Либус, видящий выход из создавшегося положения в устранении недоказанности фактических обстоятельств дела как основания реабилитации из официальных документов, которые влияют на использование гражданином своих субъективных прав (не оглашать в суде описательно-мотивировочную часть оправдательного приговора, не выдавать на руки постановления о прекращении уголовного дела, ввести единую справку о реабилитации, в которой не указываются конкретные основания оправдания и т. п.)¹⁵.

Однако это интересное в практическом отношении предложение не совсем безупречно в теоретическом плане. Дело в том, что оно не учитывает, например, возможное усиление нравственных и других неблагоприятных последствий, вызываемых прекращаемым следствием (оправданием) вообще независимо от оснований реабилитации, которые, по мысли И. А. Либуса, не должны конкретизироваться и потому мо-

¹⁴ Безлепкии Б. Т. Право обвиняемого на судебную защиту чести.— Советское государство и право, 1981, № 2, с. 121—142.

¹⁵ Либус И. А. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела (Оправдание).— Советское государство и право, 1981, № 7, с. 64—65.

гут порождать у отдельных граждан и должностных лиц такие же подозрения в виновности реабилитируемого, как и при недоказанности обстоятельств уголовного дела.

Реабилитация обвинявшегося или подозревавшегося в совершении преступления лица — проблема не только собственно уголовно-процессуальная. Она касается и прокурорского надзора, и гражданского процесса (например, опротестование прокурором решения администрации, принятого по мотивам недоказанности участия или, точнее, неучастия лица в совершении преступления и ущемляющего права и законные интересы этого лица, может рассматриваться как внеуголовно-процессуальное средство реабилитации невиновного), но в большей мере правового и нравственного воспитания.

Речь идет о комплексе воспитательных, психологических, правовых и других мер, направленных на реабилитацию — восстановление социально-правового статуса гражданина, понесшего моральный, имущественный или иной ущерб в результате незаконных действий органов предварительного расследования или суда¹⁶.

В этой связи реабилитацию в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как частичную реабилитацию, выражающуюся, во-вторых, в признании определенного лица, незаконно вовлеченного в процесс (с точки зрения его конечной цели) в качестве обвиняемого или подозреваемого, невиновным, либо в признании события, наличие и преступный характер которого предполагался, непроступным или несуществующим; во-вторых, в создании необходимых предпосылок для последующей реабилитации гражданина в полном объеме; в-третьих, в восстановлении нарушенных прав и законных интересов граждан в той мере, в какой это возможно в рамках уголовного процесса.

На наш взгляд, все характерные признаки уголовно-процессуальной реабилитации должны найти отражение в законе. Тем самым более ярко будет выражена реабилитирующая направленность соответствующих оснований прекращения дела (оправдания), а также откроется возможность для применения в уголовном судопроизводстве таких реабилитирующих мер, которые бы не исключали информированности обвиняемого в действительном положении дел, но смягчали восприятие им этого положения (например, неоглашение описательно-

¹⁶ Безлепкин Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. М.: Академия МВД СССР, 1979, с. 144—146.

мотивировочной части оправдательного приговора при условии обязательного вручения оправданному копии приговора и т. п.).

В наибольшей мере указанной цели могло бы служить восприятие УПК РСФСР основного содержания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда. При этом, по нашему мнению, необходимо иметь в виду следующее.

Вопрос о восстановлении нарушенных прав и возмещении ущерба гражданину в связи с необоснованным обвинением (подозрением) его в совершении преступления должен рассматриваться неразрывно с вопросом о прекращении уголовного дела (оправдании) по реабилитирующим основаниям.

Было бы несправедливо перелгать на гражданина, понесшего материальный и моральный ущерб, хлопоты по восстановлению его нарушенных прав. Поэтому все вопросы о восстановлении прав, включая определение размера ущерба, должны быть, по возможности, решены уже в постановлении (определении) о прекращении дела или в оправдательном приговоре. В случае невозможности решения указанных вопросов одновременно с окончанием производства по делу следователь (суд) обязан направить соответствующему должностному лицу (организации) уведомление о прекращении дела (оправдании) в отношении данного лица, реабилитирующем характере основания прекращения дела (оправдания) и необходимости в установленном законом порядке восстановить нарушенное право или возместить причиненный ущерб. Причем, на наш взгляд, не должно откладываться определение размера причиненного ущерба, поскольку, во-первых, это связано не только с защитой личных интересов граждан, но и с защитой справедливости как одной из высших моральных ценностей нашего общества, а во-вторых, необходимо для оценки эффективности работы правоохранительных органов.

Учитывая изложенное, в УПК РСФСР можно было бы предусмотреть такую статью: обеспечение реабилитации граждан, опорожденных необоснованным обвинением или подозрением. В случае необоснованного обвинения (подозрения) какого-либо гражданина в совершении преступления следо-

ватель (суд) в установленном законом порядке предпринимает все меры для возмещения ущерба, причиненного этому гражданину незаконными действиями, и восстановления его нарушенных прав и законных интересов, а также уведомляет соответствующие организации о прекращении уголовного дела (оправдании) в отношении данного гражданина, реабилитирующем характере основания прекращения дела (оправдания) и необходимости восстановления нарушенного права или возмещения ущерба.

Ущерб не подлежит возмещению, если гражданин в процессе расследования (судебного разбирательства) препятствовал путем самооговора установлению истины по делу.

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Л. М. ВОЛОДИНА

К понятию процессуальных гарантий в теории советского уголовно-процессуального права обращались и обращаются многие авторы. Между тем вопрос этот остается до настоящего времени дискуссионным.

Процессуальные гарантии определяются в целом как предусмотренные законом средства, направленные на обеспечение правильного осуществления задач судопроизводства¹. Это положение почти общепризнано². Споры вызывает определение содержания, вкладываемого в понятие процессуальных гарантий.

Э. Ф. Куцова, например, критикует непоследовательность позиции В. З. Лукашевича, «поскольку к уголовно-процессуальным гарантиям прав обвиняемого он относит: когда речь идет о защитнике — его деятельность, когда же речь идет о суде, органах прокуратуры, следствия, дознания — их соответствующие обязанности»³, и перечисляет в качестве процессуальных гарантий права обвиняемого, обязанности и права суда (судьи), прокурора, следователя, лица, производящего дознание (органа дознания), деятельность общественных организаций⁴. Справедливо замечая, что в деятельности ука-

¹ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. т. 1—М., 1968, с. 56; Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1967, с. 3; Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. (Предмет, цель, содержание). М.: Юрид. лит., 1973, с. 126 и др.

² Например, В. З. Лукашевич определяет процессуальные гарантии как средство и деятельность защитника и обязанности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. (Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1967, с. 3).

³ Куцова Э. Ф. Указ. раб., с. 124—125.

⁴ Там же, с. 129—192.

занных выше органов реализуются уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности⁵, Э. Ф. Куцова в дальнейшем противоречит этому суждению, включая в содержание понятия «деятельность общественных организаций».

Л. Д. Кокорев относит к процессуальным гарантиям процессуальные нормы, закрепленные в них права и обязанности участников судопроизводства, принципы судопроизводства, уголовно-процессуальную форму, деятельность участников судопроизводства, существующую в уголовном судопроизводстве систему проверки обоснованности принимаемых решений, систему контроля за законностью процессуальных действий, систему процессуального принуждения, процессуальные санкции, социалистическую законность⁶— словом, весь уголовный процесс с его внутренним структурным членением. Спору нет, конечно, советское уголовно-процессуальное право в целом могло бы быть определено в качестве единой гарантии прав и законных интересов личности в нашем обществе, поскольку оно представляет собой целостную систему правовых норм, обеспечивающих достаточно надежно права и интересы советских граждан. Однако едва ли такая постановка вопроса принесет пользу для раскрытия понятия процессуальных гарантий и даст практический ответ на рассматриваемый вопрос.

Представляется, что в определенных аспектах гарантиями прав личности в уголовном судопроизводстве могут быть рассмотрены и отдельные институты уголовно-процессуального права и право в целом, но решение конкретных практических ситуаций требует конкретизации этих общих положений. Поэтому, вероятно, правильнее было бы говорить о процессуальных гарантиях как средствах, обеспечивающих полную реализацию прав и законных интересов личности в советском уголовном судопроизводстве, закрепленных в нормах уголовно-процессуального права.

Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, в частности, по основаниям, предусмотренным ст.ст. 6—9 УПК РСФСР,— институт советского уголовно-процессуального права, направленный на решение задач, сформулированных законодателем в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (в ст. 2 УПК РСФСР). Достаточно ли полно

⁵ Там же, с. 125.

⁶ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Изд-во Воронежск. ун-та, 1978, с. 230—236.

обеспечиваются права и интересы личности при применении норм права, дающих основание прекратить уголовное дело по ст.ст. 6—9 УПК РСФСР?

Общеизвестно, что процессуальная фигура обвиняемого — одна из основных при производстве предварительного следствия. Привлечение лица в качестве обвиняемого означает появление участника судопроизводства, наделенного комплексом прав и обязанностей. Обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, давать объяснения по предъявленному ему обвинению, участвовать в процессе доказывания, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия и решения должностных лиц, ведущих дознание или предварительное следствие, он имеет право на защиту, право заявлять отводы, знакомиться с материалами дела по окончании предварительного расследования. Очевидно, что эти права могут быть реализованы только после предъявления обвинения и разъяснения обвиняемому всех прав, предоставляемых ему законом. Однако следственная практика показывает, что нередко прекращение уголовных дел по рассматриваемым статьям УПК РСФСР осуществляется без вынесения постановлений о привлечении в качестве обвиняемых⁷.

Прекращение уголовных дел по ст.ст. 6², 7, 8, 9 УПК РСФСР допускается лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание, по делам о малозначительных и не представляющих большой общественной опасности. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает упрощенных форм судопроизводства для рассматриваемой категории уголовных дел. В теории советского уголовно-процессуального права достаточно резкой и справедливой критике подверглись предложения о полной или частичной ликвидации досудебных стадий советского уголовного процесса по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности⁸.

⁷ См.: Володина Л. М. Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования (ст.ст. 6—9 УПК РСФСР). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976, с. 18; Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979, с. 92.

⁸ См., например: Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Указ. раб., с. 95—117.

В дополнение к этому следует отметить, что непредъявление обвинения ущемляет право личности на защиту. Лицо может реализовать это право, зная о том, что вменяется ему в вину. Со всей остротой встает эта проблема при прекращении уголовных дел в отношении несовершеннолетних с передачей их в комиссию по делам несовершеннолетних. В уголовно-процессуальной литературе есть предложение о вручении обвиняемому копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого⁹ с полным перечнем его прав¹⁰. Это тем более необходимо в связи с тем, что подросток, как показывает практика, неправильно уясняет свои права.

Ст. 9 УПК РСФСР предполагает в качестве одного из условий прекращения уголовного дела чистосердечное раскаяние лица. Но если обвинение не было предъявлено, сможет ли правонарушитель правильно ориентироваться в обстоятельствах дела, осознает ли до конца общественную опасность совершенного им деяния.

По вышеизложенным причинам представляется не вполне убедительной точка зрения Н. С. Алексеева и В. З. Лукашевича о том, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого при прекращении уголовного дела по ст. 9 УПК РСФСР может отсутствовать тогда, «когда лицо, передаваемое на поруки... чистосердечно раскаялось в совершенном до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого»¹¹. Позднее В. З. Лукашевичем эта точка зрения была изменена, автор пришел к выводу, что предъявление обвинения должно предшествовать в обязательном порядке прекращению уголовных дел по всем нереабилитирующим основаниям¹².

Действительно, чистосердечное раскаяние не может служить критерием при решении вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого. Это категория оценочная, и нюансы раскаяния от «нечистосердечного» (лживого, неискреннего), как следствия страха перед уголовно-правовыми последстви-

⁹ См.: Куцова Э. Ф. Указ. раб., с. 43.

¹⁰ См.: Шафир Г. М. Участие защитника на предварительном следствии.— В кн.: Советская адвокатура. Задачи и деятельность. М.: Юрид. лит., 1968, с. 62.

¹¹ Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Некоторые процессуальные вопросы передачи на поруки.— Учен. зап. / ВЮЗИ. М., 1964, вып. 14, с. 63.

¹² Лукашевич В. З., Зусь Л. Б. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования в связи с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности и наказания.— Учен. зап. (юридические науки), т. 21, ч. 4. Владивосток, 1971, с. 65—66.

ями, до «чистосердечного» едва ли могут быть уловлены следователем в любом случае безошибочно. Чистосердечное раскаяние в качестве смягчающего обстоятельства может быть принято во внимание при прекращении уголовного дела. Именно такое значение придается «чистосердечному раскаянию» законодателем и смысл его не меняется при реализации ст. 9 УПК РСФСР, где это понятие рассматривается как одно из необходимых условий освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, гарантией прав обвиняемого является, во-первых, обязанность компетентных органов разъяснить лицу, привлекаемому в качестве обвиняемого, его права и, во-вторых, способствовать их реализации, точно выполняя все предписания закона. Реализация прав и законных интересов обвиняемого, обеспечиваемая в уголовном процессе правовыми гарантиями, зависит и от четкости правовых формулировок, т. е. от формы закрепления прав обвиняемого и корреспондирующих им обязанностей.

В теории советского уголовно-процессуального права уже обращалось внимание на необходимость более четкого регулирования вопросов о предоставлении обвиняемому, в отношении которого прекращается уголовное дело, права на ознакомление с материалами дела¹³, о порядке уведомления о прекращении уголовного дела обвиняемого и других заинтересованных в деле лиц¹⁴.

Приведение требований ст.ст. 6—9 УПК РСФСР в соответствие между собой, с правилами прекращения уголовных дел, которые содержатся в ст. 209 УПК РСФСР, и с нормами, регулирующими общий процессуальный порядок окончания предварительного следствия, способствовали бы упорядочению целого ряда вопросов, связанных с прекращением уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Четкость законодательных формулировок и непротиворечивость правовых предписаний, закрепленных в нормах права, — важнейшая гарантия осуществления прав личности.

Необходимость получения согласия прокурора на прекращение уголовного дела по одному из оснований, предусмот-

¹³ Следует отметить, что в теории уголовно-процессуального права эта точка зрения не бесспорна. (См.: Куцова Э. Ф. Указ. раб., с. 29, 41).

¹⁴ См.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного следствия и предания суду. Дис. ... докт. юрид. наук Л., 1967, с. 513.

ренных ст.ст. 6—9 УПК РСФСР, в стадии предварительного расследования, право на обжалование постановления о прекращении дела также являются гарантиями прав и законных интересов обвиняемого. И поскольку в числе рассматриваемых гарантий названо право обвиняемого на обжалование, заметим, что права участников судопроизводства, предусмотренные законом, могут в определенных случаях выступать в качестве гарантий реализации других прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Известно, что право обвиняемого на защиту гарантируется целым комплексом прав, которыми наделен обвиняемый, и, в первую очередь, правом знать, в чем он обвиняется. Возвращаясь к ранее сказанному, еще раз следует обратить внимание на то, что на практике не всегда выполняется требование закона о привлечении в качестве обвиняемых лиц, в отношении которых производство по делу прекращается по нереабилитирующим основаниям.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. внесены изменения в ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: статья дополнена частью второй, в которой содержится указание на то, что производство по делу продолжается в обычном порядке, если лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, возражает против прекращения уголовного дела. Это положение является шагом вперед в совершенствовании правовых норм, являющихся составной частью института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Ранее это правило закрепляла только ст. 9 УПК РСФСР. Надо сказать, что согласие лица на прекращение дела всегда рассматривалось в теории и практике как гарантия права на реабилитацию¹⁵. Сужение содержания этого требования закона до уголовно-процессуальной предпосылки привело Г. Б. Виттенберга к неоправданному выводу о том, что ст. 9 УПК РСФСР при наличии признания вины и чистосердечного раскаяния может применяться независимо от того, есть ли на это согласие лица или нет¹⁶. Более того, он пред-

¹⁵ См., например: Гуткин И. М. Передача на поруки органами дознания. М., 1961, с. 51; Степанов В. Г. Прекращение производства по делу с передачей виновного на поруки в процессе предварительного расследования. М., 1969, с. 17 и др.

¹⁶ Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Часть 2. Иркутск, 1971, с. 50.

лагал именно «в таком направлении» внести изменение в действующее законодательство, обосновывая свою позицию тем, что «едва ли правильно оставить решение вопроса о выборе той или иной формы ответственности в зависимости от желания виновного»¹⁷.

Возражая против подобного суждения, следует сказать, что, во-первых, речь идет не о выборе ответственности, поскольку передача на поруки не есть уголовная ответственность, а один из видов освобождения от таковой и, во-вторых, одного лишь желания лица «выбрать» форму ответственности, по-видимому, недостаточно. Вопрос этот будет решен в стадии судебного разбирательства компетентным государственным органом, решение которого о виновности или невиновности лица будет окончательным, если не последует пересмотр дела в кассационной или надзорной инстанциях.

Подводя итог, можно сказать, что процессуальные гарантии как средства, закрепленные в нормах уголовно-процессуального права, включают в свое содержание: права участников судопроизводства (поскольку таковые выступают в этом аспекте), обязанности компетентных органов, призванных обеспечить реализацию прав личности, уголовно-процессуальная форма закрепления их.

¹⁷ Там же.

СЛЕДСТВЕННАЯ ТАКТИКА И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Н. Т. ВЕДЕРНИКОВ

Следственная тактика как самостоятельный раздел науки советской криминалистики сложился гораздо позднее двух других разделов — криминалистической техники и методики расследования отдельных видов преступлений¹. Трудность при этом заключалась в первую очередь в разработке теоретических основ данного раздела, обобщающих положений, которые цементировали бы и служили руководящей нитью при разработке и изложении отдельных тем².

Еще позднее были вычленены и разработаны общие положения следственной тактики и найдено основное понятие, основной элемент или своеобразное ядро всего данного раздела криминалистики, а именно, понятие тактического приема³.

Однако можно ли считать, что на сегодняшний день формирование следственной тактики завершилось, а ее предмет окончательно устоялся и не нуждается в развитии. Такое утверждение противоречило бы не только общей тенденции развития любой науки, но в особенности сущности именно данного раздела науки криминалистики, ибо в основе следственной тактики лежит тактический прием, представляющий собой рекомендацию о наиболее целесообразном выполнении того или иного действия в зависимости от конкретных условий ситуации и личностных качеств применяющего данный прием субъекта уголовно-процессуальной деятельности. От процессуального правила, закрепленного в законе, его отличает, как известно, именно рекомендательный характер, т. е.

¹ Митричев С. П. К вопросу о научных основах советской криминалистики.— В кн.: Советская криминалистика на службе следствия. М.: Госюриздат, 1956, вып. 7.

² Васильев А. Н. О тактике следствия.— Там же, с. 136—152.

³ Васильев А. Н. Тактический прием — основа следственной тактики.— Социалистическая законность, 1974, № 4, с. 44—45.

необязательность применения данного приема в данных условиях времени и места. Тактический прием обладает также свойством избирательности, т. е. всегда должен иметься набор приемов, из которых выбирается данный. Тактический прием обладает и некоторыми другими свойствами⁴. Но и названные свойства тактических приемов показывают, что они могут и должны постоянно обновляться и совершенствоваться, набор их увеличиваться и расширяться. Уже по одному этому следственная тактика не может не находиться в постоянном развитии и совершенствовании, а соответственно и предмет ее в движении и обогащении.

В настоящее время ощущается необходимость дальнейшего развития и углубления самих научных основ следственной тактики. Научную основу следственной тактики, как известно, составляют достижения наук, регулирующих взаимоотношения людей в процессе их жизнедеятельности, к числу которых в первую очередь относятся психология, логика и научная организация труда. Особенно заметных успехов в последние годы добилась психология. Психология давно уже не выступает единой наукой, наряду с общей психологией бурное развитие получила социальная психология, возрастная психология, ряд видов профессиональной психологии (медицинская, инженерная, юридическая). Однако в криминалистической литературе до сих пор можно встретить утверждения о том, что в основе следственной тактики лежат логика, психология и НОТ, которые звучат лишь как констатация факта и не получают своей реализации по существу. Необходимо же при исследовании научных основ следственной тактики применять все современные достижения используемых в ней наук.

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе последних лет довольно широко обсуждается весьма острый вопрос о возможности и допустимости психологического воздействия в процессе проведения следственных действий. Но речь при этом обычно идет о психологическом воздействии и определении границ такого воздействия лишь на обвиняемого при его допросе.

Однако очевидно, что в процессе расследования преступлений определенное воздействие оказывается на всех участников, включая и следователя (в противном случае мы не кон-

⁴ Васильев А. Н. Следственная тактика. М.: Юрид. лит., 1976, с. 33—34.

статировали бы наличие профессиональной деформации у следователей). Поэтому уже в общих положениях следственной тактики необходимо поставить вопрос о психологическом воздействии на участников расследования преступлений и выработать основные рекомендации о его допустимости и правомерности. В тактике же производства отдельных следственных действий, таких, как следственный эксперимент, предъявление для опознания, выход на место происшествия, обыск, допрос свидетеля, следует разрабатывать допустимые границы психологического воздействия на их участников в плане использования его для целей эффективного производства следственных действий. При этом должно быть незыблемым положение о том, что в процессе расследования допустимыми являются такие тактические приемы, при которых оказываемое психологическое воздействие не выходило бы за рамки закона и требований морали⁵.

Сказанное не означает, конечно, что следует вообще отказаться от поисков и использования новых приемов проведения тех или иных следственных действий, в частности, допроса. Рассмотрим это на примере из следственной практики. В процессе расследования ряда совершенных разбойных нападений выяснилось, что совершали их два брата — Н. и К., которые дали друг другу слово не сознаваться, если они даже будут заподозрены. И они упорно отказывались давать какие-либо показания. При допросе Н. ему было предложено, чтобы при встрече с К. он сказал: «Я сказал всю правду, говори и ты». Н. согласился. Встреча была организована и проведена таким образом, что Н. ничего другого, кроме условленной фразы, не смог сказать. После проведенной встречи К. начал давать правдивые показания.

Был ли здесь обман или что-либо предосудительное с точки зрения морали? Ведь если действительно братья не совершали преступлений, то К. не о чем было бы рассказывать правду, кроме как о своей жизни.

В последние годы, когда совершаются все более хорошо продуманные и хитроумные преступления, следователи и судьи должны быть вооружены разнообразными эффектив-

⁵ Селиванов Н. А. Этически-тактические вопросы расследования. М., 1981, с. 4—5. Следует согласиться и поддержать предложение Н. А. Селиванова и А. Н. Васильева о том, чтобы в криминалистической литературе вообще отказаться от употребления таких терминов, как «следственная ловушка» и «следственная хитрость», поскольку они ассоциируются с понятиями обмана. (Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 131).

ными тактическими приемами проведения различных следственных действий, разработка которых невозможна без учета психологии лиц, совершающих преступления.

В следственной тактике, как и в криминалистике в целом, по непонятным причинам до настоящего времени по существу нет исследований по вопросам эффективности отдельных следственных действий и отдельных тактических приемов, а равно и исследований по эффективности таких основополагающих разделов, как планирование расследования, следственные версии, тактика оперативно-розыскных действий применительно к расследованию конкретного преступления.

Используя имеющиеся разработки в теории эффективности и, в частности, по эффективности применения норм права как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках относительно понятия эффективности, ее критериев и показателей, необходимо рассмотреть их применительно к следственной тактике. Это потребует разработки соответствующих методик и изучения действующей практики расследования преступлений, но одновременно это даст возможность внести аргументированные предложения относительно результативности того или иного приема. Такие исследования необходимо провести по всем следственным действиям, что в значительной мере обогатит следственную тактику и повысит степень «доверия» со стороны практических работников к высказываемым в теории рекомендациям.

Как известно, одним из самостоятельных моментов предмета доказывания по всякому уголовному делу является установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ст. 68 УПК РСФСР). Но как явствует из ст.ст. 21 и 140 УПК РСФСР, от следователя требуется устанавливать не просто обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, но его причины и условия, т. е. явления гораздо более глубокого содержания. Так или иначе, но перед следователем стоит вполне определенная задача по установлению причин и условий, способствовавших совершению каждого расследуемого им преступления.

Однако приходится констатировать, что в следственной тактике как в разделе криминалистики вопросы установления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, не нашли до сих пор своего места. Криминалистика самоустранилась от разработки тактики выявления и установления указанных обстоятельств, как бы передоверив это криминологии. Криминология же, согласно задачам своего

исследования, не занимается да и не может заниматься разработкой тактических приемов, посредством которых могут быть установлены причины и условия, способствовавшие совершению конкретного преступления. Поэтому разработка тактических приемов выявления в процессе расследования преступлений причин и условий, способствовавших его совершению, должна занять свое место в предмете следственной тактики.

Соответственно вопросы установления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, применительно к той или иной категории преступлений, должны разрабатываться в частных методиках расследования отдельных видов преступлений.

В предмете следственной тактики в качестве самостоятельного раздела должна найти свое место и тактика судебного следствия. Судебное следствие, несмотря на то, что оно довольно подробно регламентировано в уголовно-процессуальном законе, как и предварительное расследование преступлений, содержит в себе довольно существенные моменты, имеющие тактическое содержание и потому требующие своей разработки. Так, можно считать общепризнанным положение о том, что судебное следствие должно планироваться, существует и понятие судебной версии, которая может не совпадать со следственной версией. Дальнейшая разработка этих вопросов способствовала бы не только большей организованности в работе судов по рассмотрению уголовных дел, но и скорейшему освоению и распространению передового опыта судебной работы, а в конечном счете повышению эффективности работы судов.

Утверждение о том, что вопросы судебного следствия достаточно просты и не нуждаются в самостоятельном исследовании, поскольку наши суды успешно рассматривают уголовные дела и без таких теоретических разработок, вряд ли можно признать бесспорным⁶. Рассмотрим это на примере реализации ст. 279 УПК РСФСР, устанавливающей порядок исследования доказательств в суде. После опроса подсудимых о признании или непризнании ими своей вины, говорится в данной статье закона, суд заслушивает предложения обвинителя, подсудимого, защитника и других участников процесса о последовательности исследования доказательств.

Как этот вопрос решается на практике?

⁶ Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 19—20.

В абсолютном большинстве случаев председательствующий, обратившись по этому поводу к обвинителю, защитнику и подсудимому, посоветовавшись с народными заседателями, оглашает: «Суд, совещаясь на месте, определил — начать слушание дела в обычном порядке!»

Обычный порядок исследования доказательств в суде означает, что оно начинается с допроса подсудимого. Но всегда ли это оправдано тактически? Во всех ли случаях, включая и те, когда подсудимый, при наличии в деле достаточных доказательств его вины, не признается в совершении преступления, целесообразно начинать судебное следствие с его допроса? Наблюдения показывают, что если подсудимый не признается в совершении преступления в начале судебного следствия, он, как правило, не меняет позиции и в своем последнем слове.

Выслушивание показаний подсудимого в самом начале судебного следствия отрицательно сказывается также на его активности в процессе вообще.

Напротив же, если начать судебное следствие с исследования имеющихся в деле доказательств, на глазах подсудимого проверить их и дать возможность всем присутствующим убедиться в их достоверности, то есть больше оснований рассчитывать, что подсудимый изменит свою прежнюю позицию и вместо «голового» непризнания вины мы можем получить правдивые показания, а это всегда и во всех отношениях предпочтительнее.

При этом нельзя забывать и о воспитательном эффекте судебного процесса. Вряд ли можно считать в полной мере выполненной задачу оказания воспитательного воздействия на подсудимого в первом случае, когда подсудимый уходит из зала суда в места лишения свободы не раскаявшимся, в отличие от второй ситуации, когда удастся убедить подсудимого признать свою вину, и этим самым суд закладывает первый камень в фундамент будущего исправления и перевоспитания осужденного.

Есть необходимость и в дальнейшей разработке тактики производства отдельных следственных действий, проводимых в суде.

Таким образом, судебное следствие имеет в себе довольно значительное тактическое содержание, которое нуждается в исследовании в целях повышения результативности судопроизводства. Поэтому вопросы тактики судебного следствия

должны быть включены в предмет следственной тактики как раздела науки криминалистики⁷.

Высказанные соображения о расширении предмета следственной тактики закономерно приводят к мысли о необходимости поставить еще раз вопрос о самом наименовании данного раздела науки советской криминалистики. Сложившееся название раздела как «следственная тактика» традиционно ограничивает предмет исследования вопросами тактики предварительного расследования преступлений, причем, как показано выше, не исследуются некоторые вопросы и этого этапа расследования. Такое положение ведет к тому, что ряд аспектов деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, имеющих тактическое содержание, остаются вне поля зрения криминалистики. Это обедняет в целом нашу науку и не дает практике рекомендаций по эффективному производству соответствующих действий.

Следует поэтому присоединиться к мнению тех ученых-криминалистов, которые давно предлагают именовать данный раздел как «криминалистическая тактика» со всеми вытекающими из этого последствиями, т. е. включив в его предмет все аспекты деятельности органов расследования и суда, имеющие тактическое содержание.

⁷ Следует отметить, что С. П. Митричев еще в 1956 г. писал: «Криминалистика как наука призвана обслуживать предварительное и судебное следствие...» (Указ. раб., с. 32).

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕШЕНИИ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В. Е. КОРНОУХОВ

Деятельность по расследованию преступлений включает многие стороны: уголовно-процессуальные, методологические, организационные, психологические и иные, каждая из которых была объектом исследования¹. Между тем деятельность есть еще не что иное, как процесс, и эта сторона не привлекала внимания ученых. Но она представляется важным объектом, потому что ее изучение позволит раскрыть закономерности процесса расследования. В этой связи возникает вопрос — через какие параметры они могут быть познаны? С нашей точки зрения, непрерывность и дискретность процесса могут быть выявлены, во-первых, через систему «целей». Цель — это «...предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»². Действительно, расследование — это последовательное достижение различной степени общности, целей, подчиненность (функциональность) которых определяется ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, содержащих «дерево» конечных целей. Во-вторых, через систему ситуаций, поскольку любой процесс динамичен. Динамичность обусловлена, с одной стороны, вариационностью исходных фактических данных, а с другой — неполным совпадением цели и результата деятельности, что приводит к возникновению типичных фактических

¹Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965; Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М.: Госюриздат, 1957; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юрид. лит., 1970; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М.: Юрид. лит., 1973; Ратников А. Р. Судебная психология для следователей. М.: ВШ МООП СССР, 1967 и др.

²Философский словарь / Под ред. Н. И. Кондакова. М.: Политиздат, 1972, с. 152.

ситуаций. Из этого следует, что противоречие между целью и фактическими ситуациями порождает задачу, следовательно, в-третьих, через системы тактических задач.

Исходя из этих отправных положений, проанализируем те тактические задачи, которые возникают в процессе расследования. Для этого воспользуемся классификацией первичных материалов о преступлениях. Известно, что они подразделяются на три группы³. В первой группе объединены такие материалы, в которых событие установлено бесспорно, но не известна причина, его вызвавшая, и возможны ее различные объяснения; во второй — те, в которых имеются данные о действиях лица, последствиях, но не ясна их противоправность и общественная опасность; в третьей — материалы, в которых событие преступления установлено, но нет сведений о лице, совершившем преступление. Таким образом, возникают три непосредственные задачи, решение которых способствует достижению конечных целей. Так, в первой группе непосредственная задача — причина, во второй — противоправность и общественная опасность деяния, в третьей — личность преступника. Однако решение непосредственных задач возможно через системы подзадач — промежуточных и частных. Например, в первой группе непосредственная задача может быть подразделена на две промежуточные — изучение действия причины и необходимой связи между следствием и причиной, а они — на систему частных. Например, получению информации о действии причины предшествует решение таких частных задач, как суммирование информации, характеристика действия причины, а установлению необходимой связи между причиной и следствием — анализ развития частных причинно-следственных связей и изучение их механизма.

Как отмечалось, во второй группе первичных материалов непосредственной задачей является исследование противоправности и общественной опасности деяния, в которой можно выделить промежуточные подзадачи: определение круга лиц, причастных к совершению преступления (а она на частные — изучение фактической стороны деятельности, определение размера ущерба), и изучение соотношения результата деятельности с целями виновных (ей соответствует система частных: конкретизация круга подозреваемых, анализ мотивов преступления).

³ Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Указ. раб., с. 154—171.

В третьей группе непосредственная задача — установление личности преступника — может быть подразделена на такие промежуточные, как определение круга лиц, причастных к совершению преступления, в которой могут быть выделены частные — суммирование информации, идентификация в заранее определенном круге лиц (через криминалистические учеты), распознавание свойств преступника по следам преступления с целью определения круга проверяемых лиц и его ограничения.

Следовательно, по каждой группе первичных материалов имеется иерархия задач, каждая из которых ставит проблему разработки процедур ее решения. Необходимо отметить, что в криминалистике уже осознается перспективность такого подхода. Так, Б. Г. Кульчицкий показал, что в раскрытии убийств наиболее эффективна проверка событий, предшествующих преступлению⁴. Естественно, что данное обстоятельство устанавливается через систему следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а это и есть процедура решения, которая получила в криминалистике свое название — тактическая операция⁵.

Однако разработке тактических операций должен предшествовать анализ отдельных сторон, и в этом вопросе не исследованы возможности судебных экспертиз. В этой связи рассмотрим их применительно лишь к некоторым задачам предварительного следствия, опираясь при этом на экспертное исследование свойств человека.

Как в первой, так и в третьей непосредственной задаче в качестве частной выступает суммирование информации, содержащейся в качественно разнородных следах преступления, поскольку суммарная информация позволит более оперативно и надежно решать последующие задачи расследования. Следует отметить, что определение относимости следов к преступлению решается практически по каждому уголовному делу и в процессе всего расследования. Очевидно, что более важно

⁴ Кульчицкий Б. Г. Вероятностно-статистическая оценка эффективности тактических операций и проблема совершенствования методики расследования преступлений.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1980, вып. 32, с. 105.

⁵ Данное понятие введено А. В. Дуловым (См.: Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений.— В кн.: 50 лет Советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. М.: Следственное управление Прокуратуры СССР, 1972, с. 23—26.

эту задачу решать уже в ходе осмотра места происшествия или непосредственно после него, потому что, как было отмечено, это позволит использовать суммарную информацию в раскрытии и расследовании преступлений, поэтому разработка оснований по суммированию информации — важная задача ученых⁶. Эта проблема актуальна не только по конкретному уголовному делу, но и по нераскрытым уголовным делам, когда необходимо установить, одним или разными лицами совершены преступления.

Оценивая возможности сегодняшнего дня и некоторую перспективу развития методов по суммированию информации, отметим, что они должны быть направлены на исследование пространственно-временной связи следов с событием преступления.

В плане анализа пространственной связи следов с событием преступления весьма эффективно сопоставление обстановки, предшествующей преступлению, с обстановкой места происшествия. Сегодня в тактике осмотра места происшествия эта задача не выделяется в качестве частной, хотя она имеет самостоятельное значение.

Не менее важно и изучение временной связи. Например, определение давности наступления смерти, телесных повреждений, следов крови, отпечатков пальцев рук — все эти и другие исследования как раз и связаны с изучением временной связи⁷. Здесь следует отметить, что наряду с существующими методами учеными разрабатываются новые, более эффективные. Так, давность наступления смерти определяется на основе совокупности методов, среди которых биохимические приобретают все большее значение, потому что они по сравнению с оценкой динамики развития трупных явлений позволяют получать более точные данные о времени наступления смерти⁸. Для диагностики давности следов крови весьма перспективно применение электронного парамагнитного резонанса. Эксперименты показали, что в течение нескольких ми-

⁶ Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 125—133.

⁷ См., например: Экспертные критерии определения давности наступления смерти. — В кн.: Современная диагностика в судебной медицине / Под ред. Г. А. Ботезату, Г. С. Бачу, М. Л. Казарновской и др. Кишинев: Штиинца, 1981, с. 195—200; Грановский Г. Л. Радиография при дактилоскопических исследованиях. — В кн.: Вопросы криминалистики. М.: Юрид. лит., 1963, № 8—9, с. 3—7.

⁸ Ботезату Г. А. Судебно-медицинская диагностика давности наступления смерти. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 106—121.

нут с помощью ЭПР-спектрометра время образования следов крови может быть определено с точностью до двух дней. В этой связи своевременно предложение о создании АСУ с целью оперативного получения информации о давности наступления смерти⁹.

Весьма большие возможности в плане суммирования информации открываются при использовании взаимосвязей между свойствами человека. Рассмотрим эту проблему на примере использования следов рук человека. Известно, если преступник при совершении одного или разных преступлений оставит отпечатки разными пальцами и когда преступник не установлен, определить, принадлежат ли они одному или разным лицам, невозможно. Между тем решение данной проблемы имеет важное практическое значение: во-первых, это позволило бы устанавливать количество преступников; во-вторых, проводить поиск по криминалистическим учетам по суммарной информации; в-третьих, определять, что несколько нераскрытых преступлений совершено одним лицом. В этой связи нами совместно с Г. П. Морозовым, А. В. Медведевым было предпринято исследование, направленное на решение данной проблемы. С этой целью изучена корреляция частных признаков папиллярных узоров и установлено, что они на разных пальцах рук связаны с достаточно высоким коэффициентом¹⁰. Кроме того, изучена возможность появления той или иной совокупности частных признаков на пальцах рук у одного лица и у разных людей. Оказалось, что одни совокупности признаков чаще встречаются у одного человека, а другие — у разных лиц. В принципе эта информация может быть заложена в память ЭВМ, которая могла бы оперативно выдавать ее уже в ходе осмотра места происшествия. Но поскольку вывод о принадлежности нескольких отпечатков одному лицу является вероятностным, были изучены другие свойства папиллярных узоров с тем, чтобы, используя их, можно было гарантировать достоверность вывода. В этой связи изучалась интенсивность папиллярных линий (количество линий на 1 см), распределение признаков по площади папил-

⁹ Кононенко В. И., Пикенин А. М., Дмитриенко Ю. А. Программа и основные цели разработки экспертных критериев определения давности наступления смерти.— В кн.: Современная диагностика в судебной медицине, с. 47—50.

¹⁰ Корноухов В. Е., Медведев А. В., Морозов Г. П. Статистический анализ частных признаков папиллярных узоров и его применение при дактилоскопическом учете на базе ЭВМ. Препринт ВЦ КФ СО АН СССР. Красноярск, 1981.

лярных узоров. Результаты экспериментов показали принципиальную возможность использования данных свойств в конкретизации вывода о принадлежности нескольких отпечатков одному или разным лицам.

В первой группе первичных материалов вторая частная задача связана с получением информации о действии причины. Практика показывает, что эта информация получается при проведении отдельных, нередко отдаленных от начала расследования, экспертиз, поэтому они не всегда эффективны в плане раскрытия преступления. В этой связи и родилась идея о ситуационной экспертизе как комплексе экспертиз, направленных на ситуационный анализ места происшествия, с тем, чтобы быстро получить информацию о действии причины¹¹. Однако вряд ли можно согласиться с автором в том, что предметом такой экспертизы является ситуация в целом. Целесообразнее выделить более частные задачи, в которых комплексное экспертное исследование наиболее эффективно и соответствовало бы основным признакам, характеризующим экспертизу (кстати, комплексные экспертные исследования ставят на повестку дня разработку междисциплинарных методик). С нашей точки зрения, весьма перспективно применение ситуационной экспертизы в решении таких частных задач, как суммирование информации, изучение действия причины и распознавание свойств преступника по следам преступления.

На последней задаче необходимо остановиться несколько подробнее (напомним, она возникает по третьей группе первичных материалов). В процессе расследования поиск по криминалистическим учетам, изучение обстановки, предшествующей преступлению, связей потерпевшего часто не приводят к установлению личности преступника. Поэтому возникает задача — определить круг проверяемых лиц. В ее решении серьезную помощь может оказать судебная экспертиза. В криминалистической, судебно-медицинских экспертизах имеются методики по диагностике тех или иных свойств человека по следам преступления (пола, возраста, патологии и т. д.). Вместе с тем возможности экспертиз также использовались изолированно друг от друга и не были нацелены на решение одной частной задачи. Но для того, чтобы повысить «коэф-

¹¹ Грановский Г. Л. О криминалистической ситуационной экспертизе. Доклад на 16 Криминалистических чтениях.— В кн.: Пробл. трасологич. исследований. М.: ВНИИСЭ, 1978, № 35, с. 142—147.

фициент полезного действия», облегчить принятие решения следователем, целесообразно те свойства человека, которые могут отражаться в материальной среде, свести в определенную структуру, показать их связь со свойствами человеческого рода, интегральными характеристиками личности, что позволит, в зависимости от исходной информации (следов преступления), выбрать тот или иной комплекс экспертиз по распознаванию свойств преступника.

В этой связи просматривается еще одно весьма перспективное научное направление в развитии судебной экспертизы. Известно, что между отдельными свойствами человека имеются связи, которые могут быть положены в основу становления генетической экспертизы. В методическом плане такая экспертиза мыслится следующим образом: на основе отдельных экспертиз по диагностике свойств эксперт-генетик проводит, используя связи, новое исследование с целью ограничения круга проверяемых лиц и прогноза тех свойств, которые непосредственно не содержатся в следах преступления с целью создания вероятностного образа преступника.

Подводя итог, следует сказать, что в силу ограничения объема статьи мы проанализировали не все возможности судебных экспертиз в решении тактических задач, а лишь некоторые, останавливаясь на наиболее важных и перспективных направлениях.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЖАРОВ

М. В. БЕЗУГЛОВ

По абсолютному большинству возникающих в СССР пожаров в возбуждении уголовных дел отказывается. Изучение практики разрешения материалов о пожарах свидетельствует о том, что такие решения часто принимаются необоснованно.

Основанием для возбуждения уголовного дела о пожаре обычно является сам факт пожара и данные о признаках состава преступления, указывающих на поджог или преступное нарушение правил пожарной безопасности.

Информацию об этом органы расследования нередко получают сразу же по прибытии на место пожара или же после его осмотра, беседы с очевидцами происшествия, другими лицами, располагающими нужными сведениями, наведения справок и т. д. Однако очень часто приходится сталкиваться и с иной ситуацией. Полученных данных на месте происшествия бывает недостаточно для вывода о причине возникновения пожара, о наличии или отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния. Это затрудняет работу органов дознания и предварительного следствия. В итоге они не могут принять определенное решение и отказывают в возбуждении уголовного дела, указывая в постановлении предположительную причину пожара.

Встречаются и другого рода ошибки. Отдельные дознаватели и следователи отказывают в возбуждении уголовного дела на том основании, что причина пожара неизвестна и, следовательно, признаков преступления не установлено.

Последствия такой практики нетрудно предвидеть: необоснованный отказ в возбуждении уголовных дел искажает действительную картину состояния преступности, ущемляет интересы граждан, государства, затрудняет возмещение материального ущерба. Требование закона о неотвратимости наказания за совершение правонарушения, ответственность за

которые предусмотрена в уголовном или административном порядке, не выполняется.

К сожалению, в юридической литературе, посвященной проблемам борьбы с поджогами и нарушениями правил пожарной безопасности, содержатся весьма ограниченные указания о порядке размещения таких материалов о пожарах. Высказывается, например, мнение, что для возбуждения уголовного дела достаточно самого факта пожара, если: а) он сопровождался человеческими жертвами; б) причинил крупный материальный ущерб; в) принял характер стихийного бедствия¹.

В известной степени эти рекомендации облегчают работу органов дознания и предварительного следствия, способствуя своевременному возбуждению уголовных дел по ряду пожаров и быстрому их расследованию. Но они далеко не в полной мере отвечают запросам следственной практики, поскольку не затрагивают так называемых «обычных пожаров», с которыми работникам следствия часто приходится сталкиваться в своей практической деятельности.

Отсутствие единых научно обоснованных рекомендаций о порядке разрешения материалов о пожарах крайне отрицательно сказывается на результатах борьбы с поджогами и нарушениями правил пожарной безопасности. Отметим в этой связи, что В. И. Ленин настаивал на строгой ответственности должностных лиц органов расследования за недосмотр или несообщение ими о совершаемых преступлениях. В. И. Ленин указывал, что ВЧК «обязана в 3-недельный срок издать подробную инструкцию, определяющую не только порядок действия ТОВЧК, но и устанавливающую строгую ответственность агентов ТОВЧК за недосмотр или несообщение случаев саботажа и спекуляции»².

Нам представляется, что если действительная причина пожара в ходе предварительной проверки не установлена, любое сомнение в наличии или отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния должно разрешаться в пользу возбуждения уголовного дела. Такой подход обусловлен следующими соображениями.

Во-первых, почти каждый пожар возникает в результате действия или бездействия определенных лиц. Даже пожары от ударов молнии зачастую являются следствием невыполне-

¹ Брайнин М. С. Расследование дел о пожарах. М., 1956, с. 14.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 51.

ния требований органов Госпожнадзора, а также Строительных норм и правил по обеспечению объектов грозозащитой.

Во-вторых, в большинстве случаев для установления причин пожара требуется производство комплекса мероприятий, в частности, осуществление пожарно-технической, химической, технологической и других видов судебных экспертиз, а они могут назначаться только по возбужденному делу.

Возбуждение уголовного дела в подобных обстоятельствах не противоречит действующему законодательству. Но это, разумеется, не означает, что все без исключения дела о пожарах надо возбуждать без какой-либо предварительной проверки. Если наличие признаков состава преступления заранее ставится под серьезное сомнение, то вопрос о возбуждении уголовного дела необходимо решать после тщательной проверки обстоятельств возникновения и развития пожара. Но, так или иначе, неустановление причины пожара не является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Напротив, в ряде случаев для установления причины пожара следует возбудить уголовное дело и расследовать его. При этом не исключено, что дело будет прекращено, хотя само возбуждение его было вполне законным. Ущерб от такого рода издержек гораздо меньше того вреда, который наносится обществу бездействием органов расследования.

Выявить причину пожара, установить виновных можно лишь при умелом, тактически правильном расследовании с использованием научно-технических средств для обнаружения, закрепления, изъятия и исследования вещественных доказательств, с привлечением различных специалистов.

В состоянии ли органы Госпожнадзора выполнить такие требования? Практика показывает, что для этого сотрудники Госпожнадзора не располагают ни достаточной подготовкой, ни процессуальными возможностями.

Во-первых, даже хорошо подготовленные инспекторы Госпожнадзора не всегда могут правильно провести доследственную проверку и дознание. Дело в том, что недостаточно знать причины возникновения пожара — надо еще свободно ориентироваться в уголовном и уголовно-процессуальном законах, владеть тактикой проведения отдельных следственных действий. Такой подготовки у сотрудников Госпожнадзора обычно нет.

Во-вторых, деятельность органов Госпожнадзора по расследованию пожаров ограничена кругом действий, указанных в законе (ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза

ССР и союзных республик, ст. 119 УПК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик), и выходить за пределы своих полномочий они не имеют права (так, например, они не имеют права назначить судебную экспертизу, в проведении которой часто возникает необходимость в самом начале расследования).

В-третьих, инспекции Госпожнадзора или районные инспектора, находясь в подчинении у начальников районного отдела внутренних дел, не обладают таким важным для проведения правом, как процессуальная независимость. Это иногда приводит к необоснованному отказу в возбуждении уголовных дел.

И, наконец, органы Госпожнадзора не имеют тех оперативных возможностей, которыми располагают, к примеру, уголовный розыск и аппараты БХСС.

Все это в совокупности и приводит к частичной или полной утрате возможности обнаружения и использования доказательств в один из ответственных периодов следствия — начальный, к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел.

Органы Государственного пожарного надзора в соответствии с законом наделены правом производства дознания по делам о пожарах и нарушении правил пожарной безопасности. Указанное право им впервые было предоставлено постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 мая 1935 г.³, что нашло впоследствии отражение в уголовно-процессуальном законодательстве⁴. Однако основная функция пожарного надзора — надзор за соблюдением правил пожарной безопасности. Функция дознания этих органов производная и поэтому она не должна затруднять осуществление главных функций надзора за соблюдением правил пожарной безопасности. Отсюда следует, что дознание по делам о пожарах и нарушении правил пожарной безопасности должно носить эпизодический характер, т. е. производиться лишь в случаях действительной необходимости зафиксировать событие преступления и закрепить доказательства об обстоятельствах возникновения и развития пожара. Поэтому нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что расследование пожаров возложено на Государственный пожарный надзор МВД СССР⁵ и что до-

³ СЗ СССР, 1935, с. 222.

⁴ Ст. 117 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик.

⁵ Криминалистика. Изд-во МГУ, 1971, с. 532.

знание по делам о пожарах есть связующее звено между деятельностью Госпожнадзора и милиции и предварительным следствием⁶.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что существующий подход к предварительной проверке материалов о пожарах и их расследованию не в полной мере обеспечивает выполнение ленинского требования о неотвратимости наказания за совершенные преступления.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» сказано: «Решать все экономические и социальные задачи в первую очередь с общегосударственных позиций, бороться с любыми проявлениями местничества и ведомственности — таково неперемennое требование подлинно партийного, интернационалистического подхода к делу»⁷.

В числе общих мероприятий, направленных на коренное улучшение борьбы с пожарами и нарушениями правил пожарной безопасности, прежде всего нужно установить такой порядок, чтобы разрешением материалов, по которым причины пожаров не установлены, занимался следователь и чтобы он своевременно вступал в дело — с самого начала обнаружения преступления. Сейчас в районных (городских) отделах внутренних дел созданы и успешно работают дежурные оперативные группы, которые немедленно реагируют на сообщения о преступлениях. Включение их в работу по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с пожарами, обеспечивает большую вероятность установления истины, способствует объективности, полноте и всесторонности следствия, устраняет факты волокиты. Кроме того, это создаст условия для органов Госпожнадзора сосредоточить свои силы на основном участке работы — надзору за соблюдением правил пожарной безопасности.

«В укреплении социалистической законности и правопорядка,— отмечено в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXVI съезду,— высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции. Профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью. Только такие люди могут достойно выполнять возложенные на них серьезные обязанности. Советский народ впра-

⁶ Григорьян А. С. Расследование поджогов. М.: Юрид. лит., 1971, с. 16.

⁷ «Правда», 1982, 21 февр.

ве требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание»⁸.

Опыт свидетельствует, что преступления должным образом расследуются в тех следственных подразделениях, где последовательно осуществляется специализация следователей на расследовании пожаров. Недооценка трудностей и специфики расследования данной категории преступлений приводит к крайне отрицательным последствиям. Специализация следователей на расследовании дел о пожарах дает им возможность систематически изучать и обобщать следственную и экспертную практику, повышать свое профессиональное мастерство. Немаловажное значение в деле улучшения расследования пожаров имело бы изменение подготовки следственных кадров. Следует согласиться с мнением профессора И. М. Лузина⁹ о необходимости создания в высших учебных заведениях специализированного курса, включающего вопросы методики расследования дел о пожарах, теории и практики проведения пожарно-технической экспертизы.

Вместе с тем, говоря о перенесении центра тяжести в расследовании пожаров с органов дознания на следователей, во все не умаляется роль Госпожнадзора в выяснении причин возникновения пожаров. Участие сотрудников Госпожнадзора в расследовании и предупреждении пожаров должно всемерно возрастать. Но это участие должно выражаться не столько в производстве дознания, сколько в применении научно-технических средств и специальных познаний при производстве следственных действий, особенно осмотра места пожара. Эта помощь должна исходить прежде всего от специалистов испытательных пожарных лабораторий военизированной пожарной охраны МВД СССР. Во многих лабораториях организовано круглосуточное дежурство, их сотрудники обычно выезжают на место вызова одновременно с первыми пожарными подразделениями¹⁰. Это дает возможность следователю привлекать различных специалистов с самого начала расследования и тем самым обеспечивать быстроту и качество выполнения следственных действий.

Участие специалистов испытательных пожарных лабораторий военизированной пожарной охраны МВД СССР наряду с другими специалистами в применении научно-техниче-

⁸ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1981, с. 65.

⁹ Пожарное дело, 1970, № 2, с. 17.

¹⁰ Пожарное дело, 1970, № 10, с. 23.

ских средств и специальных познаний при расследовании пожара нужно рассматривать как одно из важнейших условий коренного улучшения качества и эффективности расследования и предупреждения поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности.

Интересы расследования дел о пожарах требуют также обеспечения сочетания следственных и оперативно-розыскных мероприятий. В этом основа успеха борьбы с пожарами и особенно с поджогами, которые совершаются скрыто, замаскированно, с расчетом на безнаказанность. Деловой контакт в работе следователя и оперативного работника, обеспечивающий успешное решение единой задачи — полного и быстрого раскрытия и расследования преступления — предполагает: четкое разграничение полномочий следователя и оперативно-го работника; совместную работу на месте пожара по выявлению и закреплению следов преступления, розыску и задержанию преступника; составление согласованного плана расследования; взаимный обмен информацией. В условиях делового взаимодействия с оперативным работником у следователя создается возможность лучше подготовить необходимые следственные действия, проводить их быстро и эффективно. Сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий способствует успешному и своевременному предотвращению готовящихся преступлений.

Практика убеждает также в том, что установление постоянного делового контакта при предупреждении и расследовании поджогов и нарушений правил пожарной безопасности облегчается, когда наряду со следователями проводится специализация среди оперативных работников. Квалифицированные преступления, связанные с пожарами, требуют квалифицированного их предупреждения, раскрытия и расследования.

Представляется, что в целях обеспечения тесного взаимодействия следователей и оперативных работников с инспекторским составом Госпожнадзора было бы целесообразным размещать следователей и оперативных работников в помещениях управлений и отделов пожарной охраны.

В связи со специализацией сотрудников аппарата уголовного розыска и БХСС облегчается создание постоянных групп по предупреждению и раскрытию преступлений, связанных с пожарами. Группы следует укомплектовать опытными следователями, оперативными работниками, специалистами испытательных лабораторий военизированной пожарной охраны МВД СССР и криминалистической техники.

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А. И. ДАНИЛЮК, М. П. РАХЛЕВСКИЙ

Успешное выполнение задач борьбы с преступностью требует, чтобы деятельность органов предварительного расследования была результативной, эффективной. В этой связи важное значение приобретает изучение проблемы эффективности, что способствует более четкому определению целей и средств их достижения, условий деятельности органов предварительного расследования, путей повышения уровня их работы. Особую значимость имеет правильное понятие эффективности. Не случайно, что в общетеоретической и специальной литературе в последние годы этому вопросу уделяется большое внимание. Так, А. И. Михайлов в понятие эффективности предварительного следствия включает «результативность предварительного следствия, т. е. достижение непосредственных, ближайших целей борьбы с преступностью (обнаружение и раскрытие преступления, расследование всех уголовных дел в установленные законом сроки на должном качественном уровне при строгом соблюдении законности); плодотворность предварительного следствия, т. е. достижение опосредованных конечных целей расследования (сокращение числа преступлений и иных правонарушений, устранение причин преступности, повышение правосознания населения и др.); рациональность предварительного следствия, т. е. сведение до минимума ошибок при расследовании, экономия сил и средств, внедрение научных методов в следственную практику, выполнение следственных и иных процессуальных действий правильным, рациональным способом»¹. В целом поддер-

¹ Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия.— В сб.: Эффективность применения уголовного закона / Под ред. Н. Ф. Кузнецова, И. Б. Михайловской. М.: Юрид. лит., 1973, с. 182. По мнению других ученых, понятие эффективности охватывает не только решение поставленных целей, но и достижение их с минимальными затратами.

живая определение эффективности, предложенное А. И. Михайловым, мы тем не менее не можем согласиться с включением в это понятие достижения желаемого результата с минимальными затратами (экономические показатели). Бесспорно экономические показатели для деятельности органов предварительного расследования имеют значение, но не являются главными (главным здесь является результат деятельности)². А поэтому, как нам думается, они могут быть отнесены лишь к условиям эффективности. Экономические показатели являются главными в производственной, хозяйственной деятельности. Но там затраты на производство и другие экономические показатели «всегда входят в цели решения задачи»³.

В деятельности органов предварительного расследования определение затрат характеризует не цель, а средство ее достижения. Цель же в правовой деятельности «не обязательно должна быть экономически выгодной, в то время как для средств это требование неукоснительно»⁴. Перед уголовным судопроизводством стоят специфические цели и задачи (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, ст. 2 УПК РСФСР). В их числе какие-либо экономические показатели не упоминаются. Когда же речь идет о средствах достижения цели, учитывая, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»⁵, законодатель обязывает принять все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, ст. 20 УПК РСФСР). В этих целях предусматривается осуществление

(См.: Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения.— Советское государство и право, 1963, № 1, с. 31; Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы.— Советское государство и право, 1970, № 3, с. 45).

² Аналогичное положение наблюдается и при осуществлении прокурорского надзора. В специальном исследовании, посвященном вопросам эффективности прокурорского надзора, в этой связи подчеркивается: «Экономические показатели (затраты времени, средств, производительность труда и др.) для прокурорской деятельности хотя и имеют значение, но не являются главными» (Проблемы эффективности прокурорского надзора / Под ред. К. Ф. Скворцова. М.: Юрид. лит., 1977, с. 21).

³ Аунапу Ф. Ф. Научные методы принятия решений в управлении производством. М.: Экономика, 1974, с. 32.

⁴ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980, с. 64.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 7.

таких дорогостоящих мероприятий, как проведение экспертизы вне экспертного учреждения (ст. 189 УПК РСФСР), эксгумация трупа (ст. 180 УПК РСФСР), применение звукозаписи при допросе (ст. 141¹ УПК РСФСР) и др. В этих же целях государство выделяет значительные средства на улучшение качественного состава и материальной базы органов предварительного расследования, о чем свидетельствуют известные постановления партии и правительства, в частности, по увеличению штатной численности, должностных окладов, материального обеспечения органов предварительного расследования и т. п. Изложенное ни в коей степени не означает, что выполнение поставленных задач допустимо «любой ценой». Мы хотели лишь подчеркнуть, что, выдвигая перед уголовным судопроизводством специфические цели и задачи, законодатель не ставит их выполнение в зависимость от экономических показателей⁶.

Не могут быть также включены в понятие эффективности предварительного расследования внедрение научных методов, выполнение следственных и иных процессуальных действий рациональным способом, сведение до минимума ошибок и т. п., поскольку все эти показатели не являются целями и задачами органов предварительного расследования, а характеризуют лишь средства их достижения. Что касается вопроса о соотношении эффективности и сроков предварительного расследования, то следует признать: поскольку законодатель в качестве задачи уголовного судопроизводства выдвигает быстрое раскрытие преступления (ст. 2 УПК РСФСР), устанавливая для производства предварительного расследования конкретные сроки (ст.ст. 121, 133 УПК РСФСР), то сроки предварительного расследования следует рассматривать в качестве компонента понятия эффективности. Однако, оценивая деятельность органов следствия и дознания с точки зрения скорости и результативности, необходимо учитывать сложность расследуемых уголовных дел, большой объем работы и другие обстоятельства. Для раскрытия и расследования этих преступлений требуется выполнить множество следственно-оперативных мероприятий. В подобных случаях закон и подзаконные акты предусматривают возможность создания следственных бригад (ст. 129 УПК РСФСР), постоянных и временных следственно-оперативных групп, особый порядок

⁶ Здесь речь не идет о тех преступлениях, где возмещение материального ущерба стоит в качестве цели и задачи уголовного судопроизводства, например, по делам о хищениях государственного имущества и др.

продления установленного законом срока предварительного расследования и содержания под стражей (ст. 133 УПК РСФСР). Поэтому деятельность органов предварительного расследования или отдельных работников по успешному раскрытию и расследованию таких уголовных дел в сроки, превышающие установленные законом, может быть признана эффективной. Так, следователем районной прокуратуры расследовалось уголовное дело по факту смерти Величко около 10 месяцев. Причем расследование неоднократно продлялось, приостанавливалось, возобновлялось. Лишь ценой огромных усилий были установлены факт убийства и лицо, совершившее преступление. Им оказался некий Заверюхин, ранее неоднократно судимый за различные преступления, в том числе и за убийство. Преступник предан суду и осужден к высшей мере наказания. Несмотря на значительное нарушение срока следствия, деятельность следователя по данному делу признана эффективной. Приказом Прокурора РСФСР он поощрен. Изложенным, безусловно, не оправдывается волокита, она не содействует успешному расследованию дела и должна сурово осуждаться. Органы предварительного расследования, не забывая, что «машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро»⁷, напротив, обязаны принять все предусмотренные законом меры к быстрому и полному раскрытию преступления. Мы лишь подчеркиваем, что, оценивая деятельность органов предварительного расследования с точки зрения эффективности, должны учитываться сложность расследуемого дела, объем работы и другие обстоятельства, объективно препятствующие незамедлительному раскрытию и расследованию преступления.

При определении понятия эффективности предварительного расследования логично исходить из общетеоретических посылок. Эффективность управляющей системы понимается «как взаимосвязь цели и результатов ее достижения, выраженных в конечных итогах... деятельности»⁸. Эффективность в осуществлении правосудия рассматривается в качестве итога деятельности специального субъекта — суда. В русском языке эффект толкуется как результат, следствие какого-либо действия⁹. Представляется, что аналогичное толкование

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101.

⁸ Тихомиров Ю. А. Эффективность деятельности управленческих органов. — Советское государство и право, 1971, № 4, с. 51.

⁹ Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: Наука, 1965, т. 17, с. 19, 59.

эффективности применимо и в стадии предварительного расследования, где, по справедливому замечанию А. М. Ларина, «эффективность выражается соотношением намеченной цели (идеи, плана) и цели достигнутой (результата)»¹⁰. Однако известно, что достижение любой цели является следствием деятельности органов предварительного расследования. Не всякой деятельности, а только такой, которая ведет к намеченной цели, т. е. положительной деятельности. Практике известны случаи, когда в ходе расследования того или иного уголовного дела проводится большой объем работы, однако положительных результатов не достигается. Причинами такой деятельности чаще всего являются неправильное построение следственных версий, отсутствие делового контакта в работе органов следствия и дознания, низкая квалификация работников и др.

26 мая 1981 г. вечером в Лагерном саду г. Томска неустановленные лица напали на студентов университета Ольгу Р. и Олега Ш., нанесли им удары по голове металлическим предметом. От полученных травм Ольга скончалась, а Олег получил тяжкие телесные повреждения. На место происшествия выехал дознаватель, осмотр был проведен поверхностно, протокол составлен плохо. Через несколько дней дело было передано следователю РОВД, а спустя два месяца — следователю прокуратуры. В ходе расследования надлежащего контакта между следователем и работниками уголовного розыска не было. Хотя по делу выполнено множество следственных действий, однако следственные версии до конца не проверялись. В ходе расследования уголовного дела была допущена волокита, преступление осталось нераскрытым. Деятельность органов предварительного расследования по данному делу была нецеленаправленной, нерезультативной, неэффективной.

Определение эффективности предварительного расследования тесно связано с такими категориями, как цели и задачи. В литературе высказано мнение о том, что цели и задачи — разнопорядковые понятия и в уголовном процессе их отождествлять нельзя. На этом основании даже предпринята попытка расчленить ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР), отнести сформулированные в ней положения соответственно к той или иной категории. Так, А. М. Ла-

¹⁰ Ларин А. М. Управление расследованием и измерение его эффективности. — Советское государство и право, 1979, № 10, с. 83.

рин считает быстрое и полное раскрытие преступлений, избличение виновных, правильное применение закона задачами уголовного судопроизводства, все другие положения указанной нормы — целями¹¹. Характерно, что в этой же работе автор, по существу, отступает от провозглашенной классификации и приходит к выводу, что цель уголовного процесса одновременно является и его задачей¹². Он прямо указывает на свою солидарность с М. С. Строговичем, цитирует его слова о том, что «Целью советского уголовного процесса является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения (реабилитация) невиновного лица и оказание воспитательного воздействия на граждан». Однако М. С. Строгович, как известно, обнаружение истины по уголовному делу связывает с быстрым и полным раскрытием преступления. «Раскрыть действительно совершенное преступление,— подчеркивает он,— значит обнаружить истину»¹³. В другом труде, анализируя ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, М. С. Строгович пишет: «Сама мысль, идея объективной, материальной истины здесь выражена очень ясно, хотя слово «истина» не употреблено: привлечен и осужден должен быть каждый, совершивший преступление, а невиновный должен быть огражден от неосновательного обвинения; это значит, что во всех случаях факты должны быть установлены в соответствии с действительностью, т. е. должна быть установлена подлинная объективная, материальная истина»¹⁴.

Согласно марксистско-ленинскому учению в основе любой классификации «должны лежать объективные различия классифицируемых предметов»¹⁵. При отсутствии таких объективных различий классификация лишена всякого смысла. Подразделяя указанные в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства положения на цели и задачи, А. М. Ларин не указывает их объективных различий. Это не случайно. Трудно отыскать объективные различия, отделяющие одно положение от другого, там, где их нет и быть не может. Ведь все положения,

¹¹ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1979, с. 222.

¹² См.: Там же, с. 226—227.

¹³ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Наука, 1955, с. 20.

¹⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968, т. 1, с. 133.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 564—565.

указанные в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, имеют единую направленность, являются по своему существу однотипными, содержатся в одной норме закона.

А. И. Михайлов, анализируя задачи предварительного расследования, делает вывод. 1. Результаты, на достижение которых направлена деятельность органов предварительного расследования преступлений, нужно именовать целями и задачами. 2. Под задачами понимаются результаты, достижение которых возможно измерить в настоящем и связано с расследованием конкретного уголовного дела. Задачи характеризуют предварительное расследование с количественной стороны и степень их достижения может быть измерена. Цели характеризуют предварительное расследование с качественной стороны. Они реализуются при участии других социальных институтов и государственных органов, поэтому вклад следователей в их достижение количественно выразить при современном уровне развития науки невозможно¹⁶.

Действительно, категории качества и количества могут быть использованы в стадии предварительного расследования, в частности, при оценке деятельности отдельных должностных лиц или органов в целом, но не в виде объективных различий, отделяющих задачи уголовного судопроизводства от его целей. Нам думается, что каждое из положений ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР) является предметом, имеющим и количественную, и качественную характеристики, ибо «ни один предмет не обладает только качественной или только количественной стороной. Каждый предмет представляет собой единство определенного качества и количества (мера); он есть качественная величина количества и количественное определение качества»¹⁷. Например, количественное выражение требования быстрого и полного раскрытия каждого преступления проявляется в сроках расследования, выявлении всех участников и эпизодов преступления, а качественное — в собирании достаточной совокупности доказательств, правильных выводах об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Что касается целей, указанных в ч. 2 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР), то и здесь деятельность органов предварительного расследования оценивается как по качест-

¹⁶ Михайлов А. И. О задачах предварительного расследования в советском уголовном процессе.— Вопросы борьбы с преступностью, 1977, вып. 26, с. 97—98.

¹⁷ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980, с. 150—151.

ву, так и по количеству выполненных мероприятий (количество оконченных дел, внесенных представлений, прочитанных лекций и т. п.).

Характеризуя с двух различных сторон раскрытие преступления и борьбу с преступностью, они дают правильное представление о сущности этих требований, ибо «*совокупность* всех сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* — вот из чего складывается истина»¹⁸.

Представляется, что в сфере уголовного судопроизводства понятия цели и задачи можно рассматривать, как тождественные. И не только потому, что семантическое толкование этих терминов весьма близкое по своему содержанию. Главное состоит в том, что деятельность субъектов уголовного судопроизводства чрезвычайно специфична. Она ограничена во времени и пространстве. Используются специальные средства для установления обстоятельств, имеющих значение — доказательства. Причем, сама эта деятельность носит целенаправленный характер, является сугубо практической. В этих условиях отделить цели от задач невозможно. Поэтому представляется правильным утверждение о том, что «В области права различие между понятиями цели и задачи установить трудно»¹⁹. Вывод о тождественности в уголовном судопроизводстве терминов задачи и цели находит подтверждение в законе. В ст.ст. 2 и 3 Основ законодательства о судопроизводстве эти термины используются в одном и том же значении. Правда, в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР и УПК других союзных республик) все то, что мы охватываем двумя указанными терминами, именуется задачами уголовного судопроизводства, но это лишь неточность законодателя. Кстати, название и трактовка действующей статьи закона не свидетельствует и в пользу наших противников, поскольку ими из нормы, определяющей задачи уголовного судопроизводства, конструируется новая категория — цель. Все изложенное позволяет поддержать вывод П. С. Элькинд о том, что в уголовном судопроизводстве категории цели и задачи идентичны²⁰.

Требованием эффективности является правильный выбор

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

¹⁹ Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. Право и социология. М.: Наука, 1973, с. 254.

²⁰ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: ЛГУ, 1976, с. 37.

цели, ибо «цель, если она определяется неверно, неизбежно подрывает возможность достижения положительного результата, а в ряде случаев предопределяет и выбор ненадлежащих средств достижения цели»²¹.

Закон формулирует цели для всего уголовного судопроизводства. Но чтобы выявить эффективность предварительного расследования, необходимо определить цели данной стадии процесса. А. Д. Бойков в этой связи правильно указывает: «...не выяснив цель, преследуемую правом, невозможно судить о ее достижении»²². С этой точки зрения стадия предварительного расследования представляет значительные трудности. Системный подход к изучению указанной стадии убеждает, что здесь наличествует целая иерархия целей. Причем цели стоят не только в целом перед стадией, но и перед отдельными этапами, и даже — следственными действиями. Все они находятся на различных уровнях.

Цели, стоящие перед стадией предварительного расследования в целом, могут быть специфическими, присущими только указанной стадии, или быть более широкими, т. е. быть целями и анализируемой стадии, и одновременно других видов деятельности по борьбе с преступностью.

Специфичной целью предварительного расследования является обеспечение всех необходимых предпосылок для судебного разбирательства. Эта цель раскрывается: в быстром и полном раскрытии преступления; в привлечении лица в качестве обвиняемого; в возмещении причиненного преступлением материального ущерба или создании необходимых условий для реального его возмещения после судебного приговора; в выявлении и устранении причин и условий, способствующих совершению преступления²³.

К целям, стоящим перед органами предварительного расследования и другими правоохранительными учреждениями, можно отнести: привлечение к уголовной ответственности виновных, охрану прав и законных интересов граждан, укрепление социалистической законности, предупреждение и искоре-

²¹ Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления. — Советское государство и право, 1965, № 8, с. 3.

²² Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. — В сб.: Эффективность применения уголовного закона / Под ред. Н. Ф. Кузнецова и И. Б. Михайловской. М.: Юрид. лит., 1973, с. 164.

²³ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М.: Юрид. лит., 1965, с. 38.

нение преступлений, воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Цели, стоящие перед отдельными частями (этапами) предварительного расследования, находятся на другом уровне. Они подчинены целям, стоящим в целом перед стадией предварительного расследования²⁴.

На первом этапе (охватывающем деятельность от начала расследования до принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого) возникают такие цели, как установление факта и обстоятельств преступления, а также лица, его совершившего; создание условий для привлечения лица в качестве обвиняемого.

На втором этапе (от вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая допрос обвиняемого) ставятся цели создать нового участника процесса — обвиняемого, на которого распространяются требования уголовно-процессуального закона; обеспечить возможность обвиняемому защищаться установленными законом способами.

На третьем этапе (от допроса обвиняемого до принятия решения об окончании расследования) стоит цель проверить доводы обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для дела, которые не были еще установлены.

Четвертый этап (от принятия решения об окончании расследования, включая составление конечного процессуального акта) образует совокупность следующих целей: подведение итога предварительному расследованию; осуществление контроля за правильным выполнением следственных действий; обеспечение готовности участников процесса к судебному разбирательству. К целям, стоящим перед прокурором на этом этапе, можно отнести: выявление нарушений законности при проведении и окончании предварительного расследования, составлении обвинительного заключения, постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, постановления о прекращении дела (ст.ст. 6—9 УПК РСФСР); устранение нарушений закона, ликвидацию вредных последствий.

Цели, стоящие перед отдельными следственными действиями,— это цели следующего уровня. Они относительно автономны между собой, но подчинены целям, стоящим перед

²⁴ Вопрос об этапах предварительного расследования спорный. Здесь мы придерживаемся классификации, предложенной и обоснованной в работах Е. Н. Лифанова.

этапами предварительного расследования и в целом перед рассматриваемой стадией уголовного процесса. Назовем некоторые из них. К числу целей, стоящих перед допросом, можно отнести получение полной и достоверной информации об обстоятельствах дела. Осмотр производится в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, выяснения обстановки происшествия и иных обстоятельств, имеющих значение. Обыск имеет следующие цели: обнаружение и изъятие орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, а также других предметов или документов, могущих иметь значение для дела; выявление разыскиваемых лиц и трупов. Перед следственным экспериментом стоит цель проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела.

Степень достижения указанных выше целей и характеризует эффективность предварительного расследования.

Суммируя изложенное, можно сделать вывод о том, что эффективность предварительного расследования — это результат положительной деятельности органов дознания, следователя, прокурора по достижению целей, стоящих перед стадией предварительного расследования, ее этапами и следственными действиями.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫМ ПРАВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ (РАСКОНВОИРОВАНИЕ) И ОТМЕНА ПРАВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ (ЗАКОНВОИРОВАНИЕ)

**(Некоторые вопросы правового регулирования
и практики применения)**

Ю. К. ЯКИМОВИЧ

1. По вопросу о правовой природе института передвижения без конвоя лиц, лишенных свободы (расконвоирования), не существует единого мнения. Многие авторы относят институт расконвоирования к элементам прогрессивной системы и в связи с этим полагают необходимым значительно расширить применение расконвоирования. Основанием расконвоирования, по их мнению, должна быть не производственная необходимость, а достижение осужденным определенной степени исправления¹. Имеется и другая точка зрения. Согласно ей расконвоирование не является элементом прогрессивной системы и должно применяться именно в исключительных случаях².

Для выяснения правовой природы расконвоирования обратимся к анализу действующего исправительно-трудового законодательства. Основанием расконвоирования по действующему законодательству является производственная необходимость «в исключительных случаях... если это необходимо по характеру выполняемой осужденным работы», — так сказано в законе (ст. 38 Основ исправительно-трудового законодательства, ст. 31 исправительно-трудового кодекса РСФСР)³.

¹ См., например: Кузнецов Ф. Т. Роль исправительно-трудовых учреждений в борьбе с рецидивной преступностью. — В сб.: Проблемы борьбы с рецидивной преступностью и задачи органов МООП СССР. М., 1968, с. 18—19; Кузнецов Ф. Т., Шмаров И. В., Подымов П. Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М.: Юрид. лит., 1968, с. 145—147; Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М., 1968, с. 83.

² См., например: Бажанов О. И., Фетисов В. З. Вопросы совершенствования прогрессивной системы отбывания наказания. — Труды ВНИИ МВД СССР. М., 1974, № 30, с. 30—31.

³ В дальнейшем Основы и ИТК РСФСР.

Хотя расконвоирован может быть только осужденный, твердо вставший на путь исправления, т. е. требуется, чтобы произошли положительные изменения в личности осужденного, однако эти изменения выступают не как основание, а, наряду со сроком⁴, как необходимое для этого условие.

Отсюда мы делаем вывод, что расконвоирование не является в полном смысле этого слова таким же, как и другие, элементом прогрессивной системы.

Вместе с тем это отнюдь не означает, что расконвоирование вообще не имеет никакого отношения к прогрессивной системе. Конечно, назначение института расконвоирования прежде всего в решении определенных хозяйственных задач. Однако наряду с этим возможность расконвоирования в определенной степени стимулирует осужденных стремиться к исправлению и перевоспитанию⁵, приспособливает расконвоированных осужденных к жизни на свободе и служит своеобразной проверкой готовности их к такой жизни⁶.

Таким образом, расконвоирование объективно способствует решению задач, стоящих перед прогрессивной системой. Применение расконвоирования, так же как и других элементов прогрессивной системы, возможно только при достижении определенной степени исправления осужденного. Вот почему мы считаем, что расконвоирование является хоть и не основным, не обязательным, но факультативным элементом прогрессивной системы.

2. Вместе с тем возникает вопрос о необходимости и целесообразности (как это предлагают Г. А. Аванесов, Ф. Т. Кузнецов, А. Ф. Сизый и др.) изменения в законе оснований расконвоирования и расширения применения этого института.

⁴ Имеется в виду установленная законом минимальная часть срока, не менее которой требуется отбыть осужденному, чтобы ему могло быть предоставлено право передвижения без конвоя.

⁵ Так, например, на вопрос «Стремились ли Вы к тому, чтобы Вас расконвоировали?» — 74,6% опрошенных нами расконвоированных осужденных ответили положительно. А на вопрос «Побуждала ли Вас возможность расконвоирования лучше себя вести, добросовестно относиться к труду?» — положительно ответили 46,6% опрошенных расконвоированных осужденных.

⁶ Не случайно, например, как это отмечается в литературе, ошибки в условно-досрочном освобождении в отношении расконвоированных осужденных — весьма редкое явление. (См.: Сафонов А. П. О совершенствовании института условно-досрочного освобождения. — В сб.: Проблемы борьбы с рецидивной преступностью и задачи органов МООП СССР. М., 1968, с. 235).

Приведем некоторые аргументы против принятия подобного предложения:

а) путем перевода в ИТК-поселения и на стройки народного хозяйства при условном освобождении задача постепенного приспособления к условиям жизни на свободе решается значительно более успешно. Возможность быть переведенным в ИТК-поселение или освободиться условно с обязательным привлечением к труду стимулирует осужденных стремиться к исправлению и перевоспитанию в значительно большей степени, чем расконвоирование, и для большинства осужденных наступает по отбытии $\frac{1}{3}$ части срока наказания. Применение указанных институтов признается в целом эффективным и поэтому нецелесообразно ограничивать переводы в ИТК-поселения, условное освобождение, что объективно имело бы место при более или менее значительном расширении применения расконвоирования;

б) расширение расконвоирования в рамках существующих в настоящее время ограничений⁷ привело бы к тому, что осужденные за менее тяжкие преступления оказались бы в менее благоприятном положении, чем осужденные за более тяжкие преступления. При наличии одних и тех же оснований и, в большинстве случаев, по отбытии такой же части срока наказания к первым применялось бы расконвоирование, а которым — перевод в ИТК-поселения или условное освобождение.

Применение расконвоирования к более широкому, чем это предусмотрено действующим законодательством, кругу осужденных, в том числе и к осужденным за опасные преступления, в свою очередь, вызвало бы неблагоприятный общественный резонанс, а также иные негативные последствия;

в) значительное увеличение числа расконвоированных осужденных поставило бы сложные организационные вопросы и прежде всего вопросы, связанные с организацией труда. По-видимому, необходимо было бы организовывать специальные участки, цеха или даже предприятия за территорией ИТК. Подобное разделение производственного процесса в ИТК вряд ли экономически обосновано и реально осуществимо с учетом того обстоятельства, что далеко еще не все осужденные заняты на собственном производстве даже в пределах существующих производственных зон.

⁷ Имеются в виду запрещения расконвоировать определенные категории осужденных, установленные исправительно-трудовым законодательством (например, ст. 31 ИТК РСФСР).

Если же под расконвоированием понимать институт проживания осужденных вне пределов ИТК с предоставлением им права работать по трудовым соглашениям на предприятиях, в учреждениях и организациях, как это предлагается в литературе⁸, не ясно, в чем будет отличие этого института от существующего в настоящее время института условного освобождения. Вряд ли целесообразно параллельное существование двух весьма схожих институтов. Образование же взамен в целом себя оправдавшего института условного освобождения рассмотренного института проживания осужденных вне пределов ИТК также представляется нам необоснованным⁹;

г) нельзя и не учитывать того важного обстоятельства, что значительное увеличение числа расконвоированных осужденных приведет к серьезным трудностям в осуществлении контроля за ними со стороны администрации ИТК. И дело здесь не только в том, что часть из расконвоированных осужденных сами могут не устоять перед соблазнами, но и (что не менее опасно) не все могут противостоять давлению остальной массы осужденных, их требованиям и просьбам пронести деньги, продукты питания, спиртные напитки, отправить письма и т. п.

Если же расконвоированных осужденных, при их значительной численности, на ночь изолировать в локальной, охраняемой от остальной территории ИТК зоне, то, по существу, мы будем иметь не одно, а два ИТУ;

⁸ См.: Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию. Рязань, 1976, с. 109.

⁹ Следует отметить, что истории советского исправительно-трудового права известен подобный институт. Так, Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР от 10 июля 1954 г., а затем и Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах от 8 декабря 1958 г. предусматривали, что в ИТК облегченного режима администрация могла разрешать осужденным, твердо вставшим на путь исправления, и по отбытии не менее $\frac{1}{3}$ части срока наказания, проживать вне зоны. В этом случае осужденный мог вызвать к себе семью и работать как в колонии, так и по указанию администрации на других предприятиях, строительных и учреждениях. Наряду с этим институтом указанные нормативные акты предусматривали также и возможность расконвоирования осужденных в случаях производственной необходимости. Очевидно, причины отказа от института проживания осужденных вне зоны в какой-то мере были связаны и с возникавшими трудностями его применения. Представляется также, что законодатель пошел по пути замены этого института институтами перевода осужденных в ИТК-поселение и условного освобождения, которые и были законодательно оформлены вскоре после отмены института проживания осужденных вне зоны.

д) в любом случае значительное увеличение расконвоирования исправляющихся осужденных приведет к дестабилизации коллективов осужденных. Значительная часть исправляющихся осужденных или вовсе перейдет в другие отряды, или в лучшем случае (если расконвоирование не будет связано с переводом в другой отряд) большую часть времени будет находиться вне своего отряда. Нарушатся принципы стабильности коллектива осужденных, перевоспитания в коллективе и через коллектив.

Изложенное выше приводит нас к выводу, что в настоящее время нецелесообразно изменять основания применения расконвоирования, и что нет возможностей и необходимости значительного увеличения количества расконвоированных осужденных.

Следует также отметить, что и среди практических работников немного сторонников более широкого применения института расконвоирования. Только 28,8% опрошенных нами работников ИТК считают, что можно было бы и большее, чем сейчас, количество осужденных расконвоировать. Причем 70% из их числа связывают возможность увеличения числа расконвоированных именно с производственной необходимостью.

3. В соответствии с действующим законодательством расконвоирован может быть только осужденный, твердо вставший на путь исправления. Такое же требование предъявляется и к осужденному, переводимому в ИТК-поселение. А условное освобождение применяется к осужденным, если их дальнейшее исправление и перевоспитание возможно без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ними надзора. Представляется, что при условном освобождении, переводе в ИТК-поселение степень исправления осужденного должна быть выше, чем при расконвоировании.

Кроме того, расконвоирование как дополнительный элемент прогрессивной системы следовало бы теснее увязать с другими элементами прогрессивной системы, в частности, с таким ее элементом, как перевод на улучшенные условия содержания.

Поэтому мы предлагаем в случае производственной необходимости разрешать передвижение без конвоя осужденным, которые, будучи переведены на улучшенные условия содержания, в течение не менее полугода со дня перевода хорошим поведением, честным отношением к труду, обучению, по-

литико-воспитательным мероприятиям подтверждают, что встали на путь исправления.

Осуществление указанного предложения при сохранении существующего основания расконвоирования (производственная необходимость), по нашему мнению, облегчило бы подбор осужденных для расконвоирования, а также, без ущерба в решении основной задачи расконвоирования, сделало бы этот институт более соответствующим интересам прогрессивной системы.

4. Исправительно-трудовое законодательство для ИТК, расположенных в столицах автономных республик, в краевых или областных центрах, устанавливает максимально возможное число осужденных, которые могут быть расконвоированы одновременно в одной ИТК. Для ИТК, расположенных в иных местностях, подобные ограничения не предусмотрены. В некоторых из изученных нами, расположенных в областных центрах ИТК число расконвоированных на 1—2 осужденных превышает установленный лимит, в других — на 10—40 % меньше установленного максимума. Причем число расконвоированных осужденных, как правило, не находится в связи с численностью находящихся в колонии осужденных. В ИТК, расположенных не в областных центрах, по нашим данным, численность расконвоированных осужденных в среднем почти на 50 % больше, чем в ИТК, расположенных в областных центрах. Значительно больший процент расконвоированных осужденных в ИТК строгого режима, что объясняется, по нашему мнению, тем обстоятельством, что ИТК строгого режима в большем количестве, чем общего и усиленного режимов, расположены вне пределов областных (краевых) центров, в связи с чем в них находится большее количество осужденных на бесконвойном передвижении; в каждой из ИТК строгого режима содержится, как правило, меньше осужденных, чем в ИТК общего и усиленного режимов, а лимит расконвоированных установлен один для всех видов режимов.

Необходимость в большем или меньшем количестве расконвоированных осужденных для той или иной ИТК зависит от того, сколько и какие именно хозяйственные объекты расположены за пределами охраняемой территории ИТК. Представляется, что установленный исправительно-трудовым законодательством максимум возможного числа расконвоированных осужденных в одной ИТК (из числа расположенных в областных, краевых центрах) достаточен. Если же в какой-либо колонии требуется большее количество расконвоирован-

ных осужденных, следует подумать над тем, нельзя ли перенести какой-нибудь хозяйственный объект на охраняемую территорию ИТК¹⁰.

5. В соответствии с исправительно-трудовым законодательством к определенным категориям осужденных расконвоирование не применяется. Не допускается передвижение без конвоя за пределами колоний особо опасных рецидивистов, осужденных за особо опасные государственные преступления, осужденных, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии, осужденных иностранцев и лиц без гражданства (ст. 38 Основ). ИТК союзных республик устанавливают дополнительные ограничения расконвоирования. Так, ИТК РСФСР (ст. 31)¹¹ предусматривает конкретный перечень преступлений, при осуждении за которые к осужденным расконвоирование не применяется, а также запрещает расконвоировать осужденных, которые пользовались правом передвижения без конвоя, но были лишены его в связи с допущенными нарушениями; осужденных, не имевших постоянного места жительства; осужденных, к которым судом применено принудительное лечение от алкоголизма или наркомании¹². Кроме того, дополнительные ограничения установлены некоторыми ведомственными актами. Так, не допускается расконвоирование осужденных в населенных пунктах, где они проживали до ареста, совершили преступление, были осуждены или имеют родственников. Мы не имеем принципиальных возражений против всех указанных выше ограничений применения расконвоирования. Однако следует заметить, что Основы исправительно-трудового законодательства допускают возможность установления дополнительных (кроме тех, которые предусмотрены самими Основами) ограничений применения рас-

¹⁰ В ряде случаев такая возможность имеется. В этом мы убедились на основе личных наблюдений, а также побеседовав с практическими работниками.

¹¹ Из ст. 31 (ч. 1) ИТК РСФСР следовало бы исключить указание на то, что осужденным, к которым в соответствии с законом не применяется условно-досрочное освобождение, может быть разрешено передвижение без конвоя по отбытии не менее $\frac{2}{3}$ срока наказания, поскольку ч. 3 этой же статьи прямо запрещает применение расконвоирования к данной категории осужденных.

¹² В ИТК союзных республик имеются определенные различия в перечне преступлений, при совершении которых к осужденным расконвоирование не применяется. (Подробнее об этом см.: Крахмальник Л. Г. Единство и особенности исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Казань, 1974, с. 47).

конвоирования, но только ИТК союзных республик, а не ведомственными нормативными актами. Следовало бы указанные выше ограничения закрепить в Основах или в ИТК союзных республик.

6. В некоторых колониях расконвоированных осужденных не хватает. Но не потому, что их требуется больше установленного лимита, а потому, что расконвоировано осужденных значительно меньше установленного максимума, хотя требуется по характеру выполняемых работ больше, чем расконвоировано. Администрация ИТК сталкивается с определенными трудностями при подборе осужденных для расконвоирования. В частности, по той причине, что нередко осужденные сами отказываются от права передвижения без конвоя (не хочется переходить на менее квалифицированный труд, желание быстрее освободиться условно или перевестись в ИТК-поселение и по другим причинам), а также в связи с установленными запретами расконвоировать определенные категории осужденных. Поэтому не удивительно, что не всегда выполняется условие, чтобы расконвоируемый осужденный твердо встал на путь исправления. Однако, по сложившемуся у нас убеждению, в целом администрация ИТК правильно осуществляет подбор осужденных для расконвоирования. Так, из группы расконвоировавшихся в ИТК, в которых мы проводили исследование (за период с 1977 по 1980 годы) осужденных¹³, 29,8% были освобождены условно-досрочно; 22,6% — освобождены условно; 2,0% переведены в ИТК-поселения. Таким образом, более половины (54,4%) расконвоировавшихся осужденных не только оправдали оказанное им доверие, но и дальнейшими успехами приблизили свободу или заслужили ее досрочно.

7. Вместе с тем 37,7% расконвоированных осужденных были затем законвоированы, причем абсолютное большинство (88%) за нарушения режима содержания. Однако оказалось, что из законвоированных осужденных 12,4% были затем освобождены условно-досрочно, 38% — условно, 5,1% — переведены в ИТК-поселения (всего 55,5%, остальные освободились по отбытии срока наказания). Приведенные данные (а также и другие данные проведенного нами исследования) позволяют нам поставить вопрос об обоснованности во всех случаях законвоирования осужденных. Дело в том, что практически не встречаются случаи законвоирования более чем

¹³ На момент исследования они уже были освобождены из ИТК.

за одно нарушение режима содержания. Очевидно, и приведенные данные в какой-то степени доказывают это, по крайней мере, в некоторых случаях можно было бы и не применять сразу за первое нарушение расконвоированного осужденного такую меру воздействия, как законвоирование, особенно в отношении осужденных, длительное время пользующихся правом передвижения без конвоя. Нельзя не учитывать при этом то обстоятельство, что у расконвоированных осужденных значительно больше возможностей для совершения определенного рода нарушений, чем у нерасконвоированных.

Будучи расконвоированными, осужденные в основном допустили такие нарушения (что и послужило основанием их законвоирования), как: употребление спиртных напитков (37,8%); пронос, вынос (или попытка проноса, выноса), а также хранение запрещенных предметов (30,8%); нелегальные связи (7%). Всего за подобные нарушения были законвоированы 75,6% осужденных. Значительно реже законвоируют осужденных за такое нарушение, как отклонение от маршрута (3,5%). И, наконец, иные нарушения послужили основанием законвоирования 8,3% осужденных. Только один осужденный из числа изученных нами (представляется, что это неплохое явление) был законвоирован из-за отсутствия фронта работ, т. е. по основанию, которое в законе сформулировано как «изменение характера работ» (ст. 32 ИТК РСФСР). Крайне нежелательно сначала предоставить осужденному значительно улучшенные условия содержания, что имеет место при расконвоировании, а потом, при отсутствии вины осужденного, лишить его этих льгот. Вот почему необходимо или хотя бы желательно, чтобы объекты применения труда расконвоированных осужденных были постоянно действующими, а не временными. А расконвоирование осужденных на определенное время (временное расконвоирование, например, для выполнения сельскохозяйственных работ) являлось бы не правилом, а исключением из правила, что и имеет место в настоящее время в тех ИТК, в которых мы проводили исследование.

Вызывает огорчение тот факт, что 2,8% осужденных по существу отказались от права передвижения без конвоя. Встречаются случаи расконвоирования при явно выраженном нежелании осужденных (хотя это и редкое явление — нам встретилось всего 8 таких случаев расконвоирования, в 6 из них осужденные были затем законвоированы). Как выяс-

нилось в результате опроса расконвоированных и законвоированных осужденных, причины этого явления следующие: а) некоторым расконвоированным осужденным трудно отказывать постоянным просьбам других осужденных что-либо пронести или вынести, они понимают, что могут совершить нарушение и сами просят законвоировать их; б) некоторых осужденных не устраивает неквалифицированный труд, которым им приходится заниматься, постоянные проверки.

Очевидно, что обстоятельства, названные в п.п. а) и б), носят объективный характер и можно лишь уменьшить, но не полностью устранить их негативное влияние. Однако мы убеждены, что нельзя расконвоировать осужденных, нежелающих пользоваться этим правом. Практика показывает, что такие осужденные либо сами настойчиво просят, чтобы их законвоировали, и работают по хозяйственному обслуживанию без всякого желания, либо их законвоируют за нарушение режима содержания.

8. Вопросами подбора осужденных для расконвоирования занимается один из сотрудников ИТК. Обычно он является начальником отряда, в котором осужденные заняты хозяйственным обслуживанием ИТК. В их числе находятся и расконвоированные осужденные. Таким образом, начальник отряда сам подбирает осужденных, которые, будучи расконвоированными, перейдут в его отряд. И это не вызывает возражений. Однако сложен процесс согласования кандидатуры расконвоируемого осужденного. Процесс согласования можно значительно упростить, если вопросы расконвоирования рассматривать (как это делается в некоторых ИТУ) на заседании административной комиссии¹⁴, где можно заслушать мнение сразу всех заинтересованных лиц и здесь же принять решение.

В соответствии с законом (ст. 32 ИТК РСФСР) и расконвоирование и законвоирование осужденных производится по постановлению начальника ИТК. Вопрос о расконвоировании требуется также согласовать с наблюдательной комиссией. Согласование это носит часто формальный характер. Нередко на заседаниях наблюдательной комиссии вопросы о расконвоировании не рассматриваются, согласование же сводит-

¹⁴ Так эту комиссию называют в тех ИТК, в которых мы проводили исследование. В ее работе принимает участие начальник ИТК, его заместители, начальники частей, начальники отрядов, другие работники ИТУ. На ее заседании рассматриваются вопросы о представлении осужденных на условно-досрочное и условное освобождение, к переводу в ИТК-поселение, переводу в тюрьму, водворении в ПКТ и др.

ся к тому, что председатель наблюдательной комиссии подписывает постановления о расконвоировании осужденных.

Повышение роли наблюдательной комиссии в решении вопросов расконвоирования осужденных, рассмотрение этих вопросов на заседаниях наблюдательной комиссии имело бы большой воспитательный эффект, способствовало бы повышению эффективности расконвоирования и в целом процесса исправления и перевоспитания осужденных.

О РАЗВИТИИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ (1941—1965 гг.)

В. К. ГАВЛО

Интерес ученых и практиков к проблемам истории криминалистики в последние годы заметно возрос. Об этом свидетельствуют ряд известных статей и монографий видных криминалистов (А. Н. Васильева, Р. С. Белкина, А. В. Дулова, И. Ф. Крылова, И. М. Лузгина, А. И. Миронова, М. В. Салтевского, З. Г. Самошиной и др.). Однако следует заметить, что такого рода исследования посвящены главным образом либо истории криминалистики в целом, либо истории возникновения и развития криминалистических подразделений органов внутренних дел, экспертной практике. Специальных же исследований, посвященных истории методики расследования преступлений, за исключением немногих и весьма кратких (А. Н. Васильев, И. А. Возгрин и др.), у нас, к сожалению, нет. Между тем, как показывают наши специальные исследования истории становления и развития методики расследования, потребность в них велика. Как представляется, ее верно объяснил крупный исследователь истории науки акад. Б. М. Кедров. «Изучение прошлого,— писал он,— может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс. В этом состоит, на мой взгляд, одна из главных, если не главная задача истории науки»¹. Ретроспективный взгляд на методику расследования вызывается необходимостью изучения богатого наследия прошлого в борьбе с преступностью средствами криминалистики, ее методики, что в настоящее время имеет огромное теоретическое и практическое значение в деле предупреждения и ликвидации преступности в нашей стране. На XXVI съезде КПСС было подчеркнуто, что работа

¹ Кедров Б. М. История науки и принципы ее исследования.— Вопросы философии, 1971, № 9, с. 78.

органов, охраняющих правопорядок, должна быть максимально эффективна, с тем чтобы «каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание»². Значение методики расследования в этой связи трудно переоценить.

Методика расследования имеет свою историю. В ее развитии можно различить три периода. Хронологически граница каждого из периодов методики расследования, как и в любой периодизации, условна³.

Начальный период охватывает время от первых дней возникновения Советского государства до 40-х годов. В это время были заложены теоретические основы советской криминалистики, составной частью которой явилась методика расследования отдельных видов преступлений. Произошло принципиальное становление методики расследования, опирающееся на прочную методологическую базу, созданную трудами В. И. Ленина, решениями руководящих органов Коммунистической партии, декретами и постановлениями Советского правительства. Методика расследования творчески использовала данные технических, естественных и других специальных наук, систематически накапливала и обобщала передовой опыт раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Следующий период методики расследования можно охарактеризовать как этап дальнейшего обобщения практики расследования с учетом задач советского строительства. В это время уточняются структура методики расследования, ее место в системе криминалистики, соотношение с криминалистической техникой и следственной тактикой. Преимущественно вширь развиваются научные исследования по частной методике. По времени этот период определяется с 40-х до середины 60-х годов.

Третий период, как представляется, характеризуется углубленным изучением и разработкой общеметодических и общетеоретических основ методики расследования преступлений. Начинаясь с середины 60-х годов, он совпадает с бурным ростом научно-технического прогресса, который оказывает

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.

³ В криминалистической литературе по этому вопросу высказаны различные точки зрения. Подробнее см., например: Кочаров Г., Селиванов Н. Развитие советской криминалистики и ее задачи на современном этапе.— Социалистическая законность, 1968, № 1, с. 32; Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1977, т. 1, с. 154—163.

ускоренное влияние на развитие всех отраслей права. На качественно высоком уровне в это время происходит развитие криминалистики и всех тесно взаимосвязанных ее частей — криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования. Являясь завершающим разделом криминалистики, методика расследования разрабатывает необходимые теоретические и практические рекомендации по расследованию любых преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного Кодекса.

Учитывая ограниченные возможности настоящей статьи, представляется целесообразным рассмотреть лишь некоторые аспекты истории методики расследования, характеризующие период ее развития с 1941 по 1965 годы, естественно, не претендуя на исчерпывающее изложение затрагиваемых вопросов.

В годы Великой Отечественной войны несколько замедлилась теоретическая разработка проблем методики расследования преступлений, однако она не прекращалась. Наоборот, усиливалось внимание к разработке ее аспектов, связанных с задачами разгрома врага, установлением и расследованием злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, изобличением и наказанием предателей и изменников Родины. К числу таких работ можно отнести, например, работу С. М. Потапова и А. А. Эйсмана «Борьба с диверсантами», вышедшую в 1941 г. В этой книге авторы освещают вопросы организации борьбы со шпионами и диверсантами, приемы их вражеской деятельности, дают рекомендации об использовании вещественных доказательств в целях своевременного раскрытия и предупреждения этих опасных преступлений.

Большую практическую помощь следователям оказала «Инструкция органам дознания Красной Армии», составленная С. Я. Розенблитом и введенная в действие в ноябре 1942 г. Приказом НКЮ № 357⁴. В этом же году в Юридическом издательстве НКЮ СССР вышла его обстоятельная работа «Дознание в Красной Армии. Руководство для следователей». В ней, помимо вопросов организации дознания, рассмотрены многие стержневые вопросы методики расследования преступлений (общие принципы производства дознания, доказательства, собирание доказательств с помощью ос-

⁴ См.: Карев Д. С., Савицкий Н. И. Очерки истории советской военной прокуратуры. М., 1948, с. 75.

мотра, допросов, очных ставок, обысков и других следственных действий, даны конкретные методические рекомендации по расследованию дел о побеге с поля боя, членовредительстве, кражах). Обращают на себя внимание обоснованные методы расследования, базирующиеся на знании способов совершения преступлений. Так, в методике расследования членовредительства С. Я. Розенблит пишет, что «членовредитель редко сознается в совершенном преступлении... чтобы сбить с толку следствие, членовредители стреляют в себя через влажную ткань, через хлеб и т. п., чтобы таким путем перехватить следы ожога. Для получения доказательств содеянного таким образом необходимо произвести осмотр места происшествия с целью обнаружения прокладок, выброшенных членовредителем, его оружие с целью обнаружения на нем следов крови»⁵. Установленные закономерности расследования имеют основополагающее значение для развития методики и в настоящее время.

В работе «Военный следователь на фронте» (1943 г.) содержались важные методические указания о планировании, оперативности, устранении излишних следственных действий, предупреждении преступлений⁶.

В этот период были изданы приказы, инструкции, обзоры, обобщения следственной и судебной практики, подготовленные прокуратурой СССР, следственным отделом, НКЮ СССР, МВД СССР, Верховным Судом СССР и соответствующими органами союзных республик, в которых даны методические указания по вопросам возбуждения уголовных дел, производству первоначальных и неотложных следственных действий, о предмете доказывания, об основных приемах и методах обнаружения и фиксации доказательств. Особенно это касалось дел о хищениях государственного и общественного имущества, порче сельхозпродуктов, разбазаривании горючего и масел в МТС и совхозах, спекуляции, самогонварении, кражах, бандитизме и др.⁷.

⁵ Розенблит С. Я. Дознание в Красной Армии. Руководство для дознавателей. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942, с. 32.

⁶ См.: Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1965, с. 56.

⁷ См.: Приказ НКЮ СССР № 4 от 18 января 1942 г. «О ходе выполнения указания НКЮ СССР от 15 ноября 1941 г. о борьбе с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, овощей и других сельхозпродуктов»; Приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 22 мая 1942 г.: «О рассмотрении дел о самовольном уходе с предприятий или учреждений лиц, не

Существенную роль в совершенствовании и создании новых эффективных методик расследования в то время сыграли научные исследования в области производства экспертиз (криминалистических, физико-химических, фотографических и др.). Благодаря экспертным исследованиям появилась возможность обнаруживать, изымать и использовать в целях установления истины по делу ранее не приобщавшиеся вещественные доказательства. Стали правилом (особенно по сложным делам) выезды экспертов на место происшествия. Так, по данным А. И. Миронова, если в 1941 г. эксперты научно-технических подразделений участвовали более чем в тысяче осмотров места происшествия, то в 1944 г. эта цифра возросла до 3807 выездов. В это время экспертами были разработаны весьма обстоятельные методические указания (ориентировки) об осмотре места происшествия, использовании различных вещественных доказательств и следов для установления и разоблачения преступников, установлении симуляции преступления, применении научно-технических методов при расследовании убийств с расчленением трупов и др. Как показывает анализ материалов, в методике расследования дальнейшего развития получает метод «от способа преступления к способу его раскрытия».

Для установления и расследования чудовищных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками против Советского Союза. В ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная Государственная Комиссия. Она осуществляла свои функции в соответствии с Положением «О Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозникам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» и инструкциями. К работе в следственном аппарате Комиссии были привлечены лучшие прокуроры и следователи страны. Среди них: Р. А. Руденко, Г. Н. Александров, Н. Д. Зоря, Д. С. Карев, Ю. В. Покровский, М. Ю. Рагинский и др.

достигших 16 лет»; Приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 25 января 1944 г. «Об усилении борьбы с бандитизмом, разбоями, грабежами, хулиганством и кражами» (Приказы и распоряжения руководящих органов МЮ СССР.— Архив Алтайского краевого суда за 1942 г., л. 68—98; за 1943 г., л. 91; за 1944—1945 гг., л. 30—43); Советская прокуратура. Сб. документов. М.: Юрид. лит., 1981, с. 122—128.

В разработанных Инструкциях содержались подробные методические указания о фактах и обстоятельствах, подлежащих установлению и учету, приемах их выявления, регулировался порядок их установления и процессуального оформления. Так, в соответствии с п. 4 Инструкции «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», одобренной СНК СССР 17 июня 1943 г., установлению и учету подлежали: факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учиненных немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над беззащитными людьми, женщинами, детьми и стариками; факты увода советских людей в немецкое рабство; факты пыток, истязаний, убийств, учиненных немецко-фашистскими властями и их сообщниками над пленными, больными и ранеными советскими военнослужащими. Эти факты, согласно Инструкции, могли быть установлены актами на основании заявлений советских граждан, допроса погерпевших, свидетелей, врачебной экспертизы, а также осмотра места, в котором совершено это злодеяние.

Важные методические указания содержались в этой Инструкции и относительно ряда элементов криминалистической характеристики совершенных преступлений. Например, в соответствии с п. 6 Инструкции акты должны содержать в себе «по возможности точное описание совершенных преступлений: времени, места и способов их совершения». В акте необходимо было указать Ф., И., О., местожительство лиц, удостоверивших факт совершенного злодеяния. Акты должны быть подписаны всеми лицами, принимавшими участие в их составлении. Большое значение придавалось сбору доказательств совершенных преступлений. К актам необходимо было прилагать все относящиеся к делу документы: заявления советских граждан, протоколы опросов, заключения экспертов, фотоснимки, письма советских людей, угнанных в фашистское рабство, обнаруженные приказы и распоряжения оккупационных властей и другие документы. Для привлечения к расследованию граждан широко использовались газеты, радио и другие способы⁸.

Другая инструкция «О порядке определения ущерба, причиненного гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов

⁸ См.: Приказы и распоряжения руководящих органов МЮ СССР. Архив Алтайского краевого суда за 1942 г., л. 28.

и их сообщников» содержала методические указания относительно определения ущерба (порядок извещения населения о приеме заявлений, правила определения видов ущерба, оценки уничтоженного и ограбленного имущества и др.)⁹

О проделанной в то время колоссальной следственной работе и методике исследования доказательств писал Г. Н. Александров. Перед советскими следователями, прибывшими в Нюрнберг, вспоминал он, «стояла задача отобрать трофейные немецкие документы, которые хранились в архивах американской делегации, для использования их в качестве доказательств советскими обвинителями, а также допросить главных военных преступников и так называемых свидетелей, содержащихся под стражей в Нюрнбергской тюрьме. В процессе этой работы было изучено несколько тысяч таких документов, из которых несколько сот отобрано для целей обвинения. Все они были соответственно классифицированы и использованы при допросах как до суда, так и на самом процессе»¹⁰.

Следователи методически правильно собрали процессуально закреплённые неопровержимые показания потерпевших, свидетелей, вещественные, документальные и иные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, убийствам, разрушениям и другим преступлениям. «Здесь многое,— писал В. Вишневский,— личные письма, стенограммы выступлений подсудимых, их дневники, альбомы. Здесь приказы и здесь же результаты этих приказов — вплоть до кусков человеческой кожи и отрубленных голов»¹¹. Собранные доказательства сыграли большую роль в разоблачении главных фашистских преступников на Нюрнбергском процессе. Высокая оценка работе следственного аппарата Государственной Чрезвычайной Комиссии дана в речи Главного обвинителя от СССР тов. Р. А. Руденко. «В распоряжении советского обвинения,— говорил Р. А. Руденко 8 февраля 1946 г.,— имеются многочисленные документы, собранные Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и являющиеся неопровержимыми доказательствами бесчис-

⁹ Там же, л. 30.

¹⁰ Александров Г. Н. Советские прокуроры в Нюрнберге.— В кн.: На страже советских законов. М., 1972, с. 416.

¹¹ Социалистическая законность, 1966, № 10, с. 55.

ленных злодеяний немецких властей»¹². Фашистские палачи ответили перед судом человечества за свои кровавые злодеяния.

Советские следователи проделали большую работу и по расследованию преступлений, совершенных японскими военными преступниками, и продемонстрировали международному суду в Токио преимущества советской следственной школы¹³. Японские власти успели сжечь почти всю документацию. Они уничтожили и другие доказательства, которые уличали их в чудовищных преступлениях. Реакционные круги, стоящие за японскими военными преступниками, делали все, чтобы помешать расследованию и справедливому свершению возмездия. И только хорошо спланированные, всесторонне продуманные организация и методы расследования, умноженные на настойчивость, кропотливость, творчество и проницательность, позволили получить необходимые доказательства их преступной деятельности. Были обнаружены и использованы многочисленные подлинные документы, копии документов, телеграммы, меморандумы, заявления, шифровки, публичные выступления, ноты правительств, протесты, карты, схемы с маршрутами движения войск, кораблей. Использованы были также свидетельские показания, фотографии, магнитофонные записи, литературные выступления, личные дневники.

Советскую часть трибунала представляли в Токио обвинители Н. А. Базенко, С. А. Голунский, А. Н. Васильев, Л. Н. Смирнов, А. И. Иванов, П. Т. Морозов и др. Первые несколько месяцев руководителем группы советских обвинителей был член-корреспондент АН СССР С. А. Голунский, а затем им стал А. Н. Васильев, в то время прокурор Москвы, а позже профессор МГУ.

За годы войны методика расследования поднялась на новую, качественно более высокую ступень своего развития. При расследовании преступлений стали шире использоваться научно-технические средства и помощь специалистов и экспертов. Экспертные исследования вещественных доказательств позволяли точнее выдвигать по делу следственные версии и

¹² Вступительная речь главного обвинителя от СССР тов. Р. А. Руденко на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге 8 февраля 1946 г. М.: Юриздат МЮ СССР, 1946, с. 27.

¹³ См.: Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950; Васильев А. Международный суд над главными японскими военными преступниками.— Социалистическая законность, 1975, № 12, с. 53; Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1978, с. 37, 269, 471 и др.

устанавливать событие преступления и виновность лица, совершившего его. Оперативнее шло раскрытие преступлений. Несмотря на трудности военного времени, никаких отступлений от процессуальных правил, предписанных уголовно-процессуальными кодексами, не допускалось. Велась решительная борьба со всякого рода попытками упрощенчества уголовно-процессуальных форм. «Борьба за высокое качество предварительного расследования проходит красной нитью в работе всех военных прокуроров как на фронте, так и в тылу»¹⁴.

После победного окончания Великой Отечественной войны перед советскими криминалистами встала большая задача широкого развертывания научных исследований в области криминалистики, внедрения передового опыта в практику борьбы с преступностью и подготовки следственных кадров в мирных условиях. Важную роль в этом сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»¹⁵. В связи с организацией по ходатайству Прокуратуры СССР в 1949 г. Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики научные исследования в области методики расследования отдельных видов преступлений значительно активизировались. Намного улучшилась связь теории и практики. Были разработаны широко известные методики по расследованию и предупреждению отдельных видов преступлений, например, хищений в промышленности, на железнодорожном транспорте, в системе сберегательных касс, убийств и др. Авторами их были многие видные ученые и практики (Т. М. Арзуманян, А. Н. Васильев, В. И. Теребилов, Г. И. Кочаров, В. П. Колмаков, М. Г. Коршик, П. И. Тарасов-Родионов и др.).

Мобилизующее значение для резкого улучшения качества следствия и новых исследований по методике расследования имело решение Прокуратуры СССР и ВНИИ криминалистики о систематическом, начиная с 1950 г., выпуске методического издания о следственной практике. Значение методической информации, имеющейся в сборнике, трудно переоценить.

¹⁴ Карев Д. С., Савицкий Н. И. Указ. раб., с. 75.

¹⁵ Подробнее об этом см., например: Панкратов А. Воспитание и обучение следственных кадров.— Социалистическая законность, 1973, № 8, с. 8; Филиппов А. Совершенствование мастерства следователей.— Социалистическая законность, 1973, № 9, с. 21; Колмаков В. П. Кузница прокурорско-следственных кадров.— Социалистическая законность, 1967, № 8, с. 48.

В это время вышла интересная работа коллектива авторов (Г. Н. Александрова, Т. М. Арзуманяна и др.) «Настольная книга следователя», в которой на основе теоретического и практического обобщения опыта расследования преступлений освещалась методика наиболее сложных и распространенных отдельных видов преступлений (хищений, обмеривания и обвешивания, убийств и др.). Внимательный анализ содержащихся в ней методик расследования показывает, что они имели некоторые новые элементы общих методических указаний, которые могли служить отправным началом для построения общей теории методики расследования. К их числу относятся общие указания о методике расследования отдельных видов и групп преступлений и непосредственно методика расследования (задачи следствия, определяемые способом совершения преступления, очередность производства следственных действий и др.)¹⁶. Однако названные положения были весьма краткими и нуждались в более глубоком теоретическом обосновании.

Более удачную позицию занял Б. М. Шавер. Методика расследования отдельных видов преступлений; согласно его позиции, разрабатывает следующие основные положения: значение борьбы с данным видом преступлений и задачи расследования; первоначальные неотложные действия следователя, подлежащие проведению при расследовании данной категории дел; существенные обстоятельства, подлежащие выяснению и исследованию; особенности планирования расследования данной категории преступлений; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; изучение личности обвиняемого; выявление мотивов преступления; меры по возмещению причиненного вреда; выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления¹⁷. Предложенная Б. М. Шавером система «основных положений методики расследования» с позиций современного уровня развития науки криминалистики и ее методики, естественно, нуждается в совершенствовании. Но и с позиции того времени следует заметить, что она содержала ряд недостатков. В частности, она не охватывает общего содержания методики расследования, не выделяет ее основных черт, а, скорее всего, объясняет структуру и направление расследования.

¹⁶ См.: Настольная книга следователя. М., 1949, с. 630—662, 698.

¹⁷ См.: Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. С. И. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. Ч. 2. М., 1952, с. 4.

В системе Б. М. Шавера, как представляется, не видно существенного: что должна «братъ», заимствовать методика расследования от криминалистической техники и следственной тактики и что же является ее «коренной», основной частью, действительно тем, что характеризует ее как самостоятельную часть криминалистики. То, что методика расследования есть самостоятельная часть криминалистики, явилось общепризнанным фактом. При этом всякий раз подчеркивалось, что у нее есть свои «общие положения расследования», которые могут применяться при расследовании дел любой категории и даже тех, которые могут появиться в будущем. Однако, согласно позиции Б. М. Шавера и других ученых того периода, оставалось далеко неясным, что же скрывается за «общими положениями расследования».

Методика расследования отдельных видов преступлений полностью еще не могла в то время базироваться на общих положениях следственной тактики, ибо «тактика следствия,— как правильно писал в те годы А. Н. Васильев,— существует в криминалистике как понятие, не имеющее точно определенного содержания, а не как самостоятельная часть криминалистики, которая имела бы свое собственное содержание, свои задачи и место в системе криминалистики»¹⁸. В то время еще предстояло конституировать следственную тактику и четко определить саму систему криминалистики¹⁹. Подводя итоги расширенных заседаний Совета ВНИИ криминалистики в 1955 г., С. А. Голунский справедливо отметил, что «для того, чтобы криминалистическая тактика заняла свое место как особый раздел криминалистики, должна быть создана какая-то общая часть этого раздела. Для техники такая часть имеется. Это учение о криминалистической идентификации. Для методики мы пытаемся создать такой раздел, выделив в него общие вопросы методики. Но для тактики ничего похожего мы пока не создали»²⁰.

О том, что подразумевал под словами «общие вопросы методики» С. А. Голунский, можно судить из вскоре вышедшего под его редакцией учебника по криминалистике²¹. Кон-

¹⁸ Васильев А. Н. О тактике следствия.— В кн.: Советская криминалистика на службе следствия. М., 1956, вып. 7, с. 141.

¹⁹ См.: Васильев А. Н. Основы следственной тактики. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1960.

²⁰ Советская криминалистика на службе следствия. М., 1956, вып. 7, с. 161.

²¹ См.: Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. С. А. Голунского. М., 1959, с. 350.

кретным методикам расследования (убийств, хищений, краж и др.) в нем была предпослана самостоятельная глава «Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений», в которой более обстоятельно, чем прежде, излагались вопросы о понятии методики расследования, ее месте в системе криминалистики, содержании, а также некоторые общие методические и организационные указания, относящиеся к расследованию всех видов преступлений. Как результат научных исследований того периода, глава о планировании расследования была изложена в разделе следственной тактики в нынешнем ее понимании, хотя как таковая следственная тактика в нем еще не названа. Анализ «основных положений» показывает, что к методике расследования отнесен довольно широкий круг вопросов, который, как представляется, не относится и не должен относиться к предмету методики расследования и науке криминалистике, а составляет предмет других наук (уголовного права и др.). Таковы, например, вопросы о составе преступления, характере и состоянии преступности, правильном и своевременном разрешении первичных сообщений и материалов о преступлениях. Рекомендуемые «основные положения» в значительной своей части больше всего соответствуют учебным пособиям для следователей и, безусловно, полезны для практики. Под этим углом зрения в пособиях действительно целесообразно излагать сведения и иного характера, например, справочного (производственного, технического, бухгалтерского учета и т. п.), которые не составляют предмета методики расследования, а заимствуются из «материнских наук». Но, как справедливо пишет А. Н. Васильев, «...это явно неправильный путь»²² в развитии методики расследования как части криминалистики.

Нельзя не заметить и то, что в предлагаемой структуре «основных положений» не отражены и другие важные положения методики: принципы построения, ситуационность, этапность расследования, особенности применения криминалистической техники и тактики. Частичные разработки по этим вопросам уже имелись²³.

²² См.: Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 8.

²³ См.: Зотов Б. Л. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1955; Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М.: Юрид. лит., 1957; Шляхов А. Р. Планирование предварительного следствия. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1957 и др.

К середине 60-х годов методика расследования отдельных видов преступлений представляет собой более или менее устоявшуюся самостоятельную часть криминалистики, которая имеет свой предмет, свои «общие положения» или «основные принципы» и применяет общие приемы расследования — следственной тактики, а также средств и приемов криминалистической техники в специфических условиях расследования отдельных видов преступлений²⁴.

Заметным явлением в теоретической разработке проблем методики расследования преступлений явились исследования, проведенные А. Н. Колесниченко. В своих исследованиях, как представляется, он исходит из правильной посылки и считает, что методика расследования как раздел науки криминалистики также должна содержать: а) общие положения; б) методики расследования отдельных видов преступлений. Общие положения, по его мнению, включают в себя вопросы о понятии методики, связи методики с уголовным правом и процессом, о значении способа совершения преступления для расследования и основные положения (принципы). А. Н. Колесниченко сформулировал систему «основных положений» и «систему методики расследования отдельного вида преступления»²⁵. Система «основных положений», согласно его позиции, включает: а) индивидуальность расследования; б) планомерность расследования; в) сочетание следственных действий с оперативно-розыскными мерами; г) сочетание действий следователя и общественности в расследовании; д) сочетание действий следователя и сведущих лиц.

Таким образом, А. Н. Колесниченко далее развил представление о методике расследования преступлений, с одной стороны, как самостоятельной системе криминалистики, а с другой стороны, находящейся в тесной взаимосвязи с другими разделами криминалистики. Его исследования явились своеобразным пунктом в подведении итогов развития методики расследования преступлений за прошедшие годы и исходным рубежом в новых исследованиях.

Достигнутый уровень научных исследований в области методики расследования отнюдь не означал отсутствия разли-

²⁴ См.: Советская криминалистика: Учебное пособие / Под ред. С. П. Митричева и М. П. Шаламова. М., 1962, с. 3; Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. А. Н. Васильева. М., 1963, с. 3 и др.

²⁵ Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965, с. 13.

чий во взглядах авторов на дальнейшее развитие ее. Напротив, тщательный анализ позиций ведущих криминалистов и их научных направлений свидетельствует о дискуссионности проблем методики расследования, необходимости их разрешения²⁶.

²⁶ См., например: Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980; Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980, с. 65.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ф. Мицкевич. О месте принципа соответствия наказания характеру и тяжести преступления в системе принципов советского уголовного права	3
В. В. Тирский. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность»)	15
Ю. В. Голик. Поощрительные нормы в советском уголовном праве	24
В. Д. Филимонов. Криминологические основания правового выражения обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность	34
А. П. Козлов. Медiana санкции: ее понятие и практическое значение	45
В. А. Уткин. Возложение обязанности загладить моральный вред как воспитательно-профилактическая мера при осуждении без лишения свободы	51
А. Г. Корчагин. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних за неосторожные преступления, связанные с использованием техники	58
А. К. Музеник. О возможных путях совершенствования института условного осуждения с применением ст. 44 УК РСФСР	63
Ю. А. Белобородов. Юридическая природа условного осуждения к лишению свободы и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду	69
А. С. Фролов. Соотношение понятий повторности и неоднократности как квалифицирующих признаков преступлений	81
Р. И. Михеев. Общественная опасность невменяемого и ее критерии	88
С. А. Елисеев. Кража социалистического и личного имущества граждан, соединенная с проникновением в помещение, хранилище, жилище	100
Г. И. Чечель. Понятие жертвы преступления (соотношение с уголовно-правовым и уголовно-процессуальным понятием)	107
А. Л. Ременсон. Проблема совершенствования правовых основ повышения трудовой и общественной активности осужденных, содержащихся в ИТУ	114
Г. Н. Доронин. О потребностях, лежащих в основе насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними	123
Н. П. Клеутина. Ревность — мотив преступления	130
О. В. Филимонов. О соотношении мер исправительно-трудового воздействия и мер индивидуальной профилактики преступлений	138

А. С. Червоткин. Цель специального предупреждения преступлений и средства ее достижения при применении уголовного наказания	147
В. Д. Арсеньев. О некоторых научных, логических и этических аспектах дискуссии о презумпции невиновности в советском уголовном процессе	162
Н. П. Тутышкин, Е. С. Коба. К вопросу о соблюдении права на защиту несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии	173
Н. Г. Стойко. Некоторые вопросы реабилитации невиновных в уголовном судопроизводстве	181
Л. М. Володина. Гарантии прав личности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям	187
Н. Т. Ведерников. Следственная тактика и пути ее развития	194
В. Е. Корноухов. О повышении роли судебной экспертизы в решении тактических задач предварительного следствия	20
М. В. Безуглов. Актуальные проблемы организации расследования и предупреждения пожаров	20
А. И. Данилюк, М. П. Рахлевский. Понятие эффективности предварительного расследования	215
Ю. К. Якимович. Предоставление осужденным права передвижения без конвоя (расконвоирование) и отмена права передвижения без конвоя (законвоирование). (Некоторые вопросы правового регулирования и практики применения)	226
В. К. Гавло. О развитии методики расследования отдельных видов преступлений в военный и послевоенный периоды (1941—1965 гг.).	237

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИБ 1279

Редактор *В. А. Малаховская*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректор *О. М. Завьялова*

Сдано в набор 9.08.83 г. Подписано к печати 27.06.84 г. К305147.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. П. л. 15,75; уч.-изд. л. 14; усл. п. л. 14,64. Тираж 500 экз.
Заказ 14017. Цена 2 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

